

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 7 2019 г.

ОКОЛОБАЙКАЛЬСКИЙ СИНДРОМ

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, ректор РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н.; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н.; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н.; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Г.П. Литвинцева**, НГПУ, д.э.н.; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГПУ, к.э.н.; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н.; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н.; **Л.Н. Щербаклова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

7 (541) 2019

Editor in chief - Dr., Prof. **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS

Editorial Board:

Prof. Dr. **Aganbegyan, A.G.**, Russian Academy of National Economy and Public Service at the Russian President; Prof. Dr. **Baranov, A.O.**, Novosibirsk State University; Prof. **Bardazzi, R.**, PhD, Faculty of Political Sciences, University of Florence (Italy); Prof. **Buharova, E.B.**, PhD, Siberian Federal University; Prof. Dr. **Glazyrina, I.P.**, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS; Prof. **Grigoriev, L.M.**, PhD, Higher School of Economics; **Jae Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; Prof. Dr. **Hong Yul Han**, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **Kolmogorov, V.V.**, PhD; Prof. Dr. **Kuleshov, V.V.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; **Mironosetsky, S.N.**, Siberian Generating Company; **Moe, A.**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute; **Nikonov, V.A.**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; Dr. **Psarev, V.I.**, Interregional Association of the Economic Cooperation «Siberian Accord»; Prof. Dr. **Shvetsov, A.N.**, Institute for Systems Analysis RAS; Prof. Dr. **Suslov, N.I.**, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Prof. Dr. **Uss, A.V.**, Governor of Krasnoyarsk Krai; Prof. **Weber, Hs.**, PhD, Canada-Russian Economics School; Prof. **Voronov, Yu.P.**, PhD, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; **Yutsyun, Ma**, PhD, Heilongjiang Academy of Social Sciences; **Ze Shi**, PhD, Institute of International Studies; Prof. Dr. **Zorkaltsev, V.I.**, Energy Systems Institute SB RAS.

Advisory Board:

Dr. **Alekseev, A.V.**; Dr. **Barsukova, S.Yu.**; PhD **Fadeeva, O.P.**; Dr. **Gluschenko, K.P.**; PhD **Goosen, E.V.**; Dr. **Kapoguzov, E.A.**; Dr. **Klistorin, V.I.**; Dr. **Litvintzeva, G.P.**; PhD **Melnikov, V.V.**; PhD **Melnikova, L.V.**; Dr. **Shcherbakova, L.N.**; PhD **Shmat, V.V.**; PhD **Teslia, P.N.**; **Veselova, E.Sh.**

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of RAS
Novosibirsk State University
Editorial Office of ECO journal

Editor

ANO Editorial Office of ECO journal
Academician Lavrentyev Av. , 17. Novosibirsk, 630090, Russia

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

4 Неустойчивая пирамида

Тема номера: ОКОЛОБАЙКАЛЬСКИЙ СИНДРОМ

8 ДЕЦ И.А.

«Переезд» на Дальний Восток –
возможность качественного роста
для Забайкалья?

22 МАКСЮТОВА Е.В.,
БАШАЛХАНОВА Л. Б.,
КОРЫТНЫЙ Л.М.

Влияние современных
температурных колебаний
на хозяйственную деятельность
населения в Байкальском регионе

35 ЛОМАКИНА Н.В.

Стратегические приоритеты
экономического развития
и «ресурсная экономика»

Дальневосточного макрорегиона

54 БЕЛОУСОВА С.В.

Проблемы реализации
современных тенденций
пространственного развития
в регионах Восточной Сибири

РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

80 ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Е.,
ЧАПАРГИНА А.Н.

Расходы муниципалитетов
и доходы населения
российской Арктики

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

98 АДЕЛЬФИНСКИЙ А.С.

Деньги на телеграммы?

Об экономическом эффекте
международных спортивных событий

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

123 ПОДОБА З.С.,

МОЛДОВАН А.А.,
ФАИЗОВА А.А.

Импортозамещение
сельскохозяйственной продукции
в России

140 ТАГАРОВ Б.Ж.

Специфика экономики
совместного потребления
и условия ее развития

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

156 АРТЕМОВ Е.Т.

Мобилизация и конкуренция
в советском атомном проекте

173 КРАСИЛЬНИКОВ С.А.

Инсценирующая диктатура:
судебный процесс «Промпартии»
1930 г.

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 Unstable pyramid

Cover Story:

AROUND BAIKAL SYNDROME

- 8 DETS, I.A.
Is "Moving" to the Far East
an opportunity for qualitative growth
for Transbaikalia?
- 22 MAKSYUTOVA, E.V.,
BASHALKHANOVA, L.B.,
KORYTNY, L.M.
Influence of Recent Temperature
Fluctuations on Economic Activity
of the Population in the Baikal Region
- 35 LOMAKINA, N.V.
Strategic Priorities of Economic
Development and "Resource Economy"
of the Far East Macroregion
- 54 BELOUSOVA, S.V.
Implementation Problems of Modern
Trends of Spatial Development
in Eastern Siberia's Regions

DEVELOPMENT OF THE NORTH AND THE ARCTIC

- 80 EMELYANOVA, E.E.,
CHAPARGINA, A.N.
Expenditure of Municipalities Budget
and Population Incomes in the Russian
Arctic

REGIONAL DEVELOPMENT

- 98 ADELFINSKY, A.S.
Money for Telegrams? About
the Economic Impact of International
Sports Events

MONITORING OF ECONOMIC TRANS- FORMATION

- 123 PODOBA, Z.S.,
MOLDOVAN, A.A.,
FAIZOVA, A.A.
Import Substitution of Agricultural
Products in Russia.
- 140 TAGAROV, B.Z.
The Specifics of Sharing Economy
and Conditions of its Development

ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- 156 ARTEMOV, E.T.
Mobilizations and Competition
in the Soviet Nuclear Project
- 173 KRASILNIKOV, S.A.
Staging Dictatorship: the «Industrial
Party» Trial of 1930

Неустойчивая пирамида

Окружающий нас мир меняется очень быстро – то, что еще вчера казалось незыблемым и устойчивым, на глазах становится хрупким и не отвечающим тем процессам, которые набирают силу и во все большей степени определяют картину и дня сегодняшнего и, тем более, дня будущего.

Приходится, например, констатировать, что так называемая пирамида Маслоу сегодня уже не работает, и объяснение мотивации людей к работе на основе растущей иерархии потребностей не позволяет понимать и прогнозировать их поведение в этой важной области. Классическая пирамида мотивационных предпочтений значительно изменилась – на самом начальном этапе выбора направлений своей деятельности представители разных профессий считают и карьеру, и коллектив, и дело одинаково важными*.

При этом человек все чаще воспринимается не только как работник – исполнитель определенных производственно-экономических функций и задач, но и как движущая и преобразующая сила социально-экономических процессов и, одновременно – их конечная цель (о чем мы на страницах журнала писали многократно).

Как ни парадоксально, но сегодня многие проекты и программы социально-экономического развития, декларируя своей главной целью «блага человека», на деле очень слабо учитывают его реальные желания и устремления, ориентируясь главным образом лишь на уровень доходов и удовлетворение текущих базовых потребностей. При таком подходе говорить об устойчивости тенденций и социально-экономических процессов в рамках как страны в целом, так и отдельных ее территорий, не приходится: мы неизбежно сталкиваемся с оттоком наиболее динамичных, креативных и предприимчивых людей. Как результат – сначала утрата темпов развития, затем стагнация, и наконец – неизбежная «коренная трансформация» социально-экономической модели.

* Гранкова Варвара. Почему пирамида Маслоу уже не работает. Она нуждается в обновлении // Ведомости. 2019. 18 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/06/17/804375-piramida-maslou>

Для устойчивости мотивационной пирамиды, обеспечивающей социально-экономическое развитие той или иной территории, необходимы условия, которые формировали бы, помимо прочего, чувство сопричастности человека к происходящему, способствовали закреплению (укоренению) в данной местности наиболее креативных и творческих работников. Вполне очевидно, что соответствующие шаги и меры должны отличаться от местности к местности, от одних исторических условий к другим и т.д.

Так, например, проект «дальневосточный гектар», по мнению автора, имеет мало общего с закреплением населения в регионах Дальнего Востока: он, во-первых, не учитывает современные особенности хозяйствования на земле; во-вторых, весьма далек от поддержки реально значимого производителя сельскохозяйственной продукции; в-третьих, не принимает во внимание отмеченные выше современные мотивационные особенности творчески мыслящего человека, без чего невозможно движение вперед ни в одной области человеческой деятельности.

Не менее важно понимание и осознание специфичности территории, а также высокая степень доверия к тем, на чьи плечи ложится «социальная ответственность» за ее благополучие. В последнем случае это не только (и не столько) руководители регионов (как исполнительной, так и законодательной ветвей власти), но и руководители муниципалитетов, и лидеры местных сообществ и групп, имеющие реальную возможность представлять и реализовать устремления проживающих на территории людей.

Еще один важный нюанс: современные подходы к социально-экономическому развитию территорий не могут быть обращены в прошлое, консервируя ранее принятые решения и когда-то зарекомендовавшие себя рецепты и методы. Они должны эволюционировать вслед за меняющейся действительностью.

В целом, как представляется, привычная нам пирамида подходов, мер, шагов, которая обеспечивает поступательное социально-экономическое развитие территории, во все большей степени трансформируется в сетевую структуру, по своей конфигурации весьма далекую от пирамидальной.

К сожалению, как показывают авторы настоящей тематической подборки, государственные подходы к решению социально-экономических проблем Востока России все еще опираются

на деформированные классические принципы (по сравнению с которой даже пирамида Маслоу представляется новым словом в науке).

Так, например, имеет место «...проблема ограниченности участия самих регионов в создании и управлении территорий опережающего развития и особых экономических зон» (статья С.В. Белоусовой). В результате на Востоке России «поезд движется по накатанной колее» – «значительный рост инвестиций в Иркутской области оказался обеспечен главным образом развитием нефтедобычи на севере региона». Поэтому вполне закономерно, что «...улучшение транспортной доступности не вызвало всплеска инвестиционной активности и не остановило отток населения» (статья И.А. Деца). При этом, увы, «... на “глубину” 10–15 лет существенных структурных изменений в их экономиках не предполагается. По-прежнему в большинстве территорий макрорегиона ключевыми направлениями развития и основными драйверами их экономического роста остаются добывающие отрасли» (статья Н.В. Ломакиной).

Неустойчивость пирамиды классической взаимосвязи факторов и условий социально-экономического развития регионов Востока России («добыча – вывоз» (экспорт) при незначительной подготовке и переработке на территории) создает значительные проблемы не только в средне-долгосрочной перспективе, но сказывается и на решении проблем дня сегодняшнего. В Байкальском регионе, например, «во всех трех субъектах показатели социально-эколого-экономической системы в расчете на единицу негативного воздействия производят меньше ресурсов для благосостояния, чем в среднем по стране» (статья Е.В. Максютовой, Л.Б. Башалхановой, Л.М. Корытного). Сохранение рудиментарной системы тепло-, энергоснабжения (в основе которой сжигание угля) в регионе, который является одним из лидеров производства гидроэнергии, привело к тому, что «проблемы, возникающие со сжиганием, хранением запасов и избытков угля, остаются актуальными, несмотря на тенденцию повышения средних температур» (там же).

Среди наиболее очевидных шагов повышения устойчивости отмеченной классической пирамиды является ее реальная (а не декларативная) модернизация за счет усиления роли и значимости человека во всех процессах и на всех этапах принятия

и реализации «судьбоносных» решений. Речь идет не столько о преференциях и льготах, сколько о возможности самореализации – устранении барьеров ведения бизнеса, обеспечении доступа к кредитным ресурсам и развитию форм внутрирегиональной кооперации. В основе всех отмеченных шагов – высокая степень взаимного доверия и обоюдное стремление обеспечить реальные возможности реализации творческого потенциала жителей восточных регионов. Ресурсные инвестиционные проекты, какими бы многообещающими они ни были, не в состоянии повысить устойчивость действующей пирамиды социально-экономического развития значительной части территории нашей страны.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

«Переезд» на Дальний Восток – возможность качественного роста для Забайкалья?

И.А. ДЕЦ, кандидат географических наук, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск. E-mail: igordets@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции социально-экономического развития Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края за последнее десятилетие, в частности, анализируются изменение показателя инвестиций в основной капитал и ключевые крупные инвестиционные проекты. Обсуждаются выделение финансирования и подготовка к запуску важнейших для экономики Забайкальского края Удоканского и Быстринского горно-обогатительных комбинатов, а также возможные социально-экономические эффекты функционирования данных предприятий и других объектов, введённых в строй в последние годы. Делается вывод, что упомянутые крупные инвестпроекты не имеют средоформирующей функции для экономики регионов, а также слабо влияют на повышение качества жизни местного населения и миграционные потоки, направленные в настоящее время в сторону региональных центров и крупнейших городов страны.

Ключевые слова: инвестиции в основной капитал; крупные инвестиционные проекты; социально-экономический рост; сокращение численности населения; Байкальский регион; Забайкалье; Иркутская область; Республика Бурятия; Забайкальский край

Перевод Забайкалья в составе Республики Бурятия и Забайкальского края из Сибирского федерального округа в состав Дальневосточного (осень 2018 г.) некоторым наблюдателям мог показаться событием неожиданным. Однако первая из постсоветских федеральная целевая программа, касающаяся социально-экономического развития восточных территорий (1996 г.), охватывала этот макрорегион вместе с Дальним Востоком, то есть фактически данное объединение возникло на несколько лет раньше системы федеральных округов (2000 г.). Упомянутая Программа просуществовала в одном и том же территориальном формате до 2012 г. (пережив несколько изменений и дополнений), когда зона её действия была расширена за счёт Иркутской области, формирующей вместе с Бурятией и бывшей Читинской областью Байкальский регион. Это решение было обусловлено в том числе необходимостью реконструкции единой для макрорегиона инфраструктуры

(Транссиб, БАМ и др.), а также общим отставанием Иркутской области по темпам социально-экономического развития от западных регионов Сибири.

Стоит отметить, что невысокие показатели инвестиций в основной капитал стали одной из главных характеристик экономического развития Байкальского региона в постсоветский период. По абсолютному показателю инвестиций в 2005 г. Иркутская область находилась на 5-м месте (из 12) в Сибирском федеральном округе, Забайкальский край – на 8-м, Бурятия – на 10-м. В целом на округ приходилось 9,58% от российских инвестиций в основной капитал, при этом Иркутская область обеспечивала 10,6% от этого объема, а Бурятия и Забайкальский край – 2,8% и 5,0% соответственно (т.е. суммарно – 18,4% при доле в населении – 23,5%, в территории – 26,3%)¹.

Ряд крупных проектов, реализованных в Иркутской области после 2005 г., способствовал значительному изменению показателей инвестиций в основной капитал. В 2017 г. доля СФО в общероссийских инвестициях оставалась фактически прежней – 9,53%, но распределение между регионами сильно изменилось: Иркутская область получила 16,9% от всех сибирских капвложений и заняла по данному показателю уже 2-е место (после Красноярского края). Несколько улучшили свои позиции и Забайкальский край (7-е место), и Республика Бурятия (9-е), хотя их доли от общих инвестиций СФО изменились не так заметно: до 6,0% и 2,7% соответственно (весь Байкальский регион – 25,6%, при сократившейся доле в населении СФО – 23,1%).

Рост абсолютных цифр повлиял и на изменение подушевых показателей инвестиций в основной капитал. Если в 2005 г. в Иркутской области уровень удельных капвложений достигал только 58,1% от среднероссийского (в Забайкальском крае и Бурятии соответственно – 61,3%, 39,4%), то в 2017 г. эти показатели составили уже 98,2% для Иркутской области, 78,0% – для Забайкальского края и 38,8% – для Бурятии.

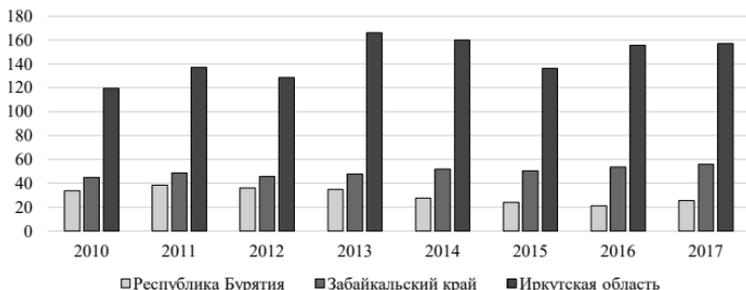
Однако обусловленный этими инвестициями экономический рост сложно назвать качественным, не только в соответствии

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат – Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 12.03.2019).

с критериями современной «зелёной» экономики или концепции устойчивого развития [Захарова, 2015; Пахомова и др., 2013; Черешнев и др., 2014], но и с точки зрения соответствия упрощённым формам самоподдерживающегося или эндогенного роста [Кормишкина, 2013; Матюшок, Балашова, 2010].

Значительный рост инвестиций в Иркутской области оказался обеспечен главным образом развитием нефтедобычи на севере региона. Строительство первой очереди нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО, завершение работ, обеспечивающих увеличение его прокачиваемых мощностей до 80 млн т нефти в год, планируется на конец 2019 г.) позволило начать разработку ряда месторождений, крупнейшее из которых – Верхнечонское – в 2015 г. вышло на пик ежегодной добычи (8 млн т нефти в год). При условии стабильного финансирования геологоразведки в ближайшие годы возможно вовлечение в оборот еще некоторого количества небольших месторождений, однако в перспективе главную поддержку росту капиталовложений в регион может дать только освоение газовых ресурсов Ковыктинского месторождения, возможность полноценной эксплуатации которого обеспечит строительство магистрального газопровода «Сила Сибири».

В целом действовавшая ФЦП социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона смогла сделать не очень много для сближения траекторий экономик трёх регионов: в отсутствие крупных ресурсных инвестпроектов в Республике Бурятия положительной динамики не наблюдалось (рисунок).

Источник: рассчитано по данным Росстата. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 12.03.2019).

Инвестиции в основной капитал в Байкальском регионе
в 2010–2017 гг., млрд руб. (в ценах 2010 г.)

Сложная судьба проектов

В действительности сложно ожидать кардинальных экономических преобразований в социально-экономическом развитии регионов от федеральной программы, вобравшей в себя фактически все возможные инвестиционные проекты (в подавляющем большинстве касающиеся развития минерально-сырьевого комплекса) и по-настоящему не гарантировавшей федерального финансирования даже для самой необходимой инфраструктуры. Если на модернизацию и реконструкцию БАМа и Транссиба в 2015 г. было решено привлечь средства из Фонда национального благосостояния (отказавшись от его исключительно резервной функции), то лимиты финансирования, первоначально запланированные на строительство моста через р. Лену в Якутске, были перераспределены в пользу федеральной программы развития Крыма и Севастополя. Другой пример – периодически возникающие (и затухающие) планы по строительству моста или тоннеля на о. Сахалин, которые обсуждаются не только в категориях экономической целесообразности проекта, но и в контексте необходимости занять чем-то крупных подрядчиков, заканчивающих работы на Крымском мосту [Адамчук, Белоглазова, 2017].

Стратегическое планирование и точный расчёт вряд ли можно назвать прочной опорой при определении приоритетов государственных капиталовложений в строительство инфраструктуры, если окончательные решения о целесообразности сроков, направлений и маршрутов могут быть приняты только первым лицом государства. Именно так это происходило с проектом нефтепровода «ВСТО» более 10 лет назад и происходит сейчас с выбором трассы очередной высокоскоростной железнодорожной магистрали (из Москвы в Казань или Санкт-Петербург).

Принципиальное одобрение инвестиционного проекта на уровне правительства не становится гарантией его реализации. История строительства железной дороги Элегест – Кызыл – Курагино, необходимой для освоения угольных месторождений Тувы, длится уже почти пятнадцать лет и включает концессионные соглашения, предложения Минобороны задействовать железнодорожные войска и последнее соглашение с РЖД на кредит в 126,6 млрд руб., предполагающее сооружение однопутной дороги длиной 410 км до 2023 г.

Непросто складывается и судьба главных инвестпроектов последних десятилетий Забайкальского края: Быстринского и Удоканского ГОКов. При этом «Норникель» завершает выход на полную мощность Быстринского ГОКа после 14 лет подготовительных работ: геологоразведки, строительства 3-го блока Харанорской ГРЭС, ЛЭП 220 кВ и железнодорожной линии Борзя – Газимурский Завод (224 км). Государственная поддержка проекту осуществлялась ещё в рамках Инвестиционного фонда РФ (2006–2017 гг.), который был упразднён в связи с неэффективностью².

Удоканское месторождение меди – крупнейшее в стране – расположено в ещё более суровых климатических условиях на севере Забайкальского края. В настоящий момент государство в лице Внешэкономбанка приняло решение профинансировать первый этап проекта на сумму 118 млрд руб. (синдицированный кредит «ВЭБа», Сбербанка и Газпромбанка). Возможно, это позволит продвинуться в реализации проекта дальше, чем обещанная еще 10 лет назад поддержка госкорпорации «Ростех» или так и не утверждённое финансирование от того же «ВЭБа» (2015 г.). Тем более что в этот раз государство способствует проекту не только льготными кредитными средствами: начато возведение ЛЭП 220 кВ Тында – Чара, подготовлен проект реконструкции аэропорта Чара, РЖД планирует реконструкцию железнодорожной станции Новая Чара.

В качестве готовой продукции Удоканского ГОКа предполагается выпуск катодной меди и сульфидного концентрата, главным образом предназначенных для отправки за рубеж. И хотя рафинированная медь формально относится к категории «несырьевого» экспорта, вполне очевидно, что реализация данного проекта (так же, как и строительство Быстринского ГОКа, разработка углей Тувы или нефтяных месторождений севера Иркутской области) органично впишется в картину ориентированной на сырьевой экспорт экономики России. Вероятность формирования смежных и сопутствующих производств на территории регионов добычи (как и на остальной территории страны) крайне мала, так что будущий рост инвестиций в Забайкалье оказывается

² Путин упразднил Инвестфонд России // РБК. 19.07.2017. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/596f8ea79a7947449f00089d> (дата обращения: 02.04.2019).

напрямую связан с функционированием добывающего предприятия: по мере истощения запасов территория потеряет все экономические перспективы.

Инфраструктура для проектов, людей и бизнеса

Может ли создаваемая инфраструктура стимулировать не связанный напрямую с основным инвестиционным проектом экономический рост, т.е. имеет ли она средоформирующую функцию? В случае, когда к ней обеспечен открытый доступ для всех заинтересованных пользователей, такой позитивный эффект можно предположить. Однако в российской практике создаваемая (в том числе – за государственный счет) инфраструктура в большинстве случаев заведомо не предполагает свободного доступа (в том числе для местных жителей). Так, построенная в рамках проекта по освоению Быстринского ГОКа Газимуро-Заводская железная дорога при организации по ней пассажирского движения могла бы значительно улучшить транспортную доступность территории (особенно – учитывая, мягко говоря, невысокое качество имеющегося автодорожного сообщения), но этого не происходит. А жители населённых пунктов вдоль нефтепровода «ВСТО» могут пользоваться лишь ограниченным правом проезда по технологической трассе (на технике с определёнными характеристиками, по заявлению, причем, для транспорта коммерческих организаций проезд платный)³. И все же это позволяет иметь хоть какую-то альтернативу дорогостоящему авиасообщению.

Значительно бóльшую средоформирующую функцию выполняет строительство общедоступной инфраструктуры. Среди наиболее заметных примеров подобных проектов в Байкальском регионе стали строительство автодороги «Амур» (Чита – Хабаровск) и подготовка инфраструктуры (включая автодорогу) для особой экономической зоны (далее – ОЭЗ) туристско-рекреационного типа «Байкальская Гавань». С 2008 по 2018 гг. на последний проект было потрачено почти 5 млрд руб., за эти средства удалось, в числе прочего, полностью обновить автодорогу от Улан-Удэ. Нет никаких сомнений, что качественное автодорожное

³ Вдольтрассовый проезд. ООО «Транснефть – Восток». URL: <https://vostok.transneft.ru/roads/> (дата обращения: 20.04.2019).

сообщение имеет огромную важность для местных жителей, как в случае с федеральной трассой «Амур», так и в случае связи районов с республиканским центром. Однако в обоих примерах улучшение транспортной доступности не вызвало всплеска инвестиционной активности и не остановило отток населения.

Своеобразным исключением стал пересекаемый трассой «Амур» Могочинский район Забайкальского края, в котором почти 10 лет спустя после завершения автодорожных работ интенсифицировалось развитие золотодобычи (месторождение Ключевское). Но вряд ли этим могочинцы обязаны новой магистральной. Инвестор из Китая, вполне возможно, предпочёл бы сооружению автодороги «Амур» строительство прямого пути в КНР, куда и предполагается направлять добываемый здесь драгоценный металл. Именно такой короткий путь как раз готовится к запуску в эксплуатацию в настоящее время в Еврейской автономной области: достраиваемый железнодорожный мост Нижнеленинское – Тунцзян через реку Амур обеспечит кратчайший маршрут для круглогодичного экспорта в Китай железорудного концентрата с Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината, а также угля и других товаров.

Освоение и новое качество жизни

В свое время строительство инфраструктуры (Транссиба) привело к массовому переселению на Восток России и обусловило интенсификацию освоения территории. Возможно ли повторить этот опыт в нынешних условиях? Если под этим подразумевать главным образом увеличение заселённости, то, вероятно, важнейшим условием для такого развития событий должна быть определённая стадия развития общества (демографическая, социальная и экономическая). Полтора века назад в Сибирь стали переселяться в основном крестьяне, готовые заниматься сельскохозяйственным освоением новых земель.

Но перенаправление миграционных потоков в города и масштабный процесс урбанизации привели к значительному росту городского населения ещё в XX веке. В настоящее время этот рост охватывает лишь малую часть крупных городов в стране, притягивающих наиболее экономически активное население. Последнее, как показывает практика раздачи «дальневосточного гектара», не стремится массово покидать агломерации

с развитым рынком труда, разнообразными возможностями для предпринимательства, качественной инфраструктурой и социальной средой. Для отдалённых от крупных городов территорий Сибири и Дальнего Востока это означает практически неминуемое сокращение численности населения, приостановить которое созданием социальной и транспортной инфраструктуры не представляется возможным.

Реализация проекта ОЭЗ «Байкальская Гавань», пытающегося привлечь инвесторов на созданную государством современную инфраструктуру налоговыми льготами и прочими преференциями, до настоящего времени не показала своей эффективности: за время существования турзоны частные резиденты не построили ни одного объекта. Но даже когда (если) проект будет запущен, очень не просто представить ситуацию активного вовлечения в его развитие местного населения и предпринимателей [Воробьевская и др., 2015].

Возможно, реализация инвестиционных проектов сама по себе способствует формированию ареалов с более высоким качеством жизни для местного населения? Большинство компаний-инвесторов регулярно заявляют и отчитываются об участии в финансировании социальных объектов и создании новых рабочих мест для местного населения [Матюгина и др., 2017]. Однако масштабы большинства реализуемых ресурсных проектов таковы, что число создаваемых рабочих мест значительно превышает имеющиеся трудовые ресурсы территорий (которые к тому же, как правило, не обладают нужными навыками и квалификацией), а привлечение сотрудников для постоянного проживания на территории реализации проекта практически всегда признаётся нецелесообразным [Ефременко, 2019].

И на севере Иркутской области, и на юго-востоке Забайкальского края добывающие компании предпочли вахтовый метод организации труда, дополняя свою инвестиционную программу поддержкой местных социальных учреждений, школ, спортивных объектов и т.д. В результате местное население в отсутствие реальной перспективы трудоустройства все так же покидает территории, не обращая особенного внимания на улучшение оснащённости амбулаторий или сельских домов культуры, а вахтовые работники в большинстве случаев живут изолированно и тратят свои заработки в основном в местах

постоянного проживания. При этом само государство не способствует повышению качества базовых социальных образовательных и медицинских услуг для местного населения [Глазырина, Фалейчик, 2019].

На примере Бодайбинского района Иркутской области с давно эксплуатируемыми месторождениями золота мы видим, что даже после десятилетий ресурсопромышленного «освоения» территории в целом не являет собой образец качественного обустройства среды и формирования благоприятных условий для жизни. Как следствие этого – продолжающееся снижение численности постоянного населения (на 26,4% только за 2008–2018 гг.) [Черенев, Дашпилов, 2015].

Из всех реализуемых и планируемых крупных инвестпроектов в Байкальском регионе только строительство Тайшетского алюминиевого завода предполагает возведение 150 тыс. м² жилья и организацию около 3 тыс. рабочих мест. Это могло бы стать одним из немногих примеров реального влияния реализации инвестиционного проекта на социально-экономическое развитие территории. Однако к настоящему моменту строительные работы идут уже более 12 лет и постоянно задерживаются по разным причинам, в том числе инвестор периодически объявляет о своем намерении полностью отказаться от участия в проекте. Таким образом, говорить о возможности и необходимости тиражирования данного опыта весьма трудно.

Заключение

Бурятия и Забайкальский край долгие годы имели невысокие показатели инвестиций в основной капитал, а наметившийся рост экономической активности в Байкальском регионе во многом обязан развивающейся нефтедобывающей отрасли в Иркутской области. Тем не менее главные проекты по освоению ресурсов Забайкальского края – Быстринский и Удоканский ГОКи – всё же постепенно начинают воплощаться в жизнь. Однако здесь существует вероятность повторения сценария Иркутской области, где интенсивное развитие нефтедобычи в последние годы никак не повлияло на негативные миграционные тенденции в районах её промысла, да и в регионе в целом.

Государственная поддержка строительства и реконструкции инфраструктуры также не доказала своей эффективности в части

создания условий для поддержания территориального развития: данного стимула для создания дополнительных сопутствующих и самостоятельных производств и предприятий оказывается недостаточно, влияние на улучшение качества жизни местного населения оказывается минимальным. Не позволяет рассчитывать на позитивный эффект для развития местных сообществ в отдалённых от региональных центров территориях и практически повсеместное применение вахтового метода работы на создаваемых в рамках крупнейших инвестиционных проектов объектах.

Вполне очевидно, что реализация всех перспективных инвестпроектов в Забайкальском крае и Бурятии при возможных позитивных последствиях для федерального и отчасти региональных бюджетов очень слабо скажется на занятости и заработках местного населения [Баранов и др., 2018; Глазырина и др., 2018]. Следовательно, жители отдалённых территорий в поисках рабочих мест и в целом более высокого уровня жизни продолжают переселяться в Читу, Улан-Удэ и их пригородные районы либо в более западные регионы России [Безруков, 2019; Воробьёв и др., 2016; Шворина, 2018].

При этом сами Чита и Улан-Удэ, несмотря на присоединение к Дальневосточному федеральному округу, вряд ли смогут стать притягательнее для мигрантов из более восточных российских регионов. Тем более, если сохранится приоритет финансирования развития Владивостока, особенно отчётливый в распределении федеральных средств по ФЦП развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 г. [Syssoeva, Dets, 2011]. В таком случае перемещение двух регионов из состава Сибирского округа в Дальневосточный может отразиться в большей мере на укрупненных статистических показателях, чем на реальных показателях развития данных регионов.

Тем не менее значительные изменения может принести ожидаемое принятие очередной, теперь уже Национальной программы развития ДФО, в которой особое место будет уделено демографической составляющей, а также статусу дальневосточника (экономические преференции обладателю которого ещё обсуждаются). Отдельным вопросом при этом является не только вероятность введения действительно масштабных мер поддержки социально-экономического развития Дальнего Востока, способных обеспечить качественный экономический

рост для территории, но и наличие финансовых возможностей для обеспечения таких мер, чтобы, как в случае с формально существующей круглогодичной субсидией на авиаперелёты, прежние и новые дальневосточники не сталкивались с постоянным исчерпанием запланированных лимитов государственного финансирования.

Литература

Адамчук О., Белоглазова Д. Мост на Сахалин станет стройкой следующего десятилетия [Эл. ресурс]. Ведомости. 2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/09/08/732910-most-sahalin> (дата обращения: 25.03.2019).

Баранов А. О., Дондоков З. Б.-Д., Павлов В. Н., Суслов В. И. Перспективы развития экономики Республики Бурятия // ЭКО. 2018. Т. 10. № 532. С. 77–96. doi: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-10-77-96>.

Безруков Л. А. Территориальная структура хозяйства и населения Байкальского региона: особенности, тенденции, перспективы // ЭКО. 2019. № 5. С. 8–26. doi: [10.30680/ECO0131-7652-2019-5-8-26](http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-5-8-26).

Воробьев Н. В., Заборцева Т. И., Леценко Я. А., Валева О. В. Социально-экономические особенности формирования качества жизни в Байкальском регионе // География и природные ресурсы. 2016. № S6. С. 108–112. doi: [10.21782/GIPR0206-1619-2016-6\(108-112\)](https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2016-6(108-112)).

Воробьевская Е. Л., Марголина И. Л., Седова Н. Б. Проблемы и перспективы развития Прибайкальского района Республики Бурятия в контексте создания ОЭЗ ТРТ «Байкальская Гавань» // География в школе. 2015. Т. 5. С. 21–25.

Глазырина И. П., Фалейчик А. А., Фалейчик Л. М. Инвестиции и экономическое развитие: сравнительный анализ для регионов России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 8. С. 101–111. doi: [10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111](https://doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111).

Глазырина И. П., Фалейчик Л. М. К вопросу о сохранении человеческого капитала на Востоке России: жизнь учителя и врача после «майских указов» // ЭКО. 2019. № 5. С. 48–65. doi: [10.30680/ECO0131-7652-2019-5-48-65](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-5-48-65).

Ефременко В. Ф. Региональная инновационная система как инструмент опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России // ЭКО. 2019. Т. 2. № 536. С. 56–73. doi: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-2-56-73>.

Захарова Т. В. Зеленая экономика и устойчивое развитие России: противоречия и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2015. № 2(30). С. 116–126. doi: [10.17223/19988648/30/11](https://doi.org/10.17223/19988648/30/11).

Кормишкина Л. А. О проблемах и перспективах изменения качества экономического роста в современной России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 9(57). С. 4–18.

Матюгина Э. Г., Пожарницкая О. В., Боярко Г. Ю., Вусович О. В. Участие компаний цветной металлургии в развитии территорий присутствия // Цветные металлы. 2017. № 12. С. 11–20. doi: [10.17580/tsm.2017.12.02](https://doi.org/10.17580/tsm.2017.12.02).

Матюшок В. М., Балашова С. А. Эндогенный экономический рост как условие модернизации экономики России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2010. № 2. С. 5–14.

Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Малышков Г. Б. Стратегия устойчивого развития и переход к зеленой экономике: обновление приоритетов и механизмов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. № 4. С. 35–54.

Черенев А. А., Дашилов Ц. Б. Бодайбинский и Мамско-Чуйский районы Иркутской области: социально-экономический анализ // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. Т. 6. № 101. С. 297–303.

Черешнев В. А., Никулина Н. Л., Боярских А. И. Эволюция исследований: от устойчивого развития к «зеленой» экономике // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 8(111). 133–143.

Шворина К. В. Миграционная подвижность населения Забайкальского края как показатель развития территории // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4. № 14. С. 310–318.

Syssoeva N. M., Dets I. A. State strategic planning and spatial development in the Siberian regions // Quaestiones geographicae. 2011. № 30(2). Pp. 71–81. doi: 10.2478/v10117-011-0019-8.

Статья поступила 20.05.2019.

Для цитирования: *Дец И. А.* «Переезд» на Дальний Восток – возможность качественного роста для Забайкалья? // ЭКО. 2019. № 7. С. 8–21. DOI: 10.30680/ЕССО0131-7652-2019-7-8-21

Summary

Dets, I.A., Cand. Sci. (Geography), V.B. Sochava Institute of Geography, SB RAS, Irkutsk

Is “Moving” to the Far East an Opportunity for Qualitative Growth for Transbaikalia?

Abstract. The article deals with the socio-economic development of the Baikal region, in the context of transfer of Zabaikalsky Krai and the Republic of Buryatia to the Far East Federal district. We analyze the indicator of investment in fixed capital in recent years, as well as implementation of major investment projects in the regions, discussing the launch of mining and processing plants Udokan and Bystrinsky, which are most important for the economy of the Zabaikalsky Krai. The results of our study show weak impact of the projects under implementation on the overall socio-economic development of the territory in the future. The contribution of such investments to improving the quality of life of the local population is also minimal while the impact on migration trends is almost non-existent. We conclude that it is necessary to introduce additional measures to stimulate development of the Trans-Baikal regions, without which distribution of territories in the far Eastern Federal district will have little impact.

Keywords: *investment in fixed capital; large investment projects; socio-economic growth; depopulation; Baikal region; Transbaikalia; Irkutsk region; Republic of Buryatia; Zabaikalsky Krai*

References

- Adamchuk, O., Beloglazova, D. (2017). The bridge to Sakhalin will be the construction of the next decade. *Vedomosti*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/09/08/732910-most-sahalin> (accessed 25.03.2019). (In Russ.).
- Baranov, A. O., Dondokov, Z. B.-D., Pavlov, V. N., Suslov, V. I. (2018). Prospects for the Development of the Economy of the Republic of Buryatia. *ECO*. No. 10 (532). Pp. 77–96. (In Russ.). doi: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-10-77-96>.
- Bezrukov, L. A. (2019). Territorial Structure of the Economy and Population of the Baikal Region: Features, Trends and Prospects. *ECO*. No. 5. Pp. 8–26. (In Russ.). doi: [10.30680/ECO0131-7652-2019-5-8-26](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-5-8-26).
- Vorobyev, N. V., Zabortseva, T. I., Leshchenko, Ya. A., Valeeva, O. V. (2016). Socio-economic aspects shaping quality of life in the Baikal region. *Geografiia i prirodnye resursy*. No. S6. Pp. 108–112. (In Russ.). doi: [10.21782/GIPR0206-1619-2016-6\(108-112\)](https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2016-6(108-112)).
- Vorobyevskaia, E. L., Margolina, I. L., Sedova, N. B. (2015). Problems and prospects of development of the Pribaykalsky area of the Republic of Buryatia in the context of creation of OЕZ TRT “Baikal Harbour”. *Geografiia v shkole*. No. 5. Pp. 21–25. (In Russ.).
- Glazyrina, I. P., Faleychik, A. A., Faleychik, L. M. (2018). Investment and economic development: comparative analysis for Russian regions. *Vestnik Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 24. No 8. Pp. 101–111. (In Russ.). doi: [10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111](https://doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111).
- Glazyrina, I. P., Faleychik, L. M. (2019). Revisiting the Question of Preserving Human Capital in the East of Russia: the Life of a Teacher and a Doctor after the «May Decrees». *ECO*. No. 5. Pp. 48–65. (In Russ.). doi: [10.30680/ECO0131-7652-2019-5-48-65](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-5-48-65).
- Efremenko, V. F. (2019). Regional innovation system as an instrument of advanced social-economic development of the Russian Far East. *ECO*. Vol. 2. No. 536. Pp. 56–73. (In Russ.). doi: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-2-56-73>.
- Zakharova, T. V. (2015). Green economy and sustainable development of Russia: contradictions and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Tomsk State University Journal of Economics*. No. 2(30). Pp. 116–126. (In Russ.). doi: [10.17223/19988648/30/11](https://doi.org/10.17223/19988648/30/11).
- Kormishkina, L. A. (2013). Problems and prospects of changes in the quality of economic growth in modern Russia. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. No. 9(57). Pp. 4–18. (In Russ.).
- Matugina, E. G., Pozharnitskaia, O. V., Boiarko, G. Yu., Vusovich, O. V. (2017). The participation of the companies of ferrous metallurgy in the development of regions of presence. *Tsvetnye metally*. No. 12. Pp. 11–20. (In Russ.). doi: [10.17580/tsm.2017.12.02](https://doi.org/10.17580/tsm.2017.12.02).
- Matushok, V. M., Balashova, S. A. (2010). Endogenous economic growth as a condition of modernization of Russia's economy. *RUDN Journal of Economics*. No. 2. Pp. 5–14. (In Russ.).

Pakhomova, N. V., Richter, K. K., Malyshkov, G. B. (2013). Sustainable development strategy and transition to the green economy: modernization of priorities and rules. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. St Petersburg University Journal of Economic Studies*. No. 4. Pp. 35–54. (In Russ.).

Cherenev, A.A., Dashpilov, Ts.B. (2015). Bodaibinsky and Mamsko-Chuysky districts of the Irkutsk region: socio-economic analysis. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Vol. 6. No. 101. Pp. 297–303. (In Russ.).

Chereshnev, V.A., Nikulina, N.L., Boiarskih, A.I. (2014). Evolution of research: from sustainable development to “green” economy. *Vestnik Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta*. No.8(111). Pp. 133–143. (In Russ.).

Shvorina, K. V. (2018). Migration mobility of the population of the Transbaikal territory as an index of development of the territory. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*. Vol. 4. No. 14. Pp. 310–318. (In Russ.)

Syssoeva, N.M., Dets, I.A. (2011). State strategic planning and spatial development in the Siberian regions. *Quaestiones geographicae*. No. 30(2). Pp. 71–81. doi: 10.2478/v10117-011-0019-8.

For citation: Dets, I.A. (2019). Is “Moving” to the Far East an opportunity for qualitative growth for Transbaikalia? *ECO*. No. 7. Pp. 8-21. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-8-21

Влияние современных температурных колебаний на хозяйственную деятельность населения в Байкальском регионе¹

Е.В. МАКСЮТОВА, кандидат географических наук.

E-mail: emaksyutova@yandex.ru

Л.Б. БАШАЛХАНОВА, кандидат географических наук. E-mail: ldm@irigs.irk.ru

Л.М. КОРЫТНЫЙ, доктор географических наук, Институт географии

им. В. Б. Сочавы, Иркутск. E-mail: kor@irigs.irk.ru

Аннотация. В работе рассмотрена динамика ряда характеристик отопительного периода в многолетнем и межгодовом режиме на юге Байкальского региона. Выявлено сокращение продолжительности отопительного периода последних десятилетий (с 1991 по 2017 гг.) относительно многолетних данных до 1960 г. на 6–10 дней. Показан значительный рост температуры наружного воздуха в течение отопительного сезона на 3,9 °С в Чите, 4,1 – в Иркутске и 5,0 °С – в Улан-Удэ. Совокупное изменение этих показателей повлияло на снижение индекса потребления топлива на 15–19%. Анализ межгодовых колебаний характеристик отопительного периода с 1991 г. по 2017 г. выявил, что аномально низкие температуры выше по модулю и отмечаются чаще по сравнению с аномально теплыми зимами. Изменение межгодовых колебаний индекса потребления топлива составило от 14–20%, что сопоставимо с многолетними колебаниями (до 1960 г.). Показано, что резкие межгодовые колебания температуры воздуха на фоне современного потепления демонстрируют неоднозначность их влияния на хозяйственную деятельность в Байкальском регионе.

Ключевые слова: отопительный период; индекс потребления топлива; динамика температуры наружного воздуха; многолетние изменения; межгодовые колебания

Постановка проблемы

Благополучие населения и его хозяйственная деятельность существенно зависят от проявлений разной степени суровости климата. Наряду с природно-климатической комфортностью (дискомфортностью) теплового состояния человека для бесперебойного обеспечения всех его жизненно важных систем имеют большое значение интенсивность и продолжительность определенных температурных пределов. Так, период со среднесуточной температурой воздуха ниже +8 °С (отопительный период) и его средняя температура определяют расходы топлива

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17–29–05068.

на теплоэлектростанциях. Известно, что эффективность эксплуатации машин и механизмов может существенно снижаться при низких температурах. Установлено увеличение числа поломок деталей машин из углеродистых сталей при температурах воздуха <-25 °С, а при $-30...-35$ °С эксплуатация некоторых видов техники прекращается из-за частых поломок [Меккель, 1989; Башалханова и др., 2012]. Число дней с указанными пределами, а также периоды с более низкими температурами (<-40 , <-45 °С) влияют на здоровье, жизнеобеспечение и производственную деятельность человека.

В этой работе мы рассматриваем влияние современных климатических колебаний на жизнедеятельность населения Байкальского региона (БР), в который входят три субъекта РФ – Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край. Байкальский регион обладает эколого-географической целостностью и имеет байкалоцентричную модель социально-экономического развития [Корытный, 2016], что на взгляд многих экспертов, предполагает необходимость единого подхода к изучению и управлению трех входящих в него субъектов, а недавнее решение о включении двух из них в состав ДФО заставляет считать неудачным.

В БР выделено три уровня дискомфорта климата (умеренный, сильный, очень сильный) с возрастанием суровости в северном и северо-восточном направлениях [Башалханова и др., 2012]. Жизнедеятельность населения на таких территориях связана с ограничением видов хозяйственной деятельности, сокращением пребывания на открытом воздухе, потребностью в повышении калорийности питания, теплоизоляции одежды и помещений, вынужденным приспособлением производственных технологий, оборудования и систем к низким температурам, а следовательно – более затратна.

Между тем на территории Байкальского региона население не только живет в условиях повышенной антропогенной нагрузки, но и не обеспечено дополнительными ресурсами за счет региональных бюджетных доходов [Glazyrina, Zabelina, 2018]. Во всех трех субъектах показатели социально-эколого-экономической системы в расчете на единицу негативного воздействия производят меньше ресурсов для благосостояния, чем в среднем по стране. При этом снижение удельных объемов потребления топлива могло бы изменить ситуацию к лучшему за счет уменьшения

выбросов загрязняющих веществ и, соответственно, ослабления экологической нагрузки на единицу факторов благосостояния.

Это, на наш взгляд, предопределяет актуальность мониторинга воздействия региональных колебаний климатических характеристик на условия хозяйственной деятельности и проживания населения. Для анализа выбраны чувствительные параметры отопительного периода.

Показатели отопительного периода

При изменениях климата последних десятилетий отмечается повышение температуры зимних сезонов и, как следствие, сокращение отопительного периода и повышение его средней температуры [Анисимов, 1999; Ефимова и др., 1992].

Наиболее характерным параметром, отражающим сокращение затрат на отопление, является изменение значений дефицита тепла или индекса потребления топлива (ИП). Дефицит тепла – это то его количество, которое необходимо восполнить для поддержания комфортной температуры внутри здания (на уровне +18 °С). По упрощенной методике для расчета индекса потребления используется только температура воздуха [Ефимова и др., 1992; Belser, Scott, Sands, 1996].

Расчеты изменений отопительного периода и индекса потребления топлива, по данным метеорологических наблюдений [Шерстюков, 2007], свидетельствуют о том, что на территории Байкальского региона значения этих показателей с 1971 по 2004 гг. сократились на 4–6% и на 6–8% соответственно.

Снижение индекса потребления в большей мере связано с повышением средней температуры отопительного периода. Так, на территории Восточной Сибири за 1980–2010 гг. выявлено сокращение низкотемпературных периодов (число дней с $t < -25$, < -30 , < -35 , < -40 , < -45 °С), которое сказалось как на продолжительности отопительного сезона (он сократился примерно на 4%), так и на его средней температуре [Bashalkhanova, Maksyutova, 2014].

По расчетам В. И. Зоркальцева [Зоркальцев, 2017], на основе данных по температуре воздуха за 1881–1978 гг., максимальные отклонения потребности в топливе в сторону уменьшения по всем районам существенно ниже по абсолютной величине, нежели отклонения в сторону увеличения, то есть налицо – асимметрия отклонений расходов топлива.

Прогнозируемое в дальнейшем сокращение продолжительности отопительного периода на большей части территории России, рассчитанное на основе современных климатических моделей, составляет более 5% к 2025 г. и до 10% к середине XXI в. [Шерстюков, 2007]. При этом индекс потребления топлива имеет те же тенденции изменений, но отличается более высокими значениями, из-за колебаний температуры наружного воздуха отопительного периода. Для городов Сибири отклонения индекса потребления топлива и, соответственно, расходов топлива могут составлять 9–12% от средних прогнозируемых величин [Хрилев, 1979].

Для того чтобы оценить вероятные изменения характеристик отопительного периода в Байкальском регионе, влияющих на режим потребления топлива, мы использовали данные метеорологических станций (Иркутск, Улан-Удэ, Чита) месячного и суточного разрешения².

За отопительный период нами принят временной промежуток, который наступает и заканчивается, когда в течение пяти суток подряд среднесуточная температура ниже (выше) +8 °С. Температура отопительного периода определялась как средняя температура наружного воздуха за все его месяцы. Индекс потребления рассчитывался как разность температур внутри здания (принимается равной +18 °С), и вне его (устанавливается по данным метеонаблюдений), умноженная на продолжительность отопительного периода.

Пространственно-временные колебания характеристик отопительного периода за 1991–2017 гг. представлены как отклонения от предыдущих многолетних периодов (до 1960 г.³ и 1961–1990⁴ гг.).

Межгодовые колебания характеристик отопительного сезона анализируются за последние десятилетия 1991–2017 гг. с использованием методов математической статистики. Для оценки

² Булыгина О. Н., Разуваев В. Н., Александрова Т. М. «Описание массива данных суточной температуры воздуха и количества осадков на метеорологических станциях России и бывшего СССР (ТТТР)». Свид. о гос. регистрации базы данных № 2014620942. URL: <http://meteo.ru/data/162-temperature-precipitation#описание-массива-данных> (дата обращения: 06.02.2019).

³ Справочник по климату. Вып. 21. ч. II. Л.: Гидрометеиздат. 1966. 360 с.

⁴ Этот многолетний интервал Всемирная метеорологическая организация (ВМО) предлагает рассматривать в качестве базового для оценки современных изменений климата.

их аномальности принимались величины, превосходящие среднеквадратическое отклонение ряда. Изменения показаны при помощи регрессионного анализа с определением статистической значимости тренда на 95%-м доверительном интервале и доли дисперсии зависимой переменной, объясняемой рассматриваемой моделью (R^2).

Тенденции температурных колебаний и их социальная значимость

Южная часть Байкальского региона характеризуется умеренным уровнем дискомфорта климата с незначительной пространственной вариацией продолжительности отопительного периода (230–240 дней) [Башалханова и др., 2012]. В последние десятилетия изменения циркуляционных механизмов Северного полушария повлекли повышение доли долготных северных и южных процессов в Сибирском секторе [Кононова, 2016], с которыми связаны положительные и отрицательные отклонения в продолжительности и температуре отопительного периода. Так, с 1991 по 2017 гг. отопительный период сократился относительно многолетних данных (до 1960 г.) в Чите на шесть дней, в Улан-Удэ, Иркутске – на 10 дней (рис. 1). Произшедшие в это же время изменения в температуре наружного воздуха еще более ощутимы: +3,9 °С в Чите, 4,1 – в Иркутске и 5,0 °С – в Улан-Удэ.

При этом повышение температуры в предшествующее тридцатилетие (с 1961 по 1990 гг.) относительно многолетних данных до 1960 г. также было довольно заметным: от 3,0 °С в Иркутске, Чите до 4,3 °С в Улан-Удэ.

Установлено, что рост средней температуры в отопительный сезон связан с сокращением низкотемпературных периодов [Bashalkhanova, Maksyutova, 2014] и оказывает существенное влияние на снижение индекса потребления топлива.

Последовательное сравнение этого индекса за временные интервалы до 1960 г., 1961–1990 гг. и 1991–2017 гг. обнаруживает разные темпы изменений. В 1961–1990 гг. относительно предыдущего периода (до 1960 г.) он снизился в Чите на 10%, Иркутске – на 15%, Улан-Удэ – на 17%. В следующий период (1991–2017 гг.) его динамика сократилась на 3–5%. При сравнении двух временных интервалов (до 1960 г. и 1991–2017 гг.) выявлено снижение индекса от 15% в Чите до 19% в Улан-Удэ и Иркутске.

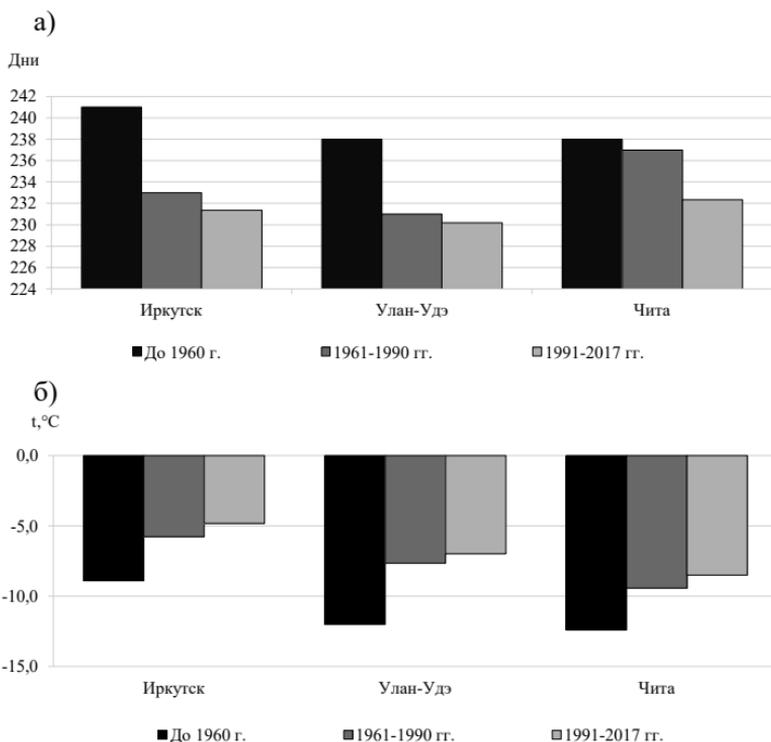

Рис. 1. Продолжительность (а) и температура наружного воздуха (б) отопительного периода за различные многолетние временные интервалы на юге Байкальского региона до 1960 г. и в 1961–1990 гг.

Разные темпы изменения характеристик отопительного периода указывают на их существенные межгодовые колебания. Так, интегральная разность температур внутри и вне здания для отопительного периода за более чем 100-летний ряд наблюдений до 2012 гг. в г. Иркутске показывает значительный диапазон колебаний – от 5450 до 7550 °С [Зоркальцев, 2017].

Повышенная социальная значимость исследуемых параметров предопределяет необходимость учета их межгодовых колебаний.

За 1991–2017 гг. амплитуда колебаний продолжительности отопительного периода составила в Иркутске 27 дней, в Улан-Удэ – 32, в Чите – 38 дней. Эти изменения были разнонаправленными (рис. 2), но статистически значимое снижение со скоростью 3,8 дней/10 лет при небольшом вкладе тренда в 16% происходило только в Чите.

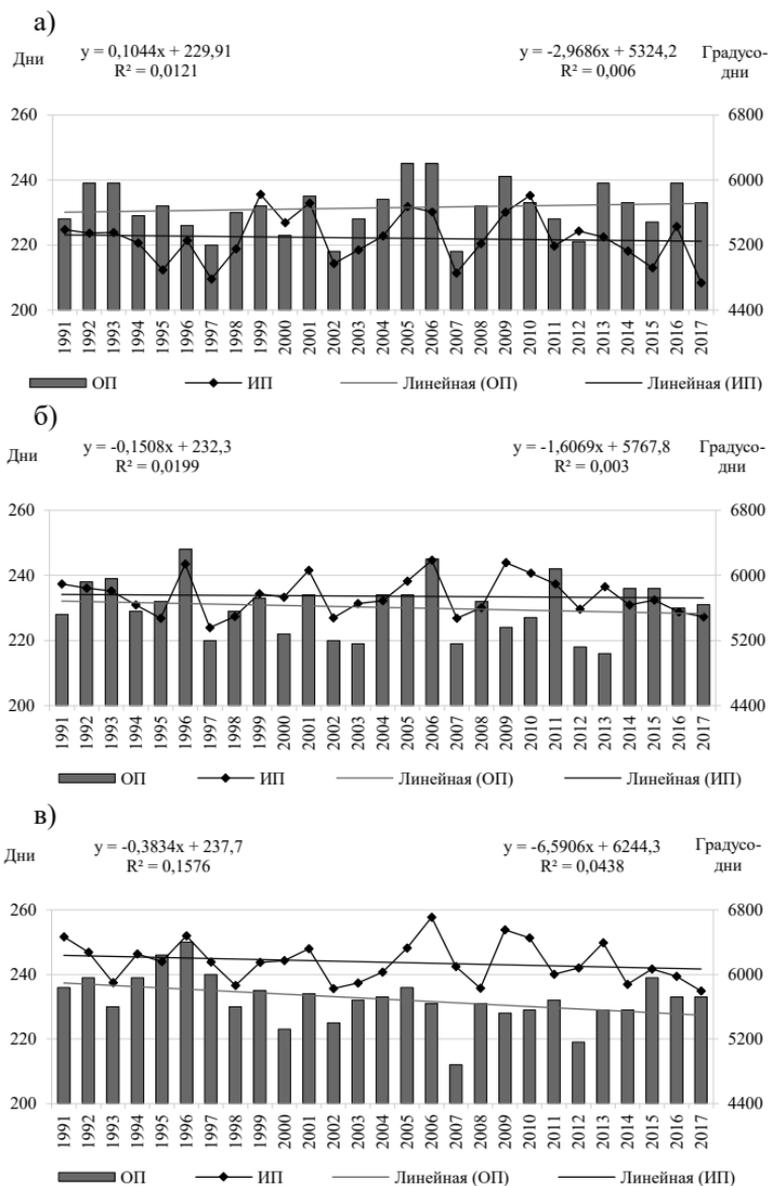

Рис. 2. Динамика средней продолжительности отопительного периода и индекса потребления топлива за 1991–2017 гг. для а) Иркутска, б) Улан-Удэ, в) Читы, где ОП – продолжительность отопительного периода, ИП – индекс потребления топлива

Средняя температура наружного воздуха отопительного периода изменялась по мере роста континентальности климата с запада на восток от $-4,8\text{ }^{\circ}\text{C}$ (Иркутск) до $-7,0$ (Улан-Удэ), $-8,5\text{ }^{\circ}\text{C}$ (Чита).

Её колебания в последние десятилетия были статистически незначимы, хотя порой отмечались аномально низкие и высокие температуры, причем первые, как правило, выше по модулю и отмечаются чаще по сравнению со вторыми (рис 3).

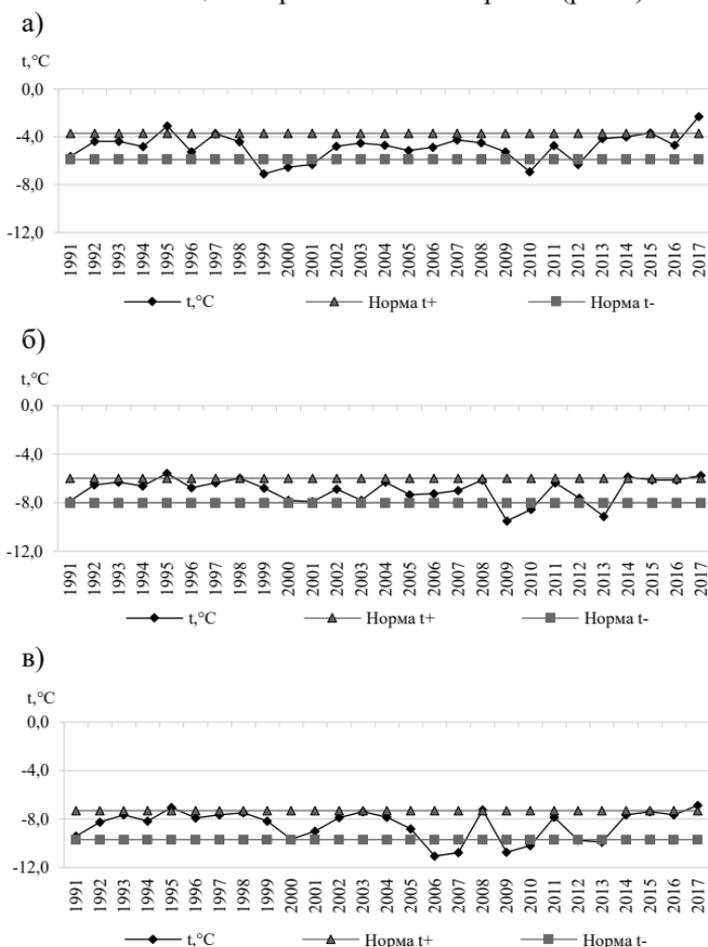

Рис. 3. Динамика температуры наружного воздуха отопительного периода и пределы ее нормы за 1991–2017 гг. для а) Иркутска, б) Улан-Удэ, в) Читы.

Для отопительных периодов с аномально низкими зимними температурами воздуха индекс потребления топлива относительно средних значений был выше на 7–10% (Иркутск), 2–7% (Улан-Удэ) и до 9% (Чита).

В аномально теплые зимы индекс потребления топлива уменьшается на 8–11% (Иркутск), 2–5%; (Улан-Удэ) и 5–6% (Чита).

Амплитуда межгодовых колебаний индекса потребления топлива за последние десятилетия (20% в Иркутске, 14 в Улан-Удэ и 15% в Чите) сопоставима с многолетними значениями (до 1960 г.), что *не позволяет говорить о снижении потребности в топливе на юге Байкальского региона.*

Синхронные изменения фактического отпуска тепловой энергии ЖКХ г. Иркутска⁵ и расчетного индекса потребления топлива отражают повторяемость холодных и теплых зим (таблица).

**Темпы изменения характеристик теплоснабжения в Иркутске
в 2011–2017 гг., % к предыдущему году**

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Отпуск тепловой энергии*	91	104	92	95	85	105	96
Индекс потребления**	89	104	99	97	96	110	87

Источник: *по данным Статистический ежегодник Жилищно-коммунальное хозяйство Иркутской области в 2017 г.; **на основе данных Всероссийского научно-исследовательского института гидрометеорологической информации – Мирового центра данных URL: <http://meteo.ru>

Разность в объемах отпущенного тепла в аномально холодном 2010 г. и аномально теплом 2015 г. составила 1130,2 тыс. Гкал. Покрыть эту разницу было бы невозможно без значительных запасов топлива. Поэтому проблемы, возникающие со сжиганием, хранением запасов и избытков угля, остаются актуальными, несмотря на тенденцию повышения средних температур. Как известно, доля угля в топливном балансе Байкальского региона довольно высока: в 2016 г. она составила в Иркутской области 84,4%, в Республике Бурятия и Забайкальском крае – 98,2 и 99,8%⁶.

⁵ Статистический ежегодник Жилищно-коммунальное хозяйство Иркутской области в 2017 г. Стат. сб. /Иркутскстат. Иркутск, 2018. 80 с.

⁶ Об утверждении схемы и Программы развития электроэнергетики Иркутской области на 2017–2021 гг. (в ред. Указа губернатора Иркутской области от 22.12.2016 № 314-ур) (www.pravo.gov.ru). URL: <http://docs.cntd.ru/document/445049800>

Заключение

В последние десятилетия (с 1991 по 2017 гг.) продолжительность отопительного периода в Байкальском регионе сократилась на 6–10 дней относительно многолетних данных (до 1960 г.). Еще более ощутимые изменения произошли в повышении температуры наружного воздуха, что влияет на снижение индекса потребления топлива от 15% в Чите до 19% в Улан-Удэ и Иркутске.

При этом наблюдались значительные межгодовые колебания продолжительности отопительного периода, амплитуда которых составила от 27 (Иркутск) до 38 дней (Чита), хотя статистически значимое снижение этой величины со скоростью 3,8 дней/10 лет и вкладе тренда в 16% удалось выявить только в Чите.

Изменения температуры наружного воздуха отопительного периода за 1991–2017 гг. были статистически незначимы, но неоднократно отмечались их аномальные величины. При этом аномально холодные зимы происходят чаще, чем теплые, а отклонения их температур выше по модулю.

В целом за 1991–2017 гг. значительные межгодовые колебания индекса потребления (от 14 в Улан-Удэ до 20% в Иркутске) сопоставимы с многолетними изменениями (до 1960 г.) и демонстрируют неоднозначность влияния современного потепления на хозяйственную деятельность в Байкальском регионе. Несмотря на тенденцию небольшого сокращения отопительного периода и заметный рост его температуры, которые способствуют снижению индекса потребления топлива, резкие межгодовые колебания температуры воздуха не позволяют говорить о снижении потребности в топливе на юге Байкальского региона.

В связи с этим сохранение всех видов негативного воздействия на окружающую среду, в том числе загрязнений воздуха, представляет значительную угрозу социально-эколого-экономическому благополучию региона. Поиск решений по улучшению условий проживания населения требует изменения топливного баланса региона путем развития технологий, предусмотренных альтернативной «зеленой экономикой», наиболее отвечающей природно-климатической специфике территории.

Литература

Анисимов О. А. Влияние антропогенного изменения климата на обогрев и кондиционирование зданий // Метеорология и гидрология. 1999. № 6. С. 10–17.

Башалханова Л. Б., Веселова В. Н., Корытный Л. М. Ресурсное измерение социальных условий жизнедеятельности населения Восточной Сибири. Новосибирск: Гео. 2012. 221 с.

Ефимова Н. А., Байкова И. М. Влияние потепления зимних сезонов на расход топлива // Метеорология и гидрология. 1994. № 5. С. 91–93.

Ефимова Н. А., Байкова И. М., Ланерье В. С. Влияние потепления климата на режим отопления зданий // Метеорология и гидрология. 1992. № 12. С. 95–98.

Зоркальцев В. И. Многолетние вариации температур и их влияние на экологию и энергетику. Новосибирск: Гео, 2017. 178 с.

Кононова Н. К. Флуктуации глобальной циркуляции атмосферы в XX–XXI вв. // Сложные системы. 2016. № 1 (18). С. 22–37.

Корытный Л. М. Байкальский плацдарм восточной политики России: возможности и проблемы // Восточный вектор России: шанс для «зеленой» экономики в природно-ресурсных регионах / Материалы научного семинара (оз. Байкал, Малое море, 27 июля – 1 августа 2015 г.). Иркутск, Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2016. С. 171–184.

Меккель С. А. Экономическая эффективность технического оснащения производства в условиях Севера. Новосибирск: Наука, 1989. 147 с.

Хрилев Л. С. Теплофикация и топливно-энергетический комплекс. Новосибирск: Наука, 1979. 277 с.

Шерстиков Б. Г. Климатические условия отопительного периода в России в XX и XXI веках. // Труды ВНИИГМИ-МЦД вып.173. 2007. С. 163–170. URL: http://meteo.ru/publish_tr/trudy173/st12.pdf

Bashalkhanova, L. B., Maksyutova E. V. Influence of temperature variations during a cold period on the conditions of life of the population in East Siberia // Geography and Natural Resources. 2014. Vol. 35. № 1. Pp. 55–62.

Belser, D. B., Scott, M. J., Sands, R. D. Climate change impacts on U.S. commercial building energy consumption: An analysis using sample survey data // Energy Sources. 1996. № 2. Pp.177–201.

Glazyrina, I. P., Zabelina, I. A. Spatial heterogeneity of Russia in the light of the concept of green economy: the social context // Geography and Natural Resources. 2018. Т. 39. № 2. С. 103–110.

Статья поступила 27. 03. 2019.

Для цитирования: Максютова Е. В., Башалханова Л. Б., Корытный Л. М. Влияние современных температурных колебаний на хозяйственную деятельность населения в Байкальском регионе // ЭКО. 2019. № 7. С. 22–34. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-22-34

Summary

Maksyutova, E.V., Cand. Sci. (Geography), Bashalkhanova, L.B., Cand. Sci. (Geography), Korytny, L.M. Doct. Sci. (Geography), V.B. Sochava Institute of Geography, SB RAS, Irkutsk

Influence of Recent Temperature Fluctuations on Economic Activity of the Population in the Baikal Region

Abstract. Regional features of modern climate warming influence the conditions of economic activity and population living standards.

The paper considers the dynamics of heating period characteristics, the average temperature of outside air, the fuel consumption index in the long-term and interannual mode in the South of Baikal region.

The paper reveals a reduction in the duration of the heating period in the last decades from 1991 to 2017 relative to the long-term data up to 1960 by 6–10 days. It also showed a significant increase in the temperature of outside air in the heating period by 3.9 °C in Chita, 4.1 in Irkutsk and 5.0 °C in Ulan-Ude. The cumulative change in these indicators affected decrease of the fuel consumption index by 15–19%.

Significant interannual fluctuations from 1991 to 2017 of the consumption index from 14 (Ulan-Ude) to 20% (Irkutsk) are comparable with its long-term changes (until 1960) and demonstrate the ambiguity of modern warming impact on economic activity in the Baikal region. Sharp interannual fluctuations in air temperature, providing a fairly frequent occurrence of abnormally cold winters, do not allow talking about reducing the need for fuel in the South of the Baikal region.

In this regard, the preservation of all types of negative impacts, including pollution, poses a significant threat to the socio-ecological and economic well-being of the region. The search for solutions to improve the living conditions of population requires a change in the fuel balance of the region through development of technologies provided by the alternative “green economy” that best meets the natural and climatic specifics of the territory.

Keywords: *the heating period; the index of fuel consumption; the dynamics of the outdoor temperature the heating period; long-term change; interannual fluctuations*

References

Anisimov, O.A. (1999). Impact of anthropogenic climate change on heating and air conditioning of buildings. *Meteorologiya i gidrologiya. Russian Meteorology and Hydrology*. No.6. Pp. 10–17. (In Russ.).

Bashalkhanova, L.B., Veselova V.N., Korytny, L.M. (2012). *Resource measurement of social conditions of life of the population of Eastern Siberia*. Novosibirsk, Academic publishing house Geo. 2012. 221 p. (In Russ.).

Bashalkhanova, L.B., Maksyutova, E.V. (2014.). Influence of temperature variations during a cold period on the conditions of life of the population in East Siberia. *Geografiya i prirodnye resursy. Geography and Natural Resources*. Vol. 35. No. 1. Pp. 55–62.

Belser, D.B., Scott, M.J. and Sands, R.D. (1996.). Climate change impacts on U.S. commercial building energy consumption: An analysis using sample survey data. *Energy Sources*. No. 2. Pp.177–201.

Efimova, N.A., Bajkova, I.M. (1994.). The influence of warming winter seasons on fuel consumption. *Meteorologiya i gidrologiya. Russian Meteorology and Hydrology*. No.5. Pp. 91–93. (In Russ.).

Efimova, N.A., Bajkova, I.M., Laper'e, V.S. (1992.). Influence of climate warming on the heating regime of buildings. *Meteorologiya i gidrologiya. Russian Meteorology and Hydrology*. No.12. Pp. 95–98. (In Russ.).

Glazyrina, I.P., Zabelina, I.A. (2018). Spatial heterogeneity of Russia in the light of the concept of green economy: the social context. *Geografiya i prirodnye resursy. Geography and Natural Resources*. T. 39. No. 2. Pp. 103–110.

Khrilev, L.S. *Heating and fuel and energy complex*. Novosibirsk: Science, 1979. 277 p. (In Russ.).

Kononova, N.K. (2016.). Fluctuations in the global atmospheric circulation in the XX–XXI centuries. *Slozhnye sistemy. The Complex Systems*. No. 1 (18). Pp. 22–37. (In Russ.).

Korytny, L.M. (2016). Baikal bridgehead of Eastern policy of Russia: opportunities and problems. *Materialy nauchnogo seminara «Vostochnyj vektor Rossii: shans dlya “zelenoj” ehkonomiki” v prirodno-resursnyh regionah» (oz. Bajkal, Maloe more, 27 iyulya – 1 avgusta 2015 g.)*. Proc. of the scientific seminar (oz. Bajkal, Small sea, July 27 – August 1, 2015). Eastern vector of Russia: a chance for a “green” economy” in natural resource regions. Irkutsk, Publishing house of the Institute of geography. V. B. SB RAS. Pp. 171–184. (In Russ.).

Meckel, S.A. (1989). *Economic efficiency of technical equipment of production in the North*. Novosibirsk: Science. 147 p. (In Russ.).

Sherstyukov, B.G. (2007.). Climatic conditions of the heating period in Russia in the XX and XXI centuries. *Trudy VNIIGMI–MCD vyp.173*. Pp. 163–170. Available at: http://meteo.ru/publish_tr/trudy173/st12.pdf (accessed 01.02.2019). (In Russ.).

Zorkaltsev, V.I. *long-Term temperature variations and their impact on the economy and energy*. Novosibirsk: Geo, 2017. 178 p. (In Russ.).

For citation: Maksyutova, E.V., Bashalkhanova, L.B., Korytny, L.M. (2019). Influence of Recent Temperature Fluctuations on Economic Activity of the Population in the Baikal Region. *ECO*. No. 7. Pp. 22-34. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-22-34

Стратегические приоритеты экономического развития и «ресурсная экономика» Дальневосточного макрорегиона

Н.В. ЛОМАКИНА, доктор экономических наук, Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск. E-mail: .lomakina@ecrin.ru

Аннотация. В статье на основе анализа стратегических документов развития регионов Дальневосточного федерального округа выявлены структурные приоритеты и отрасли-драйверы их экономического роста. Показано, что на перспективу в 15–20 лет для большинства территорий макрорегиона ключевыми направлениями и основными драйверами развития остаются ресурсные отрасли, прежде всего минеральный сектор. При этом приведены некоторые социально-экономические показатели, отражающие недостаточность вклада ресурсного сектора в качество жизни и экономического роста на Дальнем Востоке. Для повышения эффективности использования минеральных ресурсов как фундаментального и конкурентного фактора развития региона предложено изменение акцентов современной государственной политики в минеральном секторе Дальневосточного макрорегиона с поддержки добычи ресурсов на стимулирование создания высокотехнологичных производств, базирующихся на их использовании. Кроме прочего, такие производства могут стать основой международных центров сотрудничества и реальной кооперации в Северо-Восточной Азии. Такие подходы могли бы обеспечить более тонкую увязку объективных возможностей развития региона с приоритетами формируемой Национальной программы для Дальнего Востока и повышением качества экономического роста, вклада минеральных ресурсов в социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: Дальневосточный макрорегион; стратегии развития; структурные приоритеты; отрасли специализации; драйверы роста; качество развития; минеральный сектор; горнодобывающая промышленность; потенциал развития

Введение

Современный этап формирования и реализации документов стратегического планирования Дальневосточного макрорегиона¹, определяющих приоритеты его перспективного развития,

¹ Термин «Дальневосточный макрорегион» применяется в соответствии со Стратегией пространственного развития РФ на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р. В его состав входят 11 субъектов РФ. Также в статье в качестве синонима употребляется «Дальневосточный федеральный округ» (ДФО) с аналогичным составом субъектов РФ в соответствии с Указом Президента РФ от 03.11.2018 № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849».

характеризуется, с одной стороны, утверждением стратегий регионального уровня практически для всех входящих в него субъектов РФ, а с другой – формированием нового стратегического документа для всего макрорегиона. Речь идет о Национальной программе развития Дальнего Востока на период до 2025 года и на перспективу до 2035 года. Заявляется, что в нее будут «погружены» все уже работающие инструменты: стратегии дальневосточных субъектов РФ, национальные проекты и отраслевые программы с выделением специальных разделов по Дальневосточному макрорегиону. Национальная программа должна обеспечить прорывные решения, результатами которых предполагаются темпы роста экономики ДФО выше среднемировых (минимум 6% в год), рост численности и приток (вместо нынешнего оттока) населения в регион, высокое качество жизни в нем. Решение таких амбициозных задач должно чем-то обеспечиваться. Например, выстроенными приоритетами перспективного экономического развития дальневосточных регионов, выявлением отраслей-драйверов роста.

В условиях, когда экономика большинства субъектов Дальневосточного макрорегиона приобретает всё более «сырьевой» характер, вызывает интерес вопрос о том, предполагается ли в контексте реализуемой государственной политики изменение «траектории» их развития? И если – да, то насколько они фундаментальны? Остаются ли сырьевые отрасли драйверами роста для этих экономик на перспективу? Некоторым размышлениям по этому поводу посвящена предлагаемая работа.

Структурные приоритеты экономического развития: региональный срез

Как показывают исследования тенденций развития дальневосточных регионов [Российский Дальний ..., 2017; Глазырина и др., 2018], а также субъектов РФ, недавно включенных в округ – Забайкальского края и Республики Бурятия [Природный капитал..., 2014], «стабилизаторами» в кризисные времена и «драйверами» в периоды подъемов экономики стали для макрорегиона отрасли ресурсного сектора. Отдельные из них имели в течение периода реформ разную (а зачастую и разнонаправленную) динамику [Антонова и др., 2017], однако в це-

лом роль этого сектора (и, прежде всего, горнодобывающего комплекса) в дальневосточной экономике определенно возросла [Российский Дальний ..., 2017; Минерально-сырьевой ..., 2015]. Оценка первых результатов реализации «новой модели» развития макрорегиона в его ресурсном секторе [Антонова, Ломакина, 2018], мониторинг инвестиционной активности входящих в него отраслей [Ломакина, 2018] подтверждают его всевозрастающее значение.

При этом амбициозность заявленных на национальном уровне задач перспективного развития макрорегиона, вероятно, требует качественных изменений как в источниках, так и в направлениях ускоренного экономического роста. В связи с этим, на наш взгляд, представляет интерес «региональный срез» перспективных структурных приоритетов экономического развития, сформированных в субъектах ДФО.

Регионы с сырьевой специализацией. В течение многих десятилетий «экономическое лицо» Дальнего Востока определяют ресурсные отрасли, и прежде всего горнодобывающая промышленность. Ключевыми территориями, минерально-сырьевой комплекс которых определяет экономическое развитие не только на региональном, но и на федеральном уровне, являются Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ, Магаданская область. Нет оснований полагать, что в ближайшей перспективе их значение изменится. Тем не менее интересно посмотреть, как сами территории определяют траектории своего развития в официально принятых документах стратегического планирования.

«Стратегия ...»² развития одной из самых крупных экономик Дальневосточного макрорегиона – *Республики Саха (Якутия)*, прямо констатирует, что «усиливается сырьевая экспортно ориентированная модель экономики республики, зависимость от добычи полезных ископаемых». Доля вида экономической деятельности (вэд) «Добыча полезных ископаемых» в ВРП региона в 2015 г. составила 45,2% (при средней по РФ 10,4%), в том числе 20,1% – это вклад алмазодобывающей промышленности. Добыча

² Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года. Якутск, 2016. [Эл. ресурс] // Министерство экономического развития РФ. Официальный сайт. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/strateterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения: 16.02.2019).

полезных ископаемых формирует 80% объема промышленного производства и более 60% налоговых доходов консолидированного бюджета республики.

По оценке региональных органов управления, «до 2030 года промышленное освоение природных ресурсов сохранит свою роль в качестве основного источника экономического роста – как по создаваемой стоимости, так и благодаря масштабному вкладу в технологические инновации и повышение производительности». При сохранении лидирующей роли алмазодобычи непростые задачи на перспективу ставятся и для добычи драгоценных и цветных металлов. Так, добыча золота к 2030 г. должна вырасти с нынешних 28 до 38 т, серебра – до 629 т. Особые задачи стоят по реальному освоению месторождений редкоземельных металлов и формированию основ для появления в регионе новой высокотехнологичной отрасли [Самсонов, 2018]. Условием такого развития горнодобывающего комплекса является соответствующая технологическая модернизация «с расширенной сервисной средой при рациональном природопользовании и высокой социальной ответственности бизнеса».

Вложения в добывающий комплекс по-прежнему будут определять инвестиционную активность на территории, что косвенно подтверждается и прогнозом достаточно скромной доли в общем объеме инвестиций «перерабатывающего сектора экономики и сектора будущего (креативные и инновационные)» – рост её составит лишь 3% за 15 лет (с 17% в 2015 г. до 20% в 2030 г.).

Таким образом, более чем на десятилетний период основой экономики Республики Саха и драйверами её роста остаются добывающие отрасли.

Базовой отраслью экономики *Магаданской области* также является горнодобывающая промышленность (главным образом – добыча драгоценных металлов), которая в 2010–2017 гг. стала основой устойчивой динамики развития региона (среднегодовой темп прироста его промышленного производства за этот период составил 106,1%). Главными целями социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года региональная «Стратегия...» провозглашает «обеспечение ускоренного устойчивого экономического развития... сохранение и развитие человеческого капитала». При этом «добыча полезных ископаемых будет продолжать играть ключевую роль

в экономике региона и в долгосрочной перспективе»³. Так, объем золотодобычи в 2025 г. прогнозируется на уровне около 50 т (против 36,8 т в 2018 г.)⁴. При этом до половины всего золота может обеспечить добыча на двух крупнейших месторождениях – Наталка и Павлик. Добыча серебра, напротив, несколько снизится (с 660 до 550 т в период 2018–2030 гг.). Кроме того, сохраняются планы и надежды региональной власти на реальное освоение месторождений цветных металлов.

Горнодобывающая промышленность является отраслью национальной специализации и для *Чукотского автономного округа*. При этом её роль в региональной экономике возрастает: так, если в 2005 г. доля добычи полезных ископаемых в общем объеме промышленного производства региона лишь немногим превышала 40%, то уже в 2016 г. она составила 88,7% [Ломакина, 2018]. Стратегическое развитие Чукотки на период до 2030 г.⁵ также определяется освоением ресурсных месторождений, прежде всего – сконцентрированных в двух промышленных зонах: Анадырской (каменный уголь, нефть и газ) и Чаун-Билибинской (золото, серебро, олово и медь). Цветная металлургия и угольная промышленность станут основными драйверами развития экономики региона. По прогнозу региональных органов управления, доля добывающей промышленности в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости региона к 2030 г. составит 57%. При этом планируется, что общий объем добычи золота уже к 2025 г. достигнет 40–43 т (при фактической добыче в 2018 г. чуть более 24 т⁶).

Еще одной дальневосточной территорией, основа экономики которой – использование природных ресурсов, является

³ Стратегия социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года. Магадан, 2018. [Эл. ресурс] // Министерство экономического развития РФ. Официальный сайт. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения: 16.02.2019).

⁴ URL: <http://zolteh.ru/news/zolotodobytchiki-magadanskoj-oblasti-dobyli-36-8-tonn-metalla/>
16.01.2019 (дата обращения: 23.03.2019).

⁵ «Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года». Утв. расп. Правительства Чукотского автономного округа 16.07.2014 г. № 290-рп. [Эл. ресурс] // Правительство Чукотского автономного округа. Официальный сайт. URL: <https://invest-chukotka.ru/investpolitika/investiczionnaya-strategiya> (дата обращения: 15.03.2019).

⁶ URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/113006> (дата обращения: 23.03.2019).

Сахалинская область. Полезные ископаемые, биологические ресурсы морей и суши составляют её конкурентный потенциал. Однако доминирующее положение в структуре промышленного производства Сахалинской области занимает нефтегазовый комплекс. На его долю приходится около 85% общего объема промышленного производства, более 70% налоговых доходов областного бюджета и 90% экспорта (по итогам 2016 г.). В принятой Стратегии⁷ развития территории до 2025 г. среди круга целевых задач обозначены, конечно, и «диверсификация экономики, и обеспечение ее конкурентоспособности», и «концентрация усилий на развитии нефтегазового сектора региональной экономики». Однако объективно в период до 2025 г. основу сахалинской промышленности и экспорта по-прежнему будет составлять нефтегазовый сектор, сохраняя за собой позицию как драйвера роста экономики в целом, так и источника социально-экономического развития территории.

К территориям с всё возрастающим значением минерально-сырьевого комплекса в экономике относятся *Забайкальский край* и *Амурская область*.

Минерально-сырьевой потенциал является главным конкурентным преимуществом Забайкалья, добыча полезных ископаемых и цветная металлургия – базовые виды деятельности в структуре его промышленности. При этом «Стратегия...» развития региона⁸ определяет, что «горнорудная промышленность, основанная на глубокой переработке сырья, в перспективе ближайших 10–15 лет будет исполнять роль «локомотива территориального развития, имеющего глобальное значение для экономики и финансов региона». В целом в перспективе до 2030 года «Стратегия...» предусматривает трехкратный рост объемов добычи полезных ископаемых, что должно быть

⁷ «Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года». Утверждена постановлением Правительства Сахалинской области от 28.03.2011 №99. (в ред. Постановлений Правительства Сахалинской области от 22.01.2018 №21, от 05.03.2018 № 75). [Эл. ресурс] // Правительство Сахалинской области. Официальный сайт. URL: <https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=139> (дата обращения 06.04.2019).

⁸ Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года (в ред. пост. Правительства Забайкальского края № 122 от 05.04.2016). Чита, 2016. [Эл. ресурс] // Правительство Забайкальского края. Официальный сайт. URL: <http://правительство.зabayкальскийкрай.рф/action/programs/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-zabaykalskogo-kraja/> (дата обращения: 20.02.2019).

обеспечено поддержанием ежегодного прироста объема инвестиций в этот комплекс на уровне 6–7%. Прогнозные темпы роста ресурсного сектора «подпирают» и соответствующие индексы по промышленности, обеспечивая ожидания в целом позитивной динамики результирующих показателей экономики Забайкальского края⁹. При этом реализация проектов в горно-рудной промышленности ориентирована на внешний, прежде всего, международный рынок.

Амурская область относится к регионам, в экономике которых роль минерального сектора всегда была значимой (в том числе и для общенационального уровня), хотя и не определяющей. Однако в последние 10–15 лет доля добывающего сектора в структуре региональной промышленности демонстрирует существенный рост: с 24,9% в 2005 г. до 51,1% в 2016 г. Как результат, вид деятельности «Добыча полезных ископаемых» в 2017 г. достиг почти 12% ВРП Амурской области и стал вторым по значимости в его структуре после транспорта (16,7%)¹⁰. Основная специализация сектора – добыча золота (85,9% в общем объеме выпуска по итогам в 2016 г.).

Задача «формирования высокотехнологичного инновационного добывающего комплекса полного цикла (начиная с добычи, обогащения до производства конечного продукта) с высоким уровнем комплексного извлечения и глубокой переработкой» является одной из ключевых, обеспечивающих достижение стратегических целей социально-экономического развития Амурской области до 2025 года¹¹. Оптимальный сценарий «Стратегии...» относительно развития ресурсных отраслей характеризуется «реализацией крупных инвестиционных проектов, обеспечивающих увеличение добычи полезных ископаемых на осваиваемых

⁹ Показатели прогноза социально-экономического развития Забайкальского края на долгосрочный период. [Эл. ресурс] // Правительство Забайкальского края. Официальный сайт. URL: <http://правительство.зabaykalskiykray.ru/action/programs/prognoz-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-zabaykalskogo-kraya/> (дата обращения: 24.03.2019).

¹⁰ Рассчитано с использованием официальной информации Амурстата. URL: http://amurstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/amurstat/resources/5309f580434e1e2bbcdfbe584a73b591/02_1_2.htm (дата обращения: 24.03.2019).

¹¹ Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года (в ред. пост. Правительства Амурской области от 08.11.2017 № 529). С. 43. [Эл. ресурс] // Правительство Амурской области. Официальный сайт. URL: <http://mer.amurobl.ru/ru/sections/53> (дата обращения: 20.02.2019).

и новых месторождениях, их привязкой к транспортным магистралям области; повышением продуктивности и эффективности использования месторождений за счет внедрения новых технологий». Как результат – дальнейшее увеличение доли ресурсного сектора в структуре экономики. К приоритетным направлениям относятся формирование горно-металлургического кластера с развитием добычи и переработки железной руды, угля, золота, никеля.

Регионы с формирующейся сырьевой специализацией. К таким регионам относятся Еврейская автономная область и Камчатский край, в которых реализуются сравнительно крупные минеральные проекты, влияющие на экономическую специализацию этих территорий. Насколько эти изменения «фундаментальны»? Остаются ли сырьевые отрасли драйверами роста для этих экономик на перспективу?

Официально закрепленная миссия «Стратегии...» *Еврейской автономной области* (ЕАО) заключается в «обеспечении для населения области к 2030 году высокого качества жизни и удвоения по сравнению с существующим уровнем величины реальных располагаемых доходов населения при высокой степени доступности качественных социальных и коммунальных услуг, комфортной среды обитания». При этом генеральной стратегической целью, обеспечивающей реализацию этой миссии, определяется «создание эффективной экономической системы... интегрированной в сеть межрегиональных и международных отношений и являющейся базисом для роста благосостояния и качества жизни населения области»¹². Ключевые экономические комплексы должны стать драйверами экономического роста, обеспечивающими мультипликативный эффект развития всей экономики. Первым из них в Стратегии ЕАО назван горнопромышленный комплекс, «при условии формирования на основе местной сырьевой базы цепочек добавленной стоимости в смежных отраслях».

Если в 2005 г. доля «добычи полезных ископаемых» в структуре промышленности ЕАО составляла только 0,3%, то к 2016 г. она возросла до 36,4%. В 2017 г. было завершено строительство

¹² Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2030 года. Биробиджан, 2018. [Эл. ресурс] // Министерство экономического развития РФ. Официальный сайт. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/stratgerplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения: 16.02.2019).

и начат эксплуатационный этап Кимкано-Сутарского ГОКа по добыче и обогащению железных руд, благодаря чему индекс производства по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» за год взлетел на 472,1%. После выхода на проектную мощность таких резких скачков, конечно, не ожидается, но к концу стратегического периода объемы производства горнодобывающего комплекса превысят 50% от общих объемов промышленного выпуска региона, и его доля в структуре ВРП преодолет планку 10% (против 1,7% в 2015 г.). Кроме того, с наращиванием производственной деятельности Кимкано-Сутарского ГОКа его продукция сформирует основную номенклатуру экспорта ЕАО (достигнув 65% его общего объема). По сути, перспективное социально-экономическое развитие региона становится все более зависимым от деятельности ограниченного количества компаний, работающих главным образом в сырьевом секторе экономики.

Для *Камчатского края* также характерно возрастание значения горнодобывающей промышленности: ее вклад в объем промышленного выпуска за 2005–2016 гг. увеличился с 4,4 до 21,9%. В региональной «Стратегии...»¹³ горнодобывающему сектору отводятся роли одного из важнейших направлений диверсификации экономики, фактора инфраструктурного развития территории и активного привлечения инвестиций. Среди целевых индикаторов «Стратегии...» в минерально-сырьевом комплексе называется привлечение в период 2015–2030 гг. около 20% всех инвестиций. Степень геологической изученности территории должна возрасти с 60% в 2018 г. до 90% к 2030 г., объемы добычи золота – увеличиться до 18 т, платины – до 1 т. При этом особо подчеркивается важная для Камчатского края «освоенческая» функция минерального сектора, формирующего инфраструктурный каркас и рабочие места на новых территориях.

Регионы с диверсифицированной экономикой. В качестве одного из примеров такого региона рассмотрим *Хабаровский край*. Притом, что для него действительно характерна достаточно

¹³ Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2030 года. Петропавловск-Камчатский, 2017. [Эл. ресурс] // Министерство экономического развития РФ. Официальный сайт. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/stratgerplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения: 16.02.2019).

прогрессивная структура экономики, значение горнодобывающего комплекса в предшествующие 10–15 лет существенно возросло, и он играет значимую роль в стратегических приоритетах региона.

Генеральная цель социально-экономического развития края на период до 2030 г. определена как его превращение «в центральный полюс роста Дальнего Востока, лидирующий в области взаимообусловленного роста человеческого капитала, инновационной экономики, пространственной организации и международной кооперации», а среди ключевых задач, обеспечивающих ее достижение, обозначена модернизация традиционных отраслей, и прежде всего ресурсного сектора. В региональной «Стратегии...» традиционные ресурсные отрасли (прежде всего – горнодобывающая) рассматриваются в качестве «ключевых комплексов-драйверов роста, при этом технологически обновленные и конкурентоспособные на внутреннем и внешнем рынках»¹⁴.

Новые инвестпроекты по освоению минеральных ресурсов Хабаровского края имеют важное значение как для обеспечения инвестиционной активности в регионе, так и для формирования результирующих показателей развития его экономики. В частности, по оценке краевого Минэкономразвития, доля вида деятельности «Добыча полезных ископаемых» в структуре инвестиционного портфеля региона возрастет с 6% в 2012 г. до 9% в 2025 г., а реализация одного из крупнейших инвестпроектов (строительство ГОКа на Малмыжском золото-меднопорфировом месторождении) сформирует новую отрасль национальной специализации в горнодобывающем комплексе края – добычу и переработку меди. Из других значимых для экономики региона проектов можно назвать развитие второй очереди Амурского горно-металлургического комбината и освоение новых золоторудных месторождений.

Еще одним субъектом Дальневосточного макрорегиона, для которого характерны диверсифицированная структура экономики с преимущественной ориентацией на машиностроение

¹⁴ Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года. Хабаровск, 2018. [Эл. ресурс] // Министерство экономического развития РФ. Официальный сайт. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strateterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения: 16.02.2019).

и значимой ролью горнодобывающего комплекса [Дондоков, 2018], является *Республика Бурятия*. Нынешний вклад горнодобывающей отрасли в экономику региона (около 6% в ВРП) оценивается региональными властями как недостаточный и не соответствующий минерально-сырьевому потенциалу территории. Поэтому в «Стратегии ...»¹⁵ долгосрочного развития региона предусмотрен целый ряд мер, направленных как на реализацию действующих проектов по освоению месторождений (рудного и россыпного золота, урана, каменного и бурого угля, нефрита, кварцитов, строительного сырья), так и на продолжение работ по поиску и вовлечению в хозяйственный оборот новых месторождений полезных ископаемых. При этом, как свидетельствует анализ целевых показателей Стратегии, при абсолютном росте в течение 2017–2035 гг. как объемов производства в промышленности в целом (в 3,2 раза), так и по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» (в 3,1 раза), доля ресурсного сектора в общей структуре региональной экономики остается стабильной – на уровне 22–24%.

Для позитивного развития горнодобывающего комплекса Республики Бурятия и роста его отдачи в обозримой перспективе важными факторами являются не только рост инфраструктурной доступности новых месторождений, но и гармонизация развития добычи полезных ископаемых с экологическими требованиями на Байкальской природной территории [Дондоков и др., 2019]. Особое значение это имеет при запуске новых инвестпроектов.

Еще одним субъектом РФ в Дальневосточном макрорегионе, для которого характерны диверсифицированная экономика и наличие существенного потенциала развития минерально-сырьевого комплекса, является *Приморский край*. Добывающие предприятия региона – лидирующие российские производители и экспортёры нескольких видов продукции, в том числе – с содержанием бора, вольфрамового, свинцового и германиевого концентрата. Однако в настоящее время сектор не является основным для экономики Приморского края, доля минерально-сырьевой продукции в ВРП

¹⁵ Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 года. Улан-Удэ, 2019. [Эл. ресурс] // Министерство экономического развития РФ. Официальный сайт. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/stratgerplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения: 16.02.2019).

составляет чуть более 1%. В рамках «Стратегии социально-экономического развития Приморского края на период до 2030 года»¹⁶ предусмотрены важные задачи по развитию сырьевого комплекса (в частности, трехкратного увеличения объемов выпуска), однако он не относится к числу локомотивов перспективного экономического роста.

В целом же, как показывает наше исследование, на обозримую перспективу минерально-сырьевые проекты остаются драйверами экономического роста практически для всех субъектов РФ в Дальневосточном макрорегионе.

Некоторые выводы и размышления

Анализ официальных стратегических документов развития субъектов Дальневосточного макрорегиона свидетельствует, что на «глубину» 10–15 лет существенных структурных изменений в их экономиках не предполагается. По-прежнему в большинстве территорий макрорегиона ключевыми направлениями и основными драйверами развития остаются добывающие отрасли. Вполне естественно, что именно на них рассчитывают регионы с уже сложившейся ресурсной специализацией. Но и для таких территорий, как Хабаровский край, Республика Бурятия, Амурская область сырьевые отрасли представляют интерес как обеспечивающие существенный сегмент роста их экономик.

Исследование первых результатов реализации преференциальных мер государственной политики по формированию «новой модели» развития Дальнего Востока в 2014–2018 гг. также выявило противоречие между заявленными для макрорегиона на федеральном уровне целями ухода от сырьевой экономики и фактическими направлениями государственной поддержки (включая прямые субсидии из федерального бюджета) [Ломакина, 2018]. Сегодня в последовательности ресурсной цепочки «воспроизводство – добыча – переработка – конечное потребление» государственная поддержка в виде различных механизмов

¹⁶ Стратегия социально-экономического развития Приморского края на период до 2030 года. Владивосток, 2018. [Эл. ресурс] // Министерство экономического развития РФ. Официальный сайт. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/stratgerplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate> (дата обращения 16.02.2019).

и преференций направлена, как ни странно, на *стимулирование добычи* минеральных ресурсов.

На наш взгляд, государственная политика в отношении развития минерально-сырьевого комплекса на Дальнем Востоке требует перенесения акцентов с этапа добычи на стадии воспроизводства и (особенно) конечного потребления минеральных ресурсов в регионе. При этом речь идет, безусловно, о стимулировании *производственного* потребления, а не просто переработки. Результаты стимулирования перерабатывающей стадии производственного цикла в лесном комплексе ДФО с формированием его «примитивной» структуры хорошо известны [Антонова и др., 2017; Природный капитал..., 2014 и др.]. Необходимо стимулировать создание в регионе *новых производств*, в высокотехнологичных процессах которых будут востребованы как уже добываемые драгоценные металлы (золото, платина, и др.), так и (в перспективе) пока не добываемые здесь виды минеральных ресурсов (редкоземельные металлы, медь, никель).

Целью создания таких производств может быть не только получение высокотехнологичных продуктов для национального рынка, но и формирование в Дальневосточном макрорегионе международных высокотехнологичных центров [Бардаль и др., 2018], что вполне отвечает амбициозным целям Национальной программы развития Дальнего Востока на период до 2025 года и на перспективу до 2035 года. По сути, на наш взгляд, задача государственного стимулирования в том и состоит, чтобы «насаждать» такие производства в регионе. Однако пока преференции по-прежнему предполагаются главным образом в сфере добычи ресурсов¹⁷.

Вопросы создания в макрорегионе условий для «разработки комплексного сценария освоения минерально-сырьевой базы, включающего планы развития производственной инфраструктуры и формирование пакетов инвестпредложений, реализующих различные этапы развития территории» [Глазырина, Лавлинский, 2018. С. 141], для инновационного развития минерального сектора и его перехода к формированию конечных переделов [Крюков и др., 2018], важны не только с позиции привлечения

¹⁷ Госдума РФ приняла в первом чтении законопроект, направленный на стимулирование добычи редких металлов. URL: <http://www.metalinfo.ru/ru/news/1071111> 18.02.2019 (дата обращения: 23.03.2019).

инвестиций и обеспечения ускоренных темпов роста экономики. Как в теоретическом [Sachs, Warner, 1995; Gylfason et al, 1999; Дорошенко, Шеломенцев, 2015; Ресурсные регионы..., 2017 и др.], так и в прикладном плане [Минерально-сырьевой..., 2015; Белан, Шмат, 2015 и др.] не теряют актуальности проблемы повышения вклада ресурсного сектора в социально-экономическое развитие территорий и качество экономического роста.

У многих дальневосточных регионов инвестиции в добывающий сектор составляют основную долю в их общей структуре [Ломакина, 2018], однако имеющиеся оценки влияния количественных характеристик инвестиционного процесса на экономический рост за период 2011–2016 гг. показывают, что южные регионы Дальнего Востока и Якутия, лидируя по объему инвестиций, по инвестиционной отдаче¹⁸ оказались аутсайдерами. «На более высокие позиции Магаданской области, Камчатки и Чукотки, по-видимому, повлияло значительное число работающих вахтовым методом» [Глазырина и др., 2018. С. 108].

Однако сам по себе рост ВРП, даже и среднедушевого, еще не определяет, как известно, качество экономического развития. Одним из измерителей успешности (либо неуспешности) экономической и социальной политики принято считать показатели бедности населения¹⁹. «Как фактор, отражающий социально-экономическую ситуацию в том или ином регионе, он приобрел особую значимость в условиях повсеместного падения доходов» [Михеева, 2017. С. 162]. И здесь парадоксы налицо. Так, в Республике Саха (Якутия), являющейся лидером ДФО по масштабам и экономики в целом, и минерально-сырьевого комплекса, и размерам удельного ВРП (в 2016 г. – 903,6 тыс. руб. при общероссийском значении 472,2 тыс. руб.), уровень бедности населения в 2017 г. был одним из самых высоких в регионе (20,3% против 13,2% среднероссийского). Хуже ситуация только в Еврейской АО (24,9%) и Забайкальском крае (21,5%), что прослеживается

¹⁸ В качестве «определенной характеристики «чувствительности» показателя ВРП к инвестиционным потокам» авторы используют показатель инвестиционной отдачи, рассчитываемый как «отношение подушевого ВРП к показателю подушевых инвестиций» [Глазырина и др., 2018. С. 106].

¹⁹ Одним из измерителей уровня бедности является учитываемый официальной статистикой показатель доли населения с доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения (в %).

на протяжении уже многих лет²⁰. «Влияние данного фактора на экономический рост проявляется через нарастание социальных проблем, увеличение расходов на социальную поддержку населения, снижение качества человеческого капитала региона» [Михеева, 2017. С. 169].

К числу важнейших условий стабильности экономического роста относится и «экономическое самочувствие» предприятий региона, отражаемое показателем доли убыточных организаций в их общем количестве [Михеева, 2017]. Практически во всех «сырьевых» субъектах Дальнего Востока этот показатель существенно превышает среднероссийский уровень (в 2015–2017 гг. он составлял 32,6–31,9%). Наиболее тяжелая ситуация по этому индикатору складывается в Чукотском АО (47,6–48,5% убыточных предприятий в 2015–2017 гг.), в Еврейской АО (47,6–47,4%), Забайкальском крае (47,1–41,6%) и Магаданской области (40,9–38,3%)²¹.

Мы разделяем мнение коллег, что формирование в Дальневосточном макрорегионе надежных условий для стабильного экономического роста и благоприятной социальной среды невозможно без «институциональной трансформации бизнес-среды, ориентированной на повышение качества инвестиционных потоков с целью обеспечения реального экономического роста и повышения благосостояния граждан» [Глазырина и др., 2018. С. 108]. Всё это указывает на необходимость и важность более «тонкой настройки» целей и реальных механизмов экономического развития отдельных субъектов РФ с общими амбициозными задачами Национальной программы, формируемой в настоящее время для Дальневосточного макрорегиона.

Литература

Антонова Н. Е., Волков Л. В., Сухомиров Г. И. Биоресурсный сектор Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 110–137. DOI: 10.14530/se.2017/2.110–137.

²⁰ По данным Росстата [Эл. ресурс]. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/4890740049342bcf8657de3fbd401489 (дата обращения: 25.03.2019).

²¹ По данным Росстата [Эл. ресурс]. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/4890740049342bcf8657de3fbd401489 (дата обращения: 25.03.2019).

Антонова Н. Е., Ломакина Н. В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3.

Бардаль А. Б., Демьяненко А. Н., Дёмина О. В., Дёмина Я. В., Ломакина Н. В., Минакир П. А. К вопросу о трёхстороннем экономическом сотрудничестве Республики Корея, КНДР и России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 18–36. DOI: 10.14530/reg.2018.6.18.

Белан А. К., Шмат В. В. Анализ влияния ресурсных и нересурсных факторов на рост экономики Томской области с применением когнитивного подхода // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 78–93.

Глазырина И. П., Лавлинский С. М. Трансакционные издержки и проблемы освоения минерально-сырьевой базы ресурсного региона // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 2 (38). С. 121–143.

Глазырина И. П., Фалейчик А. А., Фалейчик Л. М. Инвестиции и экономическое развитие: сравнительный анализ для регионов России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 8. С. 101–111. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111.

Дондоков З. Б. Д. О Стратегии-2035 и инструментах социально-экономического развития Республики Бурятия // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 3 (31). С. 105–112. DOI: 10.31554/2222-9175-2018-31-105-112.

Дондоков З. Б. Д., Потапов Л. В., Кислов Е. В. Основные направления и проблемы развития минерально-сырьевого сектора Республики Бурятия // География и природные ресурсы. 2019. № 1. С. 137–145. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-1(137-145).

Дорошенко С. В., Шеломенцев А. Г. Сырьевой сектор: фактор развития или торможения национальной экономики // Современные технологии управления. 2015. № 3 (51). Номер статьи: 5106. Дата публикации: 2015-03-08. URL.: <http://sovmap.ru/articl/5106> (дата обращения: 15.02.2019).

Крюков Я. В., Самсонов Н. Ю., Яценко В. А. Российская редкоземельная промышленность: следует ли перенять опыт Китая? // ЭКО. 2018. № 10 (532). С. 138–152.

Ломакина Н. В. Государственное стимулирование инвестиций в минерально-сырьевые проекты: дальневосточный вариант // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 14–23. DOI: 10.14530/reg.2018.4.14.

Минерально-сырьевой сектор Азиатской России: как обеспечить социально-экономическую отдачу / Под ред. акад. РАН Кулешова В. В. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 352 с.

Михеева Н. Н. Факторы роста российских регионов: адаптация к новым условиям // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 151–176. DOI: 10.15372/REG20170407.

Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / Под ред. И. П. Глазыриной, Л. М. Фалейчик. Чита: ЗабГУ, 2014. 527 с..

Ресурсные регионы России в «новой реальности» / Под ред. акад. В. В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.

Российский Дальний Восток на пути в будущее / Под ред. П. А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.

Самсонов Н. Ю. Глобальные цепочки поставок редкоземельных и редких металлов как высокотехнологичного сырья в рамках международной кооперации // *Пространственная экономика*. 2018. № 3. С. 43–66. DOI: 10.14530/se.2018.3.043–066.

Gylfason, T., Herbertsson T., Zoega G. A Mixed Blessing: Natural Resources and Economic Growth // *Macroeconomic Dynamics*, 1999, 3, June. P. 204–225.

Sachs, J., Warner A. Natural Resource Abundance and Economic Growth / NBER Working Paper, No. 5398, Cambridge, Massachusetts, December 1995. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.nber.org/papers/w5398> (дата обращения: 03.03.2019).

Статья поступила 14. 04. 2019

Для цитирования: *Ломакина Н. В.* Стратегические приоритеты экономического развития и «ресурсная экономика» Дальневосточного макрорегиона // *ЭКО*. 2019. № 7. С. 35–53. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-35-53

Summary

Lomakina, N.V., *Doct. Sci. (Econ.), Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk*

Strategic Priorities of Economic Development and “Resource Economy” of the Far East Macroregion

Abstract. The article investigates strategic documents of long-term development of subjects within the Far East macroregion revealing structural priorities and industries driving economic growth there. The author demonstrates that in the next 15–20 years resource extraction industries, first of all in the mineral sector, will remain the key directions of development for the majority of territories of the Far East macroregion. This assertion underlies some socio-economic indexes reflecting insufficient contribution of the resource sector to the quality of life and economic growth in the region. The author suggests a necessity to change the current state policy in the mineral sector of the Far East For in order to increase efficient use of mineral resources. It is necessary to transfer emphasis from support of production of resources to stimulation of hi-tech productions based on their use in the region. Such production can become a basis for international centers of cooperation in the Northeast Asia. It can provide coordination of objective opportunities for development of the region with priorities from the expected National program for the Far East. Besides, it will improve contribution of mineral resources to social and economic development of the region and the quality of its economic growth.

Keywords: *Far East macroregion; development strategies; structural priorities; industries of specialization; drivers of growth; quality of development; mineral sector; mining industry; development potential*

References

Antonova, N.E., Volkov, L.V., Suhomirov, G.I. (2017). Bioresource Sector of the Russian Far East. *Prostranstvennaja jekonomika [Spatial Economics]*. No. 2. Pp. 110–137. DOI: 10.14530/sc.2017/2.110–137. (In Russ.).

Antonova, N.E., Lomakina, N.V. (2018). Natural Resource-Based Industries of the Far East: New Drivers of Development. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol 11. No. 1. Pp. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3. (In Russ.).

Bardal', A.B., Dem'janenko, A.N., Djomina, O.V., Djomina, Ja.V., Lomakina, N.V., Minakir, P.A. (2018). About the Trilateral Economic Cooperation of Republic of Korea, DPRK and Russia. *Regionalistika*. Vol. 5. No. 6. Pp. 18–36. DOI: 10.14530/reg.2018.6.18. (In Russ.).

Belan, A.K., Shmat, V.V. (2015). The analysis of influence of resource and not resource factors on growth of economy of the Tomsk region with application of cognitive approach *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki. Vestnik of NSU. Series: Social and Economic Sciences*. Vol. 15. No 1. Pp. 78–93. (In Russ.).

Glazyrina, I.P., Lavlinskij, S.M. (2018). Transaction Costs and Problems in the Development of the Mineral and Raw-Material Base of the Resource Region. *Zhurnal novej jekonomicheskoj asociacii. The Journal of the New Economic Association*. No. 2 (38). Pp. 121–143. (In Russ.).

Glazyrina, I.P., Falejchik, A.A., Falejchik, L.M. (2018). Investment and Economic Development: Comparative Analysis for Russian Regions. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Transbaikal State University Journal*. Vol. 24. No. 8. Pp. 101–111. DOI: 10.21209/2227–9245–2018–24–8–101–111. (In Russ.).

Dondokov, Z.B.-D. (2018). The Strategy-2035 and Instruments of Social and Economic Development of the Republic of Buryatia. *Vestnik Burjatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*. No. 3 (31). Pp. 105–112. DOI: 10.31554/2222–9175–2018–31–105–112 (In Russ.).

Dondokov, Z.B.-D., Potapov, L.V., Kislov, E.V. (2019). Main Directions and Problems of Development of the Minerals and Raw Materials Sector in the Republic of Buryatia. *Geografija i prirodnye resursy. Geography and Natural Resources*. No. 1. Pp. 137–145. DOI: 10.21782/GIPR0206–1619–2019–1(137–145) (In Russ.).

Doroshenko, S.V., Shelomencev, A.G. (2015). Raw sector: factor of development or braking of national economy. *Sovremennye tehnologii upravlenija. Modern Technologies of Management*. Vol. 5. No. 3. No. paper: 5106. Available at: <http://sovman.ru/articl/5106/> (accessed 15.02.2019). (In Russ.).

Kryukov, Ja.V., Samsonov, N. Ju., Yatsenko, V.A. (2018). Russian Rare Earth Industry: Should China's Experience be Adopted? *ECO*. No. 10 (532). Pp. 138–152. (In Russ.).

Lomakina, N.V. (2018). Government Promotion of Investment in Mineral and Raw Materials Projects: Far Eastern Case. *Regionalistika*. Vol. 5. No. 4. Pp. 14–23. DOI: 10.14530/reg.2018.4.14. (In Russ.).

Mineral and Raw Sector of Asian Russia: How to Provide Social and Economic Return. (2015). V.V. Kuleshov. Novosibirsk: IJeOPP SO RAN Publ, 352 p. (In Russ.).

Miheeva, N.N. (2017). Factors of Growth of Russian Regions: Adaptation to New Conditions. *Region: jekonomika i sociologija. Regional Research of Russia*. No. 4 (96). Pp. 151–176. DOI: 10.15372/REG20170407 (In Russ.).

Natural Capital of the Region and Russian-Chinese Cross-border Relations: prospects and risks. (2014). I.P. Glazyrina, L.M. Falejchik. Chita: ZabGU Publ. 527 p. (In Russ.).

Resource Regions of Russia in «New Reality». (2017). V.V. Kuleshov. Novosibirsk: IJeOPP SO RAN Publ., 308 p. (In Russ.).

The Russian Far East: on The Way to Future. (2017). P.A. Minakir. Habarovsk: IJeI DVO RAN Publ. 395 p. (In Russ.).

Samsonov, N. Ju. (2018). Global Chains of Supply of Rare-Earth and Rare Metals as High-Tech Raw Materials Within the Framework of International Industrial Cooperation. *Prostranstvennaja jekonomika.Spatial Economics*. No. 3. Pp. 43–66. DOI: 10.14530/se.2018.3.043–066. (In Russ.).

Gylfason, T., Herbertsson, T., Zoega, G. (1999). A Mixed Blessing: Natural Resources and Economic Growth. *Macroeconomic Dynamiks*. No.3. June. Pp. 204–225.

Sachs, J., Warner, A. (1995). Natural Resource Abundance and Economic Growth. *NBER Working Paper*, No. 5398, Cambridge, Massachusetts. Available at: <https://www.nber.org/papers/w5398> (accessed 03.03.2019).

For citation: Lomakina, N.V. (2019). Strategic Priorities of Economic Development and “Resource Economy” of the Far East Macroregion. *ECO*. No. 7. Pp. 35-53. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-35-53

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-54-79

Проблемы реализации современных тенденций пространственного развития в регионах Восточной Сибири

С.В. БЕЛОУСОВА, Иркутский научный центр СО РАН, Иркутск.
E-mail: belousova@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены предлагаемые недавно принятой «Стратегией пространственного развития РФ на период до 2025 года» меры по реализации потенциала экономического роста страны – за счет как нового территориального зонирования, так и сохранения механизма особого режима ведения предпринимательской деятельности для выделенных зон. Для оценки перспектив реализации подобных мер проведен анализ развития уже существующих территориальных зон с особым типом административно-экономического режима. В работе даны обзор и характеристика семи вариантов подобных зон, проведен анализ реализации нормативов, определяющих текущее состояние их функционирования, выявлены проблемы формирования территорий с особым административно-экономическим режимом в регионах Восточной Сибири (Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край). Определены для данных регионов особенности и проблемы реализации особых экономических зон (ОЭЗ), зон территориального развития (ОТР), территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) и др. Для преодоления выявленных проблем реализации ОЭЗ установлена необходимость 1) конкретизации правового режима с включением системы правового регулирования для оптимального достижения поставленных целей; 2) внедрение модели «умного» регулирования.

Ключевые слова: пространственное развитие; стратегия пространственного развития; территориальные зоны с особым типом административно-экономического режима; особые экономические зоны (ОЭЗ); зоны территориального развития (ОТР); территории опережающего социально-экономического развития (ТОР); особый правовой режим; умное регулирование

Введение

Проблема (не)эффективности регулирующих действий российского государства кроется в (бес)системности его экономической, региональной и пространственной политик. Причем, именно последняя сегодня формируется как базовая стратегия развития страны¹.

¹ В соответствии с указом Президента РФ от 16 января 2017 года № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года» и «Стратегией пространственного развития РФ на период до 2025 года», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

Новая Стратегия пространственного развития РФ (далее Стратегия) определяет большое число внешних и внутренних вызовов и проблем развития страны, препятствующих ее всестороннему сбалансированному развитию. Сюда относятся высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства, недостаточное количество центров экономического роста и др. Преодоление этих и иных проблем возможно только на основе комплексной реализации эффективных мер и инструментов экономической политики, включающих, помимо прочего, приоритетное развитие перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории страны. Реализация этих приоритетов предполагает создание нового механизма развития территорий (инвестиционных площадок) с особым режимом ведения предпринимательской деятельности, учитывающего перспективные специализации и иные особенности российских регионов.

При этом в Стратегии выделяются разные типы территорий, в зависимости от видения их перспективного развития: геостратегическая территория, крупная и крупнейшая городская агломерация, минерально-сырьевой центр, сельская территория и др. Для них предполагаются разные «наборы» мер комплексной поддержки. Так, для крупных и крупнейших городских агломераций, которым Стратегия прочит роль драйверов общенационального экономического роста, новых центров научно-технологического и инновационного развития страны, предполагается приоритетная поддержка создания научно-образовательных центров мирового уровня, центров компетенций Национальной технологической инициативы, научно-технологических центров и т.п.

Для приоритетных геостратегических территорий предусмотрено сохранение существующих особых режимов ведения предпринимательской деятельности, совершенствование государственных программ поддержки, способных обеспечить для них повышенные темпы экономического роста и уровня жизни. К сожалению, закрепляя особый режим ведения предпринимательской деятельности, документ мало внимания уделяет анализу и устранению существующих проблем реализации данного инструмента. Между тем опыт его практического применения в последние 20 лет трудно назвать положительным.

Это дает повод утверждать², что Стратегия в очередной раз идет по пути корректировки объектов управления, мало затрагивая содержательные моменты в самом управлении, в котором обнаруживается масса проблем. В частности, недостатки существующих подходов к управлению пространственным развитием отчетливо проявляются при анализе деятельности уже существующих территорий с особым режимом ведения предпринимательской деятельности. Их выявлению и анализу посвящена данная статья.

Анализ функционирования различных форм особой пространственной организации России

Современное пространственное развитие России, согласно Стратегии, основывается на трех базовых направлениях:

- опережающее развитие территорий с низкой плотностью населения и/или низким уровнем социально-экономического развития, но обладающих потенциалом роста;
- развитие перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории страны;
- социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения с недостаточным потенциалом экономического роста.

Во всех случаях речь идет о наличии у регионов значительного, просматривающегося или недостаточного потенциала экономического роста. При этом, что из себя представляет этот потенциал, каковы его условия, причины, факторы и ограничения, в документе не указывается, так что его развитие по большому счету сводится к организационно-структурным преобразованиям. В частности, планируется выделение 12 макрорегионов (Центральный, Центрально-Чернозёмный, Северо-Западный, Северный, Южный, Северо-Кавказский, Волго-Камский, Волго-Уральский, Уральско-Сибирский, Южно-Сибирский, Ангаро-Енисейский, Дальневосточный) и более 60 городских агломераций. Последние Стратегия ранжирует по их вкладу в развитие национальной экономики:

- перспективные центры экономического роста субъектов Федерации, которые обеспечат вклад в экономический рост более 1% ежегодно (20 центров);

² *Городецкая Н.* Стратегия пространственного развития не прошла слушания. В Общественной палате будут требовать нового документа [Эл. ресурс] // Коммерсантъ. 28.08.2018. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 25.02.2019).

- центры, которые обеспечат вклад от 0,2% до 1% (44);
- и до 0,2% (31);
- минерально-сырьевые и агропромышленные центры (27);
- центры, в которых сложились условия для формирования научно-образовательных центров мирового уровня (20).

В каждом из них реализация разнокачественного потенциала экономического роста, по сути, связывается с предполагаемыми выгодами от введения особого режима для предпринимательской деятельности, учитывающего перспективную специализацию и иные особенности каждой конкретной территории.

К настоящему времени в России накоплен значительный опыт формирования территорий с особым административно-экономическим режимом.

1. Особые экономические зоны (ОЭЗ). В период с 2005 по 2016 гг. в стране было создано 33 ОЭЗ разных типов, позднее часть из них утратили особый статус в связи с неэффективностью. В настоящее время функционирует 25 ОЭЗ (девять промышленно-производственных, шесть технико-внедренческих, девять туристско-рекреационных и 1 портовая)³.

2. Территории опережающего социально-экономического развития (ТОР или ТОСЭР)⁴ формируются с 2014 г. Данные виды особых территорий отличаются от ОЭЗ разным объемом первоначального капитала и, соответственно, разными видами льгот. При этом ТОР или ТОСЭР формируются в границах городов, в то время как ОЭЗ создаются в «чистом поле» как новые индустриальные площадки. В настоящее время их общее число превышает 25.

3. Зоны территориального развития (ЗТР)⁵ формируются с 2016 г. на основании Постановления Минэкономразвития России № 1415. Документ содержит разрешение 20 региональным субъектам создавать ЗТР, которые могут рассчитывать

³ Министерство экономического развития Российской Федерации Особые экономические зоны. URL: http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/sez? WCM_PageSize.e1149488-9c28-4490-bb77-fd1587334de5=40 (дата обращения: 13.02.2019).

⁴ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Эл. ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.02.2019).

⁵ О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Эл/ ресурс]: Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 13.02.2019).

на приоритетную господдержку своего развития. ЗТР создаются на 12 лет с достаточно сложным механизмом обеспечения ускоренного экономического роста. Видимо, поэтому они не получили широкого распространения в России, к тому же четкий и понятный для инвесторов и органов региональной и местной власти механизм их создания так и не заработал.

4. Региональные инвестиционные проекты (РИП). В соответствии с «Правилами формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда РФ»⁶ были установлены категории «комплексный инвестиционный проект», «региональный инвестиционный проект» и др. В первоначальном виде РИП рассматривался как проект, реализуемый на территории регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири, однако в дальнейшем на основании ФЗ от 23.05.2016 № 144-ФЗ были введены другие виды проектов в сфере промышленного производства, реализуемые на всей территории России. Все они имеют разнообразные льготы и преференции, включая: 0%-я ставка налога на имущество; 0%-я ставка земельного налога; 0%-я ставка транспортного налога и др. Аналитические источники⁷ указывают, что на территории РФ реализуется более 11000 таких проектов в 20 отраслях экономики.

5. Инновационные кластеры (53) и индустриальные парки (282). В рамках реализации Инновационной стратегии РФ были сформированы определенные условия по созданию технопарков, индустриальных парков и др., что в итоге вылилось в принятие Национального стандарта технопарков (ГОСТ Р 56425–2015). Развитие подобных структур курируется разными группами ведомств, что отражается в их названии. Так, 27 инновационных кластеров курирует Минэкономразвития России, а индустриальные парки и промышленные кластеры развивает Минпромторг РФ, который детально сформулировал основные нормы и положения их функционирования.

6. Целевые экономические зоны (ЦЭЗ) – зоны особого эколого-экономического природопользования и др. Данные институты в большинстве своем пока существуют на уровне научных

⁶ «Правила формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда РФ» Утверждены постановлением Правительства РФ от 01.03.2008 г.

⁷ Инвестиционные проекты. Информационный портал. URL: <https://investprojects.info/regions> (дата обращения: 13.02.2019).

и экспертных предложений [Асаул и др., 2014]. Так, одну из зон особого эколого-экономического природопользования предлагается организовать в Республике Тыва [Лебедев, 2009].

Каждая из названных форм пространственной организации российской экономики имеет законодательно установленный особый режим осуществления предпринимательской деятельности, включая льготный финансовый и налоговый; а также упрощенный таможенный; особые инфраструктурные условия и преференции; специальную систему администрирования и др.

При этом большинство экспертов, анализировавших реальное функционирование этих образований, сходятся во мнении об их крайне низкой эффективности. Так, аудиторы Счетной палаты оценили работу ОЭЗ как неэффективные или условно эффективные⁸ из-за того, что в большинстве случаев требуемый результат использования бюджетных средств так и не был достигнут. ТОР или ТОСЭР подвергаются критике за системные недостатки и высокие риски законодательства, что также отражается в значительных бюджетных потерях⁹. РИП, утвержденные на основе методики для целей господдержки в 2017 г. на сумму 34 млрд руб., аудиторы назвали недостаточно продуманными¹⁰ – из-за обнаруженных фактов нерациональности размещения объектов производственной инфраструктуры и избыточной системы льгот и поддержки. В частности, из всего многообразия видов поддержки для РИП реально используется только одна – субсидии инвесторам проектов, что повышает риски потерь или нерезультативного использования средств федерального бюджета. Еще более критично высказываются научные эксперты [Бузмаков, 2018; Коновалова, Савельева, 2018], оценивая текущее регулирование особых территорий как непродуманный механизм, насыщенный «административной рентой». Помимо прочего, они отмечают неопределенность с формированием территориальной зональности, с ее приоритетами и структурой.

⁸ Счетная палата российской федерации. Пресс-центр. Механизм ОЭЗ по-прежнему неэффективен для российской экономики. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/34870

⁹ Счетная палата российской федерации. Пресс-центр. Механизм создания и функционирования территорий опережающего социально-экономического развития требует совершенствования. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/31725

¹⁰ Счетная палата российской федерации. Пресс-центр. Планирование и контроль расходов на господдержку инвестпроектов ДФО недостаточны. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/29450

Основные виды зонирования – градации территорий 1) по уровню экономического развития и 2) по типам решаемых задач. В первом случае приоритетом пространственного развития является смягчение социального и экономического неравенства регионов. Однако эффективно решить эту задачу можно лишь тогда, когда предпринимаемые действия основываются на детальной оценке сложившегося неравенства, текущих проблем регионов и причин, их вызывающих. Этого практически не наблюдается ни в текущей практике, ни в новой Стратегии. Вопросам пространственной специфики, территориальных особенностей тех или иных «особых зон развития», уделяется слишком мало внимания, как на практике, так и в стратегических документах. «Работа» с территориями строится на основе агрегированного подхода: путем технического объединения имеющихся административных субъектов по нескольким видимым признакам: местоположение, численность населения и др.

До сих пор основной акцент в таком зонировании строился на создании своего рода «рафинированных институтов» [Гареев, 2009. С. 70–90] для территорий с особым режимом хозяйствования. Причем получение этого статуса в большинстве случаев осуществляется на основе политического торга вокруг реализации «целей государства по формированию и поддержанию определенных параметров, свойственных только данной территории, или уникальных для достижения государственного интереса» и эти цели «...могут быть как объективными, так и субъективными; как долговременными, так и сиюминутными» [Максимова, 2010].

Хочется отметить при этом, что во многих развитых странах действует иная практика территориального зонирования в области государственного управления. Один из ярких примеров – принятая классификация регионов стран ЕС по уровням NUTS (Трехуровневая международная сетка статистических регионов), основанная на принципах региональной конкурентоспособности [Серкова, 2013]. Выделенные по четким и прозрачным критериям типы регионов получают поддержку в соответствии с программами региональной политики: содействие развитию отстающих регионов; реновация территорий, столкнувшихся со структурным кризисом; поддержка модернизации.

В США существует практика государственной поддержки так называемых «депрессивных зон», или «депрессивных районов»

посредством предоставления специальных налоговых режимов, прямых субсидий, льготных займов и других преимуществ *заинтересованным инвесторам*. Во многих из таких районов создаются также специальные «зоны предпринимательства» (функционируют в более чем 40 штатах США) [Helminen, 2001].

В целом нужно отметить, что протекционистская политика в отношении слабо развитых территорий существует в большинстве развитых стран, и, по оценкам экспертов, должна иметь место и в нашей стране [Троцкий, Щетинин, 2010. С. 298]. Специалисты сходятся во мнении, что региональная политика без масштабной и системной «... государственной поддержки в виде целевых стимулов (премий), налоговых льгот... для слабых и отсталых территорий» [Сысоева, Мельник, 2015. С. 237] только способствует росту поляризации и неравенства в стране.

Во втором случае (градация по типам решаемых задач) зонирование осуществляется по группам и направлениям опережающего развития. И сам этот подход, и его практическая реализация в России также вызывают преимущественно негативные оценки экспертов. По их мнению, формирование передовых ТОР и ОЭЗ идет по пути очаговой концентрации ресурсов в уже развитой области без учета реальной эффективности вложений и «косвенных издержек» для других территорий и отраслей. Некоторые исследователи считают, что гораздо эффективнее было бы создание таких зон на основе интегрированных сетей, формирующих тесную взаимосвязь особых территорий как друг с другом, так и со всеми иными напрямую или косвенно поддерживающими районами и городами [Жиркова, 2012. С. 22]. Другой возможный подход – формирование таких зон по типу сетевых технопарков, объединяющих интеллектуальные, кадровые, технологические и финансовые возможности нескольких городов региона, по примеру британского сетевого технопарка Technium, который соединяет в инновационной деятельности возможности 11 городов [Коновалова, 2006].

Заслуживает внимание также идея «кластерных зон» [Неучева, 2011], которые не были бы ограничены территориально, а определялись бы экономической целесообразностью и гибким регулированием. По кластерному принципу сформированы действующие стратегии регионального развития ряда регионов, включая республики Калмыкия и Адыгея, Курскую, Самарскую,

Калужскую и Новгородскую области [Яковлева, 2014], однако, они имеют ограниченный ареал реализации.

Говоря о сложившейся в России структуре территориальной зональности, приходится признать, что прогрессивной ее не назовешь. В настоящее время наибольшее развитие получили промышленно-производственные зоны, в то время как технико-внедренческих насчитывается всего пять [Бухарова, 2016. С. 25]. Для сравнения: в Великобритании технико-внедренческих зон создано около 40, во Франции – около 30, в Германии – около 20 [Неучева, 2010]. Учитывая масштабы страны, от такого небольшого количества технико-внедренческих трудно ожидать ощутимого эффекта [Нилов, 2007. С. 102].

Уже много лет не теряет своей остроты проблема взаимосвязи разнокачественных территорий (разного уровня и свойства периферийности). Мировой опыт свидетельствует, что создаваемые в рамках особых зон предприятия плохо интегрируются с местной экономикой, особенно с хозяйством проблемных регионов [Зуев, 2012. С. 51]. В ряде европейских стран даже получил распространение термин «соборы в пустыне», нелестно характеризующий роль экономических зон и точечных инвестиций в решении проблем экономического роста и неблагоприятной структуры промышленности в долгосрочной перспективе.

Слишком часто прилегающие к ОЭЗ территории становятся для них всего лишь источником факторных ресурсов. Центроостремительные процессы в экономике формируют, с одной стороны, новые потоки капитала и товаров, структурные сдвиги в регионах и между ними, а с другой – дальнейшую утрату конкурентоспособности и бюджетного дефицита новой периферии. Подобный рост социальной и финансовой дифференциации территорий является одним из негативных итогов мировой практики строительства особых территорий [Jensen, Winiarczyk, 2014].

Еще одним значимым проблемным аспектом в функционировании выделенных зон является процесс формирования и использования для них особого хозяйственного режима и специальных норм и механизмов регулирования. Проблемы эти имеют широкий спектр как по уровням управления, так и по его сферам и направлениям.

Например, при организации работы ТОР возникает широкий пласт проблем, связанных с управлением инновациями, достижением результативности и эффективности вложений в НИОКР. Есть

исследования, вскрывшие в этой сфере масштабный оппортунизм, когда «...более половины государственных грантов на инновации расходуется на уже существующие проекты, которые реализуются и исполняются в рамках других параллельных научно-инновационных программ и бюджетов. Так, по мнению экспертов, в России существует целый пласт так называемых «инноваторов-жуликов», которые заняты освоением выделяемых грантов путем формальной адаптации их к уже ведущимся проектам» [Безикова, 2012].

На наш взгляд, исправить эту ситуацию невозможно без кардинальной перестройки всей системы методов и инструментов анализа и оценки как отдельных проектов и участников особого режима хозяйствования, так и самих зон. При этом за все годы работы различных видов «особых» территорий единая система такой системы так и не появилась, да и принятая Стратегия пространственного развития не акцентирует внимание на необходимости создания такого правового багажа.

Большие нарекания вызывает и проблема ограниченности участия самих территорий в создании и управлении ТОР и ОЭЗ, хотя при применении установленных на федеральном уровне налоговых льгот для их резидентов местные и региональные бюджеты теряют свои доходы. Поскольку, как показывает практика, основная часть государственных вливаний в создание этих зон поступает из федерального бюджета, весь спектр организационно-управленческих действий также определяется решениями федеральных институтов. В итоге роль и возможности регионов в управлении работой этих структур в соответствии с интересами и запросами территорий минимальна. Между тем мировая практика функционирования подобных особых зон кардинально противоположна российской [Илющенко, 2011].

Крайняя централизация и высокая степень государственного регулирования в области текущего управления ОЭЗ многим экспертам представляется чрезмерной [Неучева, 2010], а само это управление признается крайне неэффективным: «Процесс создания и управления особыми экономическими зонами характеризуется формализмом, безответственностью и безнаказанностью, отсутствием исполнительной дисциплины и спроса за принятые решения и их последствия» [Строев, 2016. С. 70].

Несмотря на негативные оценки, «Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года» предлагает и дальше

содействовать развитию особых территориальных зон без указания ожидаемых изменений и корректировок в системе их создания и регулирования. Правда, Стратегия анонсирует скорое создание нового механизма развития территорий (инвестиционных площадок) с особым режимом ведения предпринимательской деятельности, учитывающего перспективные специализации и иные особенности территорий. Хочется надеяться, что он будет сформирован с учетом проблем и ошибок прошлого опыта.

Особое внимание, на наш взгляд, должно быть уделено конкретизации понятия «особого режима», который традиционно рассматривается как система разнообразных льгот и преференций. Их множественность и неоднозначность требуют существенного пересмотра всего пакета, как с точки зрения концептуальных принципов их использования, так и в аспекте регулирующих механизмов и инструментов их реализации. Последний момент особенно актуален, поскольку и формирование, и реализация «особых режимов» в настоящее время осуществляются главным образом в условиях «ручного» управления, когда превалируют неправовые или неформальные способы принятия решений.

Проблемы формирования территорий с особым режимом в регионах Восточной Сибири

Проблемы формирования и функционирования территорий с особым административно-экономическим режимом можно наглядно продемонстрировать на примере регионов Восточной Сибири (Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край). По состоянию на 2016–2017 гг. особый статус здесь закреплен за целым рядом территорий (таблица), их организационно-экономический анализ показал следующее.

1. В регионах созданы только две туристско-рекреационные ОЭЗ, в то время как сами они претендуют (и имеют готовые заявки) на создание промышленных и технологических зон, дающих реальные возможности хозяйственного развития территорий. Так, еще в 1990-х годах была достигнута договоренность о создании в Забайкальском крае советско-китайской свободной экономической зоны. СЭЗ на китайской стороне работает с 1996 г., а на российской так и осталась проектом.

Зоны особого территориального развития в регионах: Иркутской области, Забайкальском крае и Республике Бурятия

Регион	Особые экономические зоны (ОЭЗ)	Зоны территориального развития (ОТР)	Территории опережающего социально-экономического развития (ТОР)	Региональные инвестиционные проекты (РИП)
Иркутская область	Туристско-рекреационная ОЭЗ – ОЭЗ ТРТ «Ворота Байкала»	Согласно Стратегии развития Иркутской области до 2030 года, их перечень включает в себя 27 наименований, однако их организация задерживается.	Города Усолье-Сибирское, Саянск и Черемхово. Реально работает только ТОР «Усолье-Сибирское»	В реестр инвестпроектов, получивших положительное заключение об эффективности использования средств областного бюджета, вошли 9 проектов на 16,2 трлн руб.
Республика Бурятия	Туристско-рекреационная ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань»	Указом главы Республики Бурятия от 18.06.15 № 96 утвержден перечень из 15 муниципальных образований, на территории которых допускается создание таких зон. Однако дальнейшее их развитие пока приостановлено.	ТОСЭР «Селенгинск»	Инвестиционные предложения Республики Бурятия включают 98 проектов с объемом 282 трлн руб.
Забайкальский край	Действие закона об ОЭЗ не коснулось региона.	Сформирован список на семь муниципальных образований: Чита, Краснокаменск, Краснокаменский район, Оловянинский, Газимуро-Заводский, Борзинский, Забайкальский и Чернышевский районы.	Территория опережающего социально-экономического развития «Краснокаменск»	Инвестиционные проекты Забайкальского края

2. Существующие туристско-рекреационные ОЭЗ в Иркутской области и Республике Бурятия работают крайне неэффективно, что видно по их официальной отчетности. За десять с лишним лет было освоено в Иркутской области 261 млн руб., в Республике Бурятия – 5 млрд руб. (и это в основном бюджетные средства). Среднегодовой рост притока туристов на территории составляет 2–4%¹¹. На большинстве инфраструктурных объектов (дорожных,

¹¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка состояния консолидированных бюджетов субъектов РФ, входящих в состав Байкальского региона, с учетом обеспечения сбалансированности документов стратегического планирования в ходе реализации государственных программ Российской Федерации, в том числе государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», в 2016–2017 годах и истекшем периоде 2018 года» // Бюллетень Счетной палаты № 4 (апрель) 2019 г.

социальных и иных) строительные работы так и не начались – они до сих пор остаются в проектном виде. Основная причина такого положения видится в ограниченности управления такими зонами только рамками федерального министерства экономического развития, которое действует крайне инертно и бессистемно¹². В то же время взаимоотношения министерства с АО, ведущими оперативное управление зонами, как следует из личных бесед автора с работниками Байкальской ОЭЗ, основаны по большей части на взаимных требованиях к конкретизации текущей и стратегической деятельности.

3. Функционирование зон территориального развития (ЗТР) в Иркутской области, Забайкальском крае и Республике Бурятия пока прошло лишь стадию отбора регионами муниципальных образований. Теперь кандидатам предстоит пройти процедуру организации ЗТР. Федеральный закон «О зонах территориального развития в РФ...»¹³ ввел многоступенчатую и достаточно сложную систему организации таких зон. В частности их создание и развитие должно быть обязательно зафиксировано в региональной стратегии социально-экономического развития; необходимо получить согласие не только всех исполнительно-распорядительных, но и представительных органов каждого из муниципальных образований, на территории которых предполагается создание зоны; в оформленном надлежащим образом соглашении о деятельности ЗТР должны быть установлены этапы этой деятельности, указаны целевые индикаторы, по которым можно оценить эффективность функционирования на каждом из этапов и т.д.

4. В трех исследуемых регионах создано всего пять территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР), из них реально действуют всего три, с крайне малым числом инвесторов. Так, в ТОР «Усолье-Сибирское» всего шесть инвесторов, большинство из которых – предприятия малого бизнеса, которые

¹² Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг эффективности использования бюджетных ассигнований федерального бюджета при создании и функционировании в 2017 году особых экономических зон, созданных в соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах // Российской Федерации» // Бюллетень Счетной палаты № 11 (ноябрь) 2018 г. // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2018. № 11 (251).

¹³ Федеральный закон «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.12.2011 № 392-ФЗ.

вошли с минимально необходимым объемом средств, в ТОСЭР «Селенгинск» – два резидента с проектами по разливу моторного масла и производства фанеры.

Очевидно, причина низкой эффективности современных ТОР и ТОСЭР связана с тем, что экономическое стимулирование строится на основе агрегированных территориально-организационных подходов. Широкий спектр льгот и преференций в налоговой, административной, таможенной, финансовой и др. сферах предоставляется резидентам автоматически, без оценки реальных потребностей и результатов. В итоге стимулирующие меры носят упрощенный и формальный характер, притом, что сам объем преференций весьма значителен.

Так, по оценкам специалистов¹⁴, объем налоговых льгот в 2018 г. составил 3 трлн руб. Потери федерального бюджета из-за налоговых льгот выросли с 2,19 трлн руб. с 2014 г. до 2,4 трлн руб. в 2017 г., причём динамика говорит о том, что к 2020 г. они увеличатся до 2,8 трлн руб., что суммарно равно 2,6% от российского ВВП. Для региональных бюджетов потери не менее значимы: «в 2014 г. выпадающие доходы консолидированных бюджетов субъектов Федерации в результате предоставления налоговых льгот превысили 400 млрд руб., в том числе по налогу на прибыль – 152,2 млрд руб.» [Малис, 2015]. В регионах Восточной Сибири налоговые потери, вероятно, не так велики, просто из-за небольшого количества субъектов с особым режимом хозяйствования, но регионы тратят немало сил и средств на деятельность по разработке и согласованию программ и проектов, формированию особого правового режима отдельных территорий и т.д.

Проблемы и перспективы государственного регулирования особых зон и режимов

Проведенная оценка различных форм особых территориальных зон в Иркутской области, Забайкальском крае и Республике Бурятия показала не столько крайне малую вовлеченность

¹⁴ Малиновская С. А., Самарина Т. П. Налоговые льготы и преференции: их влияние на доходы бюджетов субъектов Российской Федерации // Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/cTfJlq6CKlm7HUXlOipDrTp716VmimHY.pdf>

бизнеса в их работу, сколько неэффективность действующих механизмов по созданию и организации деятельности таких зон. Отсутствие эффективного механизма управления такими пространственными объектами связано, на наш взгляд, с тем, что широкий набор «специальных», «особых» и «иных» правовых режимов для них создавался (и продолжает создаваться) хаотично и бессистемно. На сегодняшний день в России существует более 200 разновидностей зон или территорий с особыми условиями их использования [Ершова, 2018].

Для того чтобы они эффективно работали, необходимо в каждом случае иметь ясное представление о применяемом правовом режиме: (1) систему чётких условий и норм с высокой степенью дифференциации при ограниченном числе категориальности объектов и (2) систему методик осуществления правового регулирования для оптимального достижения соответствующих целей.

Кроме того, нужно иметь в виду, что реализация имеющихся правовых норм по созданию ареалов опережающего развития осуществляется в условиях *ограниченности и проблемности государственного регулирования* как такового. Некоторые авторы [Аврутин, 2015. С. 77–96] расценивают современное положение в области государственного регулирования в России как расширяющийся кризис, который ведет к росту «неустойчивой неопределенности», или бифуркации в обществе.

На наш взгляд, оптимальным выходом из этой ситуации могло бы стать использование идей и инструментов «качественного», или «умного» регулирования, получающих все большее распространение на Западе, включая страны Европейского союза¹⁵, Канаду¹⁶ и др. В основе этой концепции лежат три составляющие: 1) сплошное системное сопровождение интеллектуальными и инструментальными методами госуправления, 2) наличие комплексной государственной интегрированной информационной системы и 3) прозрачность отношений, выражающаяся в обеспечении информации «в открытой, полной, своевременной и понятной форме» [Костина, Ханипова, 2017].

¹⁵ Charles-Henri Montin. Smart Regulation in the European Union [El. Resource] / URL: <http://regplus.blogspot.ru/> (дата обращения: 17.02.2019).

¹⁶ Smart Regulation: A Regulatory Strategy for Canada [Эл. ресурс] / URL: <http://publications.gc.ca/collections/Collection/CP22-78-2004E.pdf> (дата обращения: 17.02.2019).

Исследуя мировой опыт формирования и регулирования особых режимов ведения предпринимательской деятельности, следует выделить ряд уровней или направлений такой работы. В ее основе, как правило, лежит механизм формирования государственной политики, предусматривающий тщательный анализ перспектив и оценок последствий регулирующих государственных решений. Некоторые исследователи его называют «...ядром концепции умного регулирования» [Купряшкин, Сарычева, 2013]. В структуре этого механизма обязательно закладывается сложный аналитический инструментарий для учета всей широты мнений и позиций заинтересованных сторон. Другим обязательным элементом является гибкость законодательства, которое должно совершенствоваться в направлении создания консенсусных для всех сторон норм, причем максимально понятных и конструктивно простых для тех, кто их должен соблюдать [Эльмурзаева, 2014].

Предлагаемая форма качественного государственного регулирования, по мнению ряда коллег [Купряшкин, Сарычева, 2013, и др.], предполагает системную аналитическую работу в течение всего управленческого цикла, начиная с планирования и заканчивая контролем достижения целей. При этом обязательны комплексный анализ и оценка прошлого опыта и результатов ранее проведенных действий. Подробно проработанный набор аналитического оценочного инструментария в рамках «умного» регулирования предложен автором в другой работе [Белосува, 2011. С. 375].

Не менее важными составляющими «умного» регулирования являются наличие комплексной государственной интегрированной информационной системы, обеспечивающей аналитический аппарат количественными и качественными параметрами, а также открытость всех сторон для свободной циркуляции информации.

Сформированные на основе перечисленных принципов цели и задачи развития закладываются в стратегические планы, которые на Западе (в отличие от России) формируются не только на уровне задач, но и в виде плана конкретных мероприятий – «дорожной карты» по реализации каждого отдельного этапа или элемента плана. Для реализации обозначенных целей формируется национальный инвестиционный план, по которому утверждаются государственные плановые контракты с регионами,

экономическими зонами и отдельными экономическими структурами, закрепляющие обязательства сторон по определенной программе инвестиций.

Кроме того, для выделенного отраслевого или территориального развития большинство развитых стран проводит активную государственную протекционистскую и стимулирующую политику. При этом стимулирующие льготы и преференции подлежат тщательному индивидуальному подбору или проходят постоянный анализ эффективности.

Большое значение имеет выбор эффективных механизмов администрирования и управления зон особого режима. За рубежом этим часто занимаются специально созданные комитеты или комиссии, которые разрабатывают комплексные планы, контролируют их выполнение, проводят экспертизы и утверждают инвестиционные проекты, регулируют распределение земли, обеспечение кадрами и т.д. Эффективность их работы оценивается, как правило, по объемам привлеченных инвестиций, росту числа рабочих мест.

Не менее значимым фактором является уровень согласованности между органами управления зон, региональными и национальными властными органами. Так, особые зоны в Малайзии достигли успеха «...за счет эффективного взаимодействия органов власти, которые позволили интегрировать развитие зоны в сферу общенациональных экономических программ и приоритетов» [Латкин, 2017].

Варианты налоговых, таможенных, страховых и иных льгот, предоставляемых резидентам зон особого режима, широко варьируют как по странам, так и по регионам и территориям отдельных государств, что, в общем и целом, согласуется с российской практикой. Однако в этих условиях важна стабильная и тщательно продуманная преференционная политика, которая пока в нашей стране отсутствует. С одной стороны, количество налоговых льгот в России уже перевалило за 200¹⁷, что значительно превышает их число в США (около 100), Великобритании и Франции (70–80) [Данданян, 2014]. С другой стороны, их правовая база весьма неоднозначна, запутанна и противоречива [Налоговые системы, 2012].

¹⁷ Другие источники говорят о 359 видов налоговых льгот и преференций по состоянию на 1 января 2015 г. [Гончаренко, Малис, 2015. С. 152–156].

Начать с того, что в российском законодательстве не существует четкого понятия налоговой льготы, на основе которого можно было бы составить их точный список. Так, ст. 56 НК РФ определяет такую льготу как элемент налогообложения, который должен иметь отдельную нормативную позицию, но при этом существуют льготы, основанные на механизмах оплаты отдельных налогов: налоговые вычеты по НДС; операции, освобожденные от обложения НДС; доходы, не облагаемые налогом на прибыль организаций, и др. Более того, различные нормативные документы, включая Налоговый кодекс РФ, в определенных разделах декларируют налоговые преференции, которые не подтверждаются другими разделами и правовыми актами.

Таким образом, создается бессистемный механизм льготирования, который не только не увязан с достижением нужного обществу результата от конкретных налогоплательщиков, но и, по сути, способствует углублению экономической дифференциации хозяйствующих субъектов и территорий.

Точечные налоговые льготы часто рассматривают как свидетельство низкой эффективности управления, поскольку многие исследователи считают, что отдельные «льготы редко достигают целей, ради которых они даются. Льготы создают тепличные условия, снижают конкуренцию, и в мире достаточно примеров, когда отдельные страны, стараясь поддержать отрасли или предприятия... в итоге просто теряли их» [Брюмерхофф, 2002. С. 458].

Осознание этих проблем вылилось в поэтапную отмену действующих налоговых льгот в рамках проекта «Основных направлений налоговой политики Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов»¹⁸. Правда, сохраняется срок их обязательного применения субъектами Федерации: в течение пяти, трех лет и одного года – в зависимости от вида льготы. По истечении этого срока регион будет иметь право самостоятельно решить – продлить действие конкретной преференции на своей территории или отказаться от нее [Гончаренко и др., 2017. С. 96–104]. Параллельно планировалось сократить

¹⁸ Федеральное собрание Российской Федерации Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам. Заключение по проекту Основных направлений налоговой политики Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. <http://council.gov.ru/media/files/slysrjgKmb6ACTE0bXG5SHiAPaESdyQ.pdf>

общий объем федеральных льгот по региональным и местным налогам (на 85% к концу 2018 г.) [Игонина и др., 2017. С. 38–50], но этого так и не произошло.

Здесь хотелось бы подчеркнуть порочность практики установления федеральных льгот по региональным и местным налогам. Во-первых, она противоречит Налоговому кодексу РФ, поскольку нарушает принцип самостоятельности уровней бюджетов. Во-вторых, в условиях массовой дефицитности региональных и местных бюджетов введение любой льготы влечет для них снижение налоговых доходов и соответственное сокращение возможностей по реализации полномочий, при этом механизм компенсации этим бюджетам выпадающих из-за федеральных льгот доходов отсутствует. Все это ведет к снижению заинтересованности субъектов Федерации и муниципалитетов в развитии бизнеса на подведомственной им территории и привлечении инвестиций.

Возможные направления изменения ситуации эксперты видят в области перераспределения доходов между различными уровнями бюджета [Актуальные проблемы, 2011. С. 314], тщательного анализа эффективности вводимых льгот [Горбачева, 2014. С. 14–18], их экономического обоснования, с градацией видов льгот: социальные [Bird, 2004], льготы инвестиционного и инновационного характера [Савина, 2012. С. 15–29].

Заключение

«Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года» в числе основных задач поставила содействие развитию территориальных зон, посредством установления особого режима ведения предпринимательской деятельности. При этом в документе крайне скупо сформулированы методы и подходы решения этой задачи. Между тем эффективное использование такой формы пространственного развития возможно только на основе детальной проработки правовых норм, формирующих «особые правовые режимы» территорий, а также совершенствования системы государственного управления на основе современных приемов «качественного» регулирования.

Последнее основано на широком привлечении всех заинтересованных сторон в процесс управления, пересмотре действующего законодательства для снижения ненужных бюрократических процессов и излишней централизации, а также на всестороннем

использования оценки регулирующего воздействия. На базе данной концепции «качественного» регулирования реализуется стратегия развития Европейского союза до 2020 года [Сарычева, 2017], и данные нормы все более находят отражение в развитии российской теории и практики управления.

В рамках современных тенденций пространственного развития приоритет и основное экономическое внимание только к созданию эффективных региональных и межрегиональных ареалов инновационно-ориентированного опережающего развития, безусловно, должны быть сопряжены с качественным анализом эффективности и результативности российского и зарубежного опыта создания особых налоговых, административных, таможенных и иных режимов. При этом отрицательные собственные результаты в данной сфере формируют необходимость глубокого пересмотра норм и положений преференционной политики, исходя не только из шаблонного копирования мировых тенденций, но и внутренних запросов, условий и результатов развития.

Таким образом, решение многочисленных проблем организации и функционирования территорий с особым административно-экономическим режимом требует существенного пересмотра концепта «особый правовой режим». В результате должны быть определены не только цели, приоритеты, виды, принципы работы и пр. территориальных ареалов опережающего развития, но и эффективные механизмы реализации последних на основе современной системы социально-экономического зонирования и инструментов «умного» регулирования. Принятая «Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года» пока не делает даже намека на проработку пробелов и провалов текущей политики развития территорией с особым режимом, что обуславливает неутешительный прогноз эффективности ее реализации.

Литература

Аврутин Ю. Е. Место института административного судопроизводства в правовой системе современной России в контексте обеспечения надлежащего государственного управления или размышления на тему: «меняется ли сумма при перемене мест слагаемых?» // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 9. С. 77–96.

Актуальные проблемы развития налоговой системы России в первом десятилетии XXI века / Под научн. ред. Л. И. Гончаренко. М.: Финуниверситет, 2011. С. 314.

Асаул А. Н., Балакина Г. Ф., Соян М. К. Специфика особой экономической зоны для слаборазвитого региона // ADVANCES IN CURRENT NATURAL SCIENCES. 2014. № 1. С. 74–77.

Безикова Е. В. Государственное финансирование и государственная поддержка особых экономических зон на территории Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 3(5). С. 5–10.

Белюсова С. В. Оценивание в системе совершенствования управления общественным сектором: монография / С. В. Белюсова. Новосибирск: СИБ-ПРИНТ, 2011. 375 с.

Брюммерхофф Д. Теория государственных финансов: пер. 7-го нем. изд. / Под общ. ред. А. Л. Кудрина, В. Д. Дзгоева. Владикавказ: Пионер-пресс, 2002 (РИПП им. В. А. Гассиева). 458 с.

Бузмаков Р. В. Эффективность функционирования особых экономических зон в регионах России // Научный форум: Экономика и менеджмент: сб. ст. по материалам XIX междунар. науч.-практ. конф. М., МЦНО, 2018. С. 24–28.

Бухарова Е. М. Роль технико-внедренческих особых экономических зон в становлении инновационных систем регионов России: автореферат кандидатской диссертации по специальности: 08.00.05 Москва, 2016. 26 с.

Гареев Т. Р. Экономическое зонирование: классические и институциональные аспекты развития (на примере ОЭЗ в Калининградской области) // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). 2009. Том 7. № 3. С. 70–90.

Гончаренко Л. И., Малис Н. И. Налоговая политика государства: нужна ли смена модели в условиях современного экономического кризиса? // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 3. С. 152–156.

Гончаренко Л. И., Мельникова Н. П. О новых подходах к политике применения налоговых льгот и преференций в целях стимулирования развития экономики // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 2. С. 96–104.

Горбачева О. Ю. Обоснование подхода к оценке эффективности налоговых льгот в Российской Федерации // Финансовое право. 2014. № 5. С. 14–18.

Данданян Д. А. Налоговые льготы как форма государственной поддержки // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 2. Том 6. С. 18–28.

Жиркова С. В. Развитие особых экономических зон в России как инструмент повышения инновационного потенциала: недостатки, преимущества и перспективы // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7–8. С. 22–28.

Ершова Н. Е. Земельно-кадастровое обеспечение установления границ зон с особыми условиями использования территорий // Науки о Земле. 2018. № 11.

Зуев С. В. Зарубежный опыт социально – экономического развития территорий // Вестник НГИЭИ. 2012. № 1(8). С. 51–59.

Игонина Л. Л., Мамонова И. В. Стимулирующие налоговые льготы как инструмент бюджетно-налогового регулирования: особенности применения и оценка эффективности на региональном уровне // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2017. № 4. С. 38–50.

Илющенко Н. А. Проблемы и перспективы особых экономических зон как формы государственно-частного партнерства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2011. № 2. С. 88–94.

Коновалова О. Н. Проблемы развития информационно-сетевой организации экономики и переход к инновационному типу развития // Омский научный вестник. 2006. № 8(42). С. 60–63.

Коновалова Т. А., Савельева М. А. Анализ эффективности деятельности особых экономических зон на территории Российской Федерации // Вопросы экономики и управления. 2018. № 3. С. 28–33.

Костина Н. Б., Ханипова И. Т. Транспарентность как фактор эффективности управления социальной сферой // Вопросы управления. 2017. № 1. С. 216–221.

Купряшикин Г. Л., Сарычева Н. Н. Концепция «умного регулирования»: зарубежный опыт и возможности применения в государственном управлении России // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2013. № 2. С. 3–20.

Латкин А. П. Отечественный и зарубежный опыт правовых режимов ведения экономической деятельности в особых экономических зонах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. Т. 2. № 3. С. 157–160.

Лебедев В. И. Минерально-сырьевой потенциал Республики Тыва и перспективы его освоения // Экономическое возрождение России. 2009. № 3(21). С. 66–72.

Максимова И. И. Территории с особым статусом: типологические и институциональные аспекты Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва: ИСА РАН, 2010. 55 с.

Малис Н. И. Налоговые поступления в региональные бюджеты: резервы роста // Финансовый журнал. 2015. № 2. С. 25–32.

Налоговые системы. Методология развития: монография / Под ред. И. А. Майбурова, Ю. Б. Иванова. М.: ЮНИТИ ДАНА. 2012. 463 с.

Неучева М. Ю. Зарубежный опыт функционирования особых экономических зон // Проблемы современной экономики. 2010. № 3. С. 102–105.

Неучева М. Ю., Сидорова О. В. Инновационная составляющая особых экономических зон // Проблемы современной экономики. 2011. № 2(38). С. 37–39.

Нилов К. Правовой режим свободных (особых) экономических зон в России и Европе // Вся Европа. 2007. № 10(15). С. 102–105.

Савина О. Н. Оценка эффективности налоговых льгот в условиях действующего российского налогового законодательства и направления ее совершенствования // Налоги и налогообложение. 2012. № 9–10. С. 15–29.

Сарычева Н. Н. Повышение качества государственного регулирования экономики в современном мире // Государственное управление. 2017. № 60.

Серкова А. Е. Зарубежный опыт классификации регионов как инструмента региональной политики // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 8 (299). Экономика. Вып. 40. С. 57–61.

Строев И. Болезни роста // Управление бизнесом. 2016. № 9(30). С. 70–75.

Сысоева Е. Ф., Мельник Е. Н. Налоговая политика государства и оценка ее эффективности на региональном уровне / (монография) Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. 2015. 237 с.

Троцкий А. Я., Щетинин М. П. Концептуальные основы регулирования территориального развития на мезоуровне // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2. С. 298–308.

Эльмурзаева Р.А. Современные черты регулирования: эволюция понятия и изменение роли в государственной экономической политике // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 162–168.

Яковлева С.И. Пространственные модели в стратегиях социально-экономического развития регионов России // Псковский регионологический журнал. 2014. № 17. С. 3–16.

Bird, Richard Miller and Martinez-Vazquez, Jorge and Torgler. Societal Institutions and Tax Effort in Developing Countries. CREMA Working Paper No. 2004–21. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=662081> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.662081>

Helminen M. «Finnish International Taxation», WSOY2002. Tikka, Kari S., «Tax Competition and the Welfare State: Time to Surrender or to Reconsider», in Liber Amicorum Sven-Olof Lodin. Kluwer 2001. p. 269–282.

Jensen C., Winiarczyk M. Special Economic Zones – Twenty Years Later, CASE Network Studies and Analyses. Centrum Analiz Społeczno-Ekonomicznych, Warszawa. 2014. № 467.

Статья поступила 12.05.2019.

Для цитирования: Белоусова С.В. Проблемы реализации современных тенденций пространственного развития в регионах Восточной Сибири// ЭКО. 2019. № 7. С. 54-79. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-54-79

Summary

Belousova, S. V., Department of Regional Economic and Social Problems of ISC, SB RAS, Irkutsk

Implementation Problems of Modern Trends of Spatial Development in East Siberia

Abstract. The article considers measures proposed by the recently adopted ‘Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period of up to 2025’ aimed at fulfilling the country’s potential of economic growth – due to both new territorial zoning and preservation of special regime for business in selected zones. To assess prospects of implementing such measures, we carried out an analysis of existing territorial zones with a special type of administrative and economic regime. The paper reviews and describes seven variants of such zones, analyzes implementation standards that shape their functions, identifies problems of territories with a special administrative and economic regime in the regions of East Siberia (Irkutsk region, Republic of Buryatia and Zabaykalsky region). We determined features and implementation problems of special economic zones (SEZ), zones of territorial development (OTR), territories of priority socio-economic development (TOR), etc. To overcome identified problems of SEZ implementation, we established the need for 1) specification of the legal regime including a system of legal regulation for optimal achievement of goals; 2) introduction of a ‘smart’ regulation model.

Keywords: *spatial development; the strategy of spatial development; territorial zones with special type of administrative economic regime; the special economic zones (ZSE); zones of territorial development (ZTD); the territory of the advancing social and economic development (TAD); a particular legal regime; clever regulation*

References

Actual problems of development of the Russian tax system in the first decade of the XXI century. (2011). Call. authors; under scientific. the editorship of L.I. Goncharenko. Moscow. Financial University Publ. 314 p. (In Russ.).

Asaul, A. N., Balakina, G. F., Soyana, M. K. (2014). Specifics of the special economic zone for the underdeveloped region. *ADVANCES IN CURRENT NATURAL SCIENCES*. No. 1. Pp. 74–77. (In Russ.).

Avrutin, Yu.E. (2015). The Place of the Institute of administrative justice in the legal system of modern Russia in the context of ensuring good governance or reflection on the topic: «Does the amount change with the change of places of the terms?» *Vestnik VGU. Seriya: Pravo*. No. 9. Pp. 77–96. (In Russ.).

Belousova, S.V. (2011). Evaluation in the system of improvement of public sector management: monograph. Novosibirsk: Publishing house «SIBPRINT», 375 p. (In Russ.).

Bezikova, E.V. (2012). State financing and state support of special economic zones on the territory of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. No. 3(5). Pp. 5–10. (In Russ.).

Bird, Richard Miller and Martinez-Vazquez, Jorge and Torgler Societal Institutions and Tax Effort in Developing Countries. CREMA Working Paper No. 2004–21. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=662081> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.662081>

Brummerhoff, D. (2002). The Theory of public Finance: St. 7th it. ed. under the General editorship of A. L. Kudrin, V.D. Dzgoeva. Vladikavkaz: pioneer press, (RIPP im. V.A. Gassieva). 458 p. (In Russ.).

Bukharova, E.M. (2016). The Role of technical and implementation special economic zones in the formation of innovative systems of Russian regions: abstract candidate of dissertation in the specialty: 08.00.05. Moscow. 26 p. (In Russ.).

Buzmakov, R.V. (2018). Efficiency of functioning of special economic zones in the Russian regions / Scientific forum: Economics and management: collection of articles on materials of the XIX Intern. science.-prakt. Conf. Moscow, Mcno Publ. Pp. 24–28. (In Russ.).

Dandan, D.A. (2014). Tax incentives as a form of state support. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika*. No. 2. Vol. 6. Pp. 18–28. (In Russ.).

Elmurzayeva, R.A. (2014). Modern features of regulation: evolution of the concept and change of the role in the state economic policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 382. Pp. 162–168. (In Russ.).

Gareev, T.R. (2009). Economic zoning: classical and institutional aspects of development (on the example of SEZ in Kaliningrad region). *TERRA ECONOMICUS (Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta)*. Vol. 7. No. 3. Pp. 70–90. (In Russ.).

Goncharenko, L.I., Malis, N.I. (2015). Tax policy of the state: is it necessary to change the model in the current economic crisis? *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. No. 3. Pp. 152–156. (In Russ.).

Goncharenko, L.I., Melnikova, N.P. (2017). On new approaches to the policy of application of tax benefits and preferences in order to stimulate the development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. No. 2. Pp. 96–104. (In Russ.).

Gorbacheva, O.Yu. (2014). Justification of the approach to assessing the effectiveness of tax benefits in the Russian Federation. *Finansovoe pravo*. No. 5. Pp. 14–18. (In Russ.).

Helminen, M. (2001). «Finnish International Taxation», WSOY2002. Tikka, Kari S., «Tax Competition and the Welfare State: Time to Surrender or to Reconsider», in Liber Amicorum Sven-Olof Lodin. Kluwer P. 269–282.

Igonina, L.L., Mamonova, I.V. (2017). Stimulating tax benefits as a tool of budget and tax regulation: features of application and efficiency assessment at the regional level. *Bukhgalterskii uchet v byudzhetnykh i nekommercheskikh organizatsiyakh*. No. 4. Pp. 38–50. (In Russ.).

Ilushchenko, N.A. (2011). Problems and prospects of special economic zones as a form of public-private partnership. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika*. No. 2. Pp. 88–94. (In Russ.).

Jensen, C., Winiarczyk, M. (2014). Special Economic Zones – Twenty Years Later, CASE Network Studies and Analyses. Centrum Analiz Społeczno-Ekonomicznych, Warszawa. No. 467.

Konovalova, O.N. (2006). Problems of development of information and network organization of economy and transition to innovative type of development. *Omskii nauchnyi vestnik*. No. 8(42). Pp. 60–63. (In Russ.).

Konovalova, T.A., Savelyeva, M.A. (2018). Analysis of the effectiveness of special economic zones on the territory of the Russian Federation. *Voprosy ekonomiki i upravleniya*. No. 3. Pp. 28–33. (In Russ.).

Kostina, N.B., Khanipova, I.T. (2017). Transparency as a factor of effective management of the social sphere. *Voprosy upravleniya*. No. 1. Pp. 216–221. (In Russ.).

Kupryashkin, G.L., Sarycheva, N.N. (2013). The concept of «smart regulation»: foreign experience and applications in public administration of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 2. Pp. 3–20. (In Russ.).

Latkin, A.P. (2017). Domestic and foreign experience of legal regimes of economic activity in special economic zones. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. Vol. 2. No. 3. Pp. 157–160. (In Russ.).

Lebedev, V.I. (2009). Mineral potential of the Republic of Tyva and prospects of its development. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*. No.3 (21). Pp. 66–72. (In Russ.).

Malis, N. (2015). Tax revenues to regional budgets: growth reserves. *Finansovyi zhurnal*. No. 2. Pp. 25–32. (In Russ.).

Maximova, I.I. (2010). Territories with special status: typological and institutional aspects of the thesis abstract for the degree of doctor of economic Sciences. Moscow: ISA RAS, 55 p. (In Russ.).

Neucheva, M.Yu. (2010). Foreign experience of functioning of special economic zones. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. No. 3. Pp. 102–105. (In Russ.).

Neucheva, M.Yu., Sidorova, O.V. (2011). Innovation component of special economic zones. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. No. 2(38). Pp. 37–39. (In Russ.).

Nilov, K. (2007). Legal regime of free (special) economic zones in Russia and Europe. *Vsya Evropa*. No. 10(15). Pp. 102–105. (In Russ.).

Sarycheva, N.N. (2017). Improving the quality of state regulation of the economy in the modern world. *Zhurnal Gosudarstvennoe upravlenie*. No. 60. (In Russ.).

Savina, O. N. (2012) Assessment of efficiency of tax benefits in the conditions of the current Russian tax legislation and directions of its improvement. *Nalogi i nalogooblozhenie*. No. 9–10. Pp. 15–29. (In Russ.).

Serkova, A.E. (2013). Foreign experience of classification of regions as a tool of regional policy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo*. No. 8 (299). Economy. Issue. 40. Pp. 57–61. (In Russ.).

Stroev, I. (2016). Diseases of growth. *Upravlenie biznesom*. No. 9(30). Pp. 70–75. (In Russ.).

Sysoeva, E.F., Melnik, E.N. (2015). Tax policy of the state and evaluation of its effectiveness at the regional level / (monograph) Voronezh: Publishing house: Voronezh state pedagogical University. 237 p. (In Russ.).

Tax system. Methodology of development: monograph / under the editorship of I.A. Maiburov, Yu. B. Ivanov. Moscow. YUNITI is GIVEN. 2012. 463 p. (In Russ.).

Trockovski, A.Ya., Shchetinin, M.P. (2010). Conceptual bases of regulation of territorial development at the meso-level. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2. Pp. 298–308. (In Russ.).

Yakovleva, S.I. (2014). Spatial models in the strategies of socio-economic development of Russian regions. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*. No. 17. Pp. 3–16. (In Russ.).

Ershova, N.E. (2018). Land-cadastral support for the establishment of boundaries of zones with special conditions for the use of territories. *Nauki o Zemle*. No. 11. (In Russ.).

Zhirkova, S.V. (2012). Development of special economic zones in Russia as a tool to increase innovation potential: disadvantages, advantages and prospects. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. No. 7–8. Pp. 22–28. (In Russ.).

Zuev, S.V. (2012). Foreign experience of socio-economic development of territories. *Vestnik NGIEI*. No. 1(8). Pp. 51–59. (In Russ.).

For citation: Belousova, S.V. (2019). Implementation Problems of Modern Trends of Spatial Development in Eastern Siberia's Regions. *ECO*. No. 7. Pp. 54-79. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-54-79

Расходы муниципалитетов и доходы населения российской Арктики¹

Е.Е. ЕМЕЛЬЯНОВА, кандидат экономических наук.

E-mail: leka.apatity@gmail.com

А.Н. ЧАПАРГИНА, кандидат экономических наук, Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН, Апатиты.

E-mail: achapargina@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является оценка бюджетной обеспеченности арктических муниципалитетов и уровня заработной платы населения Арктики в образовании и здравоохранении. Исследование выполнено по трем направлениям: анализ бюджетной обеспеченности в социальной сфере; анализ уровня жизни и доходов работников в социально значимых сферах деятельности; перспективы социальной ориентации бюджетов муниципальных образований АЗРФ. Использованный в работе авторский метод оценки участия государства в жизни населения позволил сформировать ряд предложений по улучшению социального обеспечения населения городских округов АЗРФ. Исследование показало, что обеспеченность населения услугами образования и здравоохранения в городских округах АЗРФ с каждым годом снижается, причиной этому служат сокращение соответствующих бюджетных расходов и замедление темпов роста зарплат в этих сферах. Поэтому дальнейшее развитие социально значимых отраслей необходимо обеспечивать за счет как бюджетных, так и внебюджетных источников, которые могут быть привлечены, например, с помощью механизма ГЧП.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ; муниципальные образования; муниципальный бюджет; доходы населения; социальная сфера

Арктические территории: проблемы общие, решения разные

Рост качества и уровня жизни населения определены как основные задачи внутренней государственной политики РФ на ближайшие годы. Ключевые роли в обеспечении этого качества традиционно отводятся сферам здравоохранения и образования: показатели обеспеченности граждан соответствующими услугами входят в число обязательных критериев оценки уровня

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ КНЦ РАН № 0226–2019–0027_ИЭП «Комплексное междисциплинарное исследование и экономико-математическое моделирование социально-экономической трансформации и управления регионов и муниципальных образований северо-арктических территорий Российской Федерации» и № 0226–2019–0023_ИЭП «Научные основы формирования и реализации финансово-инвестиционного потенциала регионов Севера и Арктики».

жизни на той или иной территории. При этом они значительно зависят от нормативно-правовой базы, уровня бюджетных доходов, а также направленности социально-экономической политики конкретных субъектов РФ.

Арктическая зона РФ рядом федеральных законов выделена в особую территориальную область социально-экономического развития², для муниципалитетов которой характерны общие проблемы [Чистобаев, Малинин, 2016; Регионы Севера..., 2017; Финансовое обеспечение..., 2016]. В их числе – сложные (порой экстремальные) климатические условия, удаленность от экономических центров, монопрофильный характер экономики, повышенная энергоемкость, нередко сочетающаяся с высокой стоимостью электроэнергии, и другие удорожающие факторы, неблагоприятная экологическая ситуация, а также очень часто – более низкий уровень обеспеченности населения социальными услугами. Кроме того, общая для всех арктических регионов отрицательная миграция снижает и без того невысокую плотность заселения, удорожает содержание социальной инфраструктуры и пагубно сказывается на привлекательности территории для проживания [Вылегжанина, 2018].

Практически во всех регионах, полностью или частично входящих в АЗРФ, плотность населения самая низкая в стране и, по нашим данным, продолжает снижаться. Численность населения арктических территорий России за последние 15 лет сократилась в общей сложности на 151 тыс.чел. (или на 10,9%), и только за 2018 г. – на 6,5 тыс.чел.³ Больше всех жителей потеряли Ненецкий АО (33%), Республика Коми (25%), Мурманская (25%) и Архангельская (17%) области. При этом в целом по стране средняя плотность населения увеличилась на 2,3% (табл. 1).

Отметим, что схожие проблемы присущи северным регионам и городам всех без исключения арктических государств. Именно создание благоприятных условий, повышение качества жизни

² Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2014. № 18. Ст. 2136; Указ Президента РФ от 27 июня 2017 г. № 287 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

³ Оценка численности постоянного населения сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации // Демографический ежегодник России. 2017: Стат.сб./ Росстат. М., 2017.

и увеличение благосостояния населения, проживающего в Арктике, признается Комитетом парламентариев Арктического региона (SCPAR) приоритетной задачей развития данных территорий [The Arctic Social., 2016]. Наиболее успешными в решении данной задачи нам представляются практики развития арктических поселений в Канаде, Норвегии и на Аляске, где был сделан акцент на развитие человеческого капитала на основе эффективных систем профобразования и здравоохранения, привлечения высококвалифицированных специалистов, развития социальной и транспортной инфраструктуры, создания благоприятной городской среды. В арктических муниципалитетах Канады, Норвегии и Аляски обеспеченность социальными услугами поддерживается на значительно более высоком уровне, чем в городах других регионов, а расходы на поддержание социальной инфраструктуры составляют до 40% общих инвестиций [Иванова, 2013; OECD Better Life Index., 2018].

Таблица 1. Плотность населения в регионах, отнесенных к АЗРФ в 2002–2017 гг., чел./ км²

Регионы, входящие в АЗРФ	Плотность населения			Место, занимаемое среди субъектов РФ
	2002	2012	2017	
Российская Федерация	8,4	8,4	8,6	-
Республика Карелия	4,4	3,5	3,5	67-е
Республика Коми	2,7	2,1	2,0	76-е
Архангельская область	2,4	2,1	2,0	78-е
Ненецкий АО	0,3	0,2	0,2	84-е
Мурманская область	6,7	5,4	5,2	64-е
Ямало-Ненецкий АО	0,7	0,7	0,7	80-е
Красноярский край	1,3	1,2	1,2	79-е
Республика Саха (Якутия)	0,3	0,3	0,3	83-е
Чукотский АО	0,1	0,1	0,1	85-е

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января [Эл. ресурс]. Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce

Отличительной особенностью государственного регулирования развития арктических территорий за рубежом является широкое применение стимулирующих методов. При этом степень финансовой самостоятельности может быть самой разной. Так, в Канаде, Гренландии и США (Аляска) региональные власти обладают широкими полномочиями в области налоговой,

бюджетной, кредитной политики, что позволяет им привлекать финансовые ресурсы для реализации крупных промышленных и инфраструктурных проектов. В скандинавских странах – Финляндии, Швеции и Норвегии – субъекты самоуправления в регионах Арктики действуют на общих основаниях и не имеют дополнительных полномочий по сравнению с другими⁴.

Целью исследования является оценка бюджетной обеспеченности арктических муниципалитетов и уровня заработной платы населения Арктики в социально значимых отраслях – образование и здравоохранение. Исследование проводилось по муниципальным образованиям (МО) зоны российской Арктики, имеющих статус городских округов, так как они, с одной стороны, обладают наиболее широким перечнем расходных полномочий, согласно Бюджетному кодексу РФ и федеральному закону №131-ФЗ⁵, а с другой – необходимой информационной и статистической базой для анализа и сопоставимости данных. Из исследования исключены МО в статусе муниципальных районов, городских и сельских поселений. В итоге в исследование вошли 23 городских округа, представляющих семь арктических регионов России (кроме республик Саха и Карелия, на территории которых не представлены муниципалитеты со статусом городского округа). А именно: Воркута, Архангельск, Новодвинск, Северодвинск, Нарьян-Мар, Мурманск, Ковдорский район, Апатиты, Кировск, Мончегорск, Оленегорск, Полярные Зори, Салехард, Губкинский, Лабитнанги, Муравленко, Новый Уренгой, Ноябрьск, Норильск, Анадырь, Певек, Провиденский, Эгвекинот. Временной интервал исследования включал период 2009–2016 гг.

Бюджетная обеспеченность арктических муниципалитетов в социальной сфере

Одним из ключевых показателей, отражающих благосостояние жителей той или иной территории, является уровень бюджетной обеспеченности на душу населения. Анализ бюджетных

⁴ Сурикова О. Л. К международному опыту развития арктических территорий [Эл. ресурс] // Портал GoArctic. URL: <https://goarctic.ru/live/k-mezhdunarodnomu-opytu-razvitiya-arkticheskikh-territoriy/> (дата обращения: 11.07.2018).

⁵ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ.

расходов в муниципалитетах АЗРФ выявил сильные диспропорции: удельные бюджетные расходы колеблются в среднем по регионам от 20 тыс. руб. (Архангельская область) до 700 тыс. руб. (Чукотский АО) (табл. 2).

Таблица 2. Расходы муниципальных бюджетов на душу населения в среднем по регионам Арктики в 2009–2016 гг., тыс. руб./чел.

Субъект РФ	2009	2011	2013	2015	2016
Республика Коми	24,7	32,4	41,9	41,8	42,8
Архангельская область	17,4	21,5	23,9	26,5	26,9
Ненецкий АО	117,3	115,7	130,8	112,2	30,9
Мурманская область	29,0	36,8	39,2	39,9	44,4
Ямало-Ненецкий АО	84,9	126,2	118,8	103,3	109,9
Красноярский край	56,2	88,4	89,6	94	95,3
Чукотский АО	н/д	325,1	695,3	319,1	184,6

Источник табл. 2–4, рис. 1, 2: рассчитано авторами на основе Базы данных показателей муниципальных образований [Эл. ресурс]. // Росстат. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm

Наиболее высокий уровень расходов бюджета на душу населения отмечается в муниципалитетах автономных округов: Чукотского, Ненецкого, Ямало-Ненецкого. На четвертом месте – Красноярский край с его Норильском. Столь высокие показатели бюджетной обеспеченности в этих регионах объясняются наиболее суровыми условиями проживания и значительной удаленностью полярных муниципалитетов от остальной территории, что приводит к необходимости значительных расходов на поддержание в них жилищно-коммунальной, энергетической, транспортной, социальной сферы, в том числе – посредством «северного завоза». Например, в Чукотском АО, самом удаленном от «материка» арктическом регионе с предельно низкими по стране показателями плотности населения, запасы топлива, строительных материалов, техники и продовольствия доставляются при помощи авиации, которая является, по сути, единственным круглогодичным транспортом⁶. Дополнительные бюджетные траты связаны с необходимостью субсидирования

⁶ Копин П. В. Вступление губернатора – председателя правительства Чукотского автономного округа // Аналитический вестник: Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Чукотского автономного округа. 2017. № 28(684). С. 3–7. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/WAAmcYEctpX8CxxGGJwTrjdJHs8qVKcTA.pdf>

расходов на энерготарифы и социально значимые продовольственные товары⁷.

Однако существенные расходы бюджета на душу населения еще не означают его социальную ориентированность. Неформальным критерием оценки «социальности» территориального бюджета является доля расходов на социальную сферу, которая в среднем должна составлять около 50%, так как именно на уровне региона практически полностью делегированы полномочия по социальному обеспечению населения, включая расходы на образование и здравоохранение [Коокуева, 2017] (рис. 1).

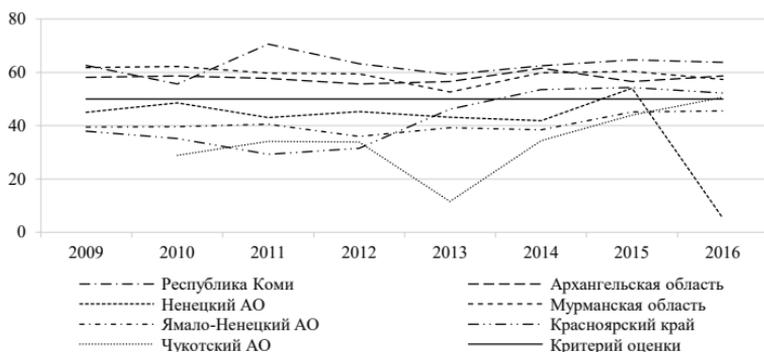

Рис. 1. Доля расходов муниципальных бюджетов на здравоохранение и образование в регионах Арктики в 2009–2016 гг., %

Как видно на рисунке, более 60% расходов бюджета на социальные сферы направляют относительно небогатые Республика Коми, Мурманская и Архангельская области. А муниципалитеты арктических регионов с наиболее высокими бюджетными расходами на душу населения (Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО и Красноярский край), наоборот, имеют самую низкую долю социальных расходов (30–40%).

Особо выделяется Нарьян-Мар (Ненецкий АО), который в 2016 г. сократил как удельные расходы бюджета в целом (30,9 тыс.руб./чел. против 112,2 тыс. руб./чел. в предыдущем

⁷ Калинова А. А. Социально-экономическое развитие Чукотского автономного округа в 2011–2016 годах // Аналитический вестник: Современное состояние и перспективы социально-экономического развития Чукотского автономного округа, 2017. № 28(684). С. 23–29. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/WAAmeYEctPX8CxGGJwTrjdJHs8qVKeTA.pdf>

году), так и долю расходов на социальную сферу в частности (с 54% до 5%). В 2016 г. общий объем собственных доходов муниципального бюджета (без учета субвенций) сократился в три раза относительно предыдущего периода.

Кардинальное снижение размера межбюджетных трансфертов произошло из-за передачи полномочий в сфере образования на региональный уровень в соответствии с законом НАО от 09.09.2014 № 95-ОЗ, а также в связи с отказом Департамента финансов и экономики НАО в предоставлении дотации городскому бюджету на выравнивание бюджетной обеспеченности. При этом размер собственных доходов местного бюджета в 2016 г. упал из-за снижения поступлений НДФЛ (в тот год значительно сократилось число организаций на территории МО – в связи с банкротством, реорганизацией и закрытием обособленных подразделений, соответственно, сократилась и среднесписочная численность работников)⁸.

Если рассматривать удельные расходы муниципальных бюджетов в сфере образования и здравоохранения по отдельности, легко увидеть, что почти всюду (за исключением Чукотского и Ненецкого АО) расходы на образование, начиная с 2011–2012 гг., незначительно увеличиваются, а на здравоохранение – сокращаются (кроме муниципалитетов Чукотского АО). К 2013 г. практически все муниципалитеты, кроме административных центров, передали полномочия по содержанию системы здравоохранения на региональный уровень (в муниципальных бюджетах по этой статье – нулевое финансирование).

Уровень жизни и доходов медиков и учителей в арктических городах

Оценка уровня и структуры доходов населения, их дифференциации, условий и особенностей формирования имеет важное значение для анализа уровня жизни в регионе и формирования социально-экономической политики. Одним из основных источников доходов является заработная плата [Абдулгамидова, 2015],

⁸ Прогноз социально-экономического развития МО «Городской округ «Город Нарьян-Мар» на 2017 год и плановый период 2018–2019 годов. [Эл. ресурс] // Официальный сайт администрации города Нарьян-Мар. URL: <http://www.adm-nmar.ru/grazhdanam/byudzheth-dlya-grazhdan/prognoz-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya/>

поэтому мы решили сравнить уровень среднемесячной зарплаты по муниципалитетам АЗРФ с размерами средней заработной платы работников образования и здравоохранения. Для сопоставимости уровня жизни использовался также показатель «средняя заработная плата/прожиточный минимум в регионе» – по всему кругу организаций и по учреждениям образования и здравоохранения.

Номинальная среднемесячная заработная плата в регионах в течение всего исследуемого периода росла во всех городских округах АЗРФ. Самые высокие зарплаты сложились в г. Анадырь (в 2016 г. – 101252 руб.), Новый Уренгой (99184 руб.) и Салехард (88575 руб.). Самые низкие – в муниципалитетах Архангельской и Мурманской областей. Так, в Новодвинске в 2016 г. средняя зарплата составила всего 35 081 руб./чел. в месяц, в Апатитах – 42789 руб. Коэффициент дифференциации по городским округам АЗРФ (рис. 2) сократился с 4,7 (2009 г.) до 2,9 (2016 г.), а коэффициент вариации – с 34,7 до 29,2%. То есть региональные различия в доходах населения арктических муниципалитетов постепенно сглаживаются.

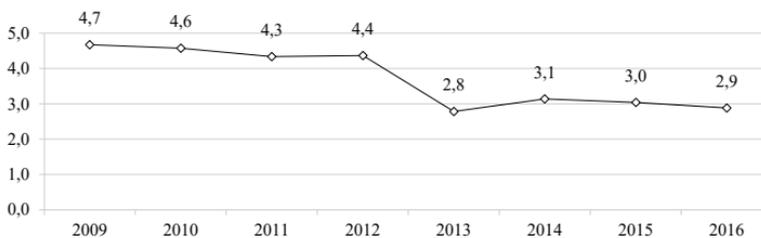

Рис. 2. Динамика коэффициента дифференциации заработной платы в городских округах АЗРФ в 2009–2016 гг.

Отметим, что конвергенция по среднемесячным доходам достигается в первую очередь благодаря перераспределительной политике государства, а не за счет сглаживания диспропорций в социально-экономическом развитии арктических регионов. При этом конвергенция идет не только по линии муниципалитетов АЗРФ, но и по линии арктических-неарктических муниципалитетов (регионов). В последнем случае это нередко вызывает отток специалистов в более комфортные для жизни поселения. Наибольший отток испытывают те субъекты АЗРФ, где различия

по зарплате с неарктическими регионами минимальны (Мурманская область) [Ларченко, Колесников, 2017].

Если рассматривать уровень заработной платы в образовании и здравоохранении по отдельности, можно констатировать замедление темпов их роста начиная с 2014 г. во всех арктических муниципалитетах, а в 2016 г. отмечено даже снижение зарплаты учителей в отдельных городах (Воркута, Нарьян-Мар, Норильск). При этом уровень этих зарплат находится на 25–30% ниже среднего по экономике, и с течением времени эта дифференциация лишь растет.

В арктических регионах, особенно удаленных, многие товары и услуги стоят заметно дороже, так что повышенные зарплаты призваны не просто привлечь «охотников за длинным рублем», но в первую очередь – обеспечить возмещение повышенных материальных и физических затрат проживания в экстремальных условиях. Поэтому мы сопоставили уровень средней заработной платы с величиной прожиточного минимума в регионе (табл. 3).

Таблица 3. Отношение среднемесячной заработной платы работников организаций к прожиточному минимуму трудоспособного населения региона (в среднем за 2009–2016 гг.)

Городской округ АЗРФ	Показатель	Городской округ АЗРФ	Показатель
<i>Республика Коми</i>		Полярные Зори	5,0
Воркута	4,5	<i>Ямало-Ненецкий АО</i>	
<i>Архангельская область</i>		Салехард	5,5
Архангельск	3,3	Губкинский	4,6
Новодвинск	2,1	Лабитнанги	4,2
Северодвинск	3,2	Муравленко	4,1
<i>Ненецкий АО</i>		Новый Уренгой	5,8
Нарьян-Мар	3,7	Ноябрьск	4,5
<i>Мурманская область</i>		<i>Красноярский край</i>	
Мурманск	4,3	Норильск	6,9
Ковдорский район	3,2	<i>Чукотский АО</i>	
Апатиты	3,2	Анадырь	5,6
Кировск	3,5	Певек*	-
Мончегорск	3,3	Провиденский*	-
Оленегорск	3,1	Эгвекинот*	-

* До 2016 г. имели статус муниципального района.

Почти во всех арктических муниципалитетах (кроме Архангельской и Мурманской областей в отдельные годы) соотношение среднемесячной зарплаты и прожиточного минимума было выше трех. Исключение – г. Новодвинск, моногород в Архангельской области, официально признанный «имеющим признаки ухудшения социально-экономической ситуации». При этом в регионах-лидерах «покупательная способность» средней зарплаты [Чапаргина, 2017] оказалась в 1,5–2 раза выше, чем у аутсайдеров.

Соотношение прожиточного минимума и заработных плат работников медиков и учителей предсказуемо оказалось ниже. Почти все муниципалитеты Архангельской и Мурманской областей (кроме Ковдорского района, Мурманска и Полярных Зорь в отдельные годы) имеют коэффициент меньше трех, а Новодвинск – меньше двух.

Перспективы социальной ориентации бюджетов арктических городов

Для оценки того, насколько активно государство участвует в жизни каждого человека в арктических муниципалитетах, мы рассчитали коэффициент соотношения ($K_{\text{соотн}}$), отражающий отношение удельных расходов бюджета к средней заработной плате трудоспособного населения. Он позволяет косвенно оценить уровень участия государства в жизни каждого человека и отражает соотношение между общегосударственным денежным фондом, приходящимся на человека, и его личным доходом. Чем выше коэффициент, тем больше органы власти вкладывают дополнительных финансовых средств не только в обеспечение заработной платой врачей и педагогических работников, но и (в виде инвестиций) в материально-техническое обеспечение социальной сферы (модернизация и развитие основных фондов, оборудования и т.д.), что косвенно свидетельствует о росте качества жизни населения.

Расчеты показывают, что, начиная с 2012 г., данный коэффициент снижается по всем муниципалитетам арктических регионов. Наиболее интенсивно – в Чукотском и Ненецком АО (табл. 4).

То есть при поддержании определенного уровня затрат на сферу образования и здравоохранение рост уровня зарплаты

медиков и учителей в рамках так называемых «майских указов президента» сопровождается сокращением душевых расходов, направленных на развитие материально-технической базы социальной сферы. Это неизбежно ведет к снижению качества соответствующих услуг и прямо отражается на физических показателях обеспеченности ими (наличие койко-мест, обеспеченность зданиями, кадрами и т.д.)⁹.

Таблица 4. Соотношение расходов муниципальных бюджетов на душу населения к средней заработной плате трудоспособного населения в регионах АЗРФ в 2009–2016 гг.

Субъект РФ	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Республика Коми	0,9	0,9	0,8	1,0	0,8	0,8	0,8	0,7
Архангельская область	1,1	1,0	1,1	0,8	0,7	0,7	0,7	0,6
Ненецкий АО	2,9	3,1	2,6	2,4	2,1	2,0	1,6	0,4
Мурманская область	1,2	1,2	1,3	1,1	0,9	0,8	0,8	0,8
Ямало-Ненецкий АО	2,2	2,5	2,7	2,0	1,8	1,8	1,4	1,4
Красноярский край	1,6	1,6	1,7	1,5	1,3	1,2	1,2	1,1
Чукотский АО	-	-	-	3,5	3,7	2,9	2,1	1,8

Тенденции расходных обязательств муниципалитетов в сфере образования (и, вероятно, здравоохранения, но это точно определить невозможно из-за передачи полномочий по поддержанию и развитию здравоохранения на региональный уровень) соответствуют общей динамике. Следовательно, никаких существенных позитивных изменений в этой области не происходит, несмотря на декларируемое Правительством РФ увеличение финансирования в социально значимых сферах.

Обсуждение

Расходы на образование и здравоохранение входят в число ключевых показателей социального развития в стране [Herrera, Pang, 2005; Jafarov, Gunnarsson, 2008; Afonso et al., 2010]. По уровню расходов на образование Россия занимает в мире

⁹ Анализ обеспеченности населения социальными услугами в фактическом выражении в задачи нашего исследования не входил, мы поставили перед собой цель определить финансовую обеспеченность сферы услуг со стороны государства с позиции бюджетных расходов на здравоохранение и образование в расчете на каждого жителя.

98-е место (из 155)¹⁰, а по эффективности систем здравоохранения¹¹ в 2016 г. – 55-е место (из 55)^{12, 13}.

Особенностью управления сферой образования в России является преобладание полномочий местного уровня по организации и обеспечению системы общего образования, что предопределяет большие диспропорции в уровне финансирования. В то же время в развитых странах наблюдается примерное равенство в финансировании системы общего образования между федеральными и местными бюджетами. Например, в США школьная система 47% ассигнований получает из бюджетов штатов, 46–47% – из местных бюджетов, около 6–7% – федеральных средств¹⁴. В Германии обеспечение учебных заведений осуществляется за счет средств местной общины, а заработная плата, социальные пособия, командировочные расходы персонала – за счет федеральных земель¹⁵. Во Франции доля финансирования образования за счет Министерства национального образования и культуры составляет 64,4%, доля регионов, департаментов, коммун – 20,4%, органов социального обеспечения (в основном в виде пособий на обучение детей) – 2,3%, бизнеса (за счет специального налога) – 5,8%, семей школьников и студентов (плата за обучение, учебные материалы) – 6,9%¹⁶.

¹⁰ Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование. Гуманитарная энциклопедия [Эл. ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2018 (последняя редакция: 23.07.2018). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info>

¹¹ В основе рейтинга три ключевых показателя, которые определяют эффективность системы здравоохранения той или иной страны: средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, государственные затраты на здравоохранение в виде процента от ВВП на душу населения, стоимость медицинских услуг в пересчёте на душу населения. Исследование охватывает 55 государств с населением более 5 млн человек, ВВП – свыше 5 тыс. долл. на человека в год и средней продолжительностью жизни свыше 70 лет, по которым имеются достоверные статистические данные по всем семи показателям.

¹² Рейтинг по эффективности систем здравоохранения составлен аналитиками агентства Bloomberg по 55 странам, рейтинг по уровню расходов на образование – по 155 странам.

¹³ Рейтинг стран мира по эффективности систем здравоохранения в 2016 году. Гуманитарная энциклопедия [Эл. ресурс] // Центр гуманитарных технологий. 08.10.2016. URL <https://gtmarket.ru/news/2016/10/08/7306>

¹⁴ National Centre for Education Statistics. URL: <https://nces.ed.gov/>; The Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). URL: <http://stats.oecd.org>

¹⁵ Bildung in Deutschland 2016: Ein Indikatorengestützter Bericht mit einer Analyse zu Bildung und Migration. Autorengruppe Bildungsberichterstattung, 2016. URL: <http://www.bildungsbericht.de> DOI: 10.3278/6001820ew

¹⁶ Institut national de la statistique et des études économiques // Enseignement-Éducation – Dépense intérieure d'éducation. URL: http://insee.fr/fr/themes/tableau.asp?reg_id=0&ref_id=NATTEF07301

На наш взгляд, вопросы развития образования и здравоохранения, их бюджетного обеспечения и уровня жизни их работников, особенно в арктических регионах, должны решаться на всех уровнях управления, что полностью согласуется с зарубежной практикой. Прежде всего это связано с тем, что значительная часть налоговых поступлений идет в федеральные и региональные бюджеты, а исполнение бюджетных полномочий в социальной сфере ложится в основном на местный уровень управления. Для этого необходимо четко распределить полномочия и финансовые обязательства по их обеспечению между федеральными, региональными и местными органами власти.

В качестве иллюстрации негативного эффекта непродуманных реформ приведем только один пример, к чему привела «передача» больниц на региональный уровень. В 2010 г. был принят федеральный закон № 83-ФЗ¹⁷, согласно которому учреждение оставляет себе сэкономленные денежные средства по итогам года. Если большинство муниципалитетов предоставляло возможность руководителям медорганизаций самостоятельно решать, как именно стоит распоряжаться сэкономленными деньгами, региональные органы власти сочли нужным предписать целевое использование этих средств. Например, для столичного региона: «Экономия по фонду оплаты труда, включая начисления на фонд оплаты труда, по коммунальным услугам и материальным затратам может направляться на выплаты стимулирующего характера» (то есть на премии). Это спровоцировало руководителей бюджетных учреждений всех уровней на тотальную экономию бюджетных средств.

Прорывное развитие России является, как указал Президент России в Послании Федеральному собранию 1 марта 2018 г., стратегической государственной задачей. Это предполагает необходимость реализации комплекса мер, направленных на повышение общего уровня благосостояния и качества жизни населения, в том числе – их неотъемлемой части – уровня социальных услуг. Достижение поставленных задач невозможно без сохранения социальной направленности бюджетов.

¹⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 №83-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100193/

В условиях хронического бюджетного дефицита наилучшим выходом, на наш взгляд, было бы разделение расходных обязательств по развитию социальной сферы между государством и частным бизнесом. При этом за государством в полном объеме остается бюджетное финансирование фонда оплаты труда и социальных гарантий населению, установленных в федеральных законах, законодательных актах президента и правительства, а развитие материально-технической базы осуществляется на основе использования механизмов государственно-частного и муниципально-частного партнерства, а также путем привлечения средств за счет применения корпоративного страхования.

Мировыми лидерами в области государственно-частного и муниципально-частного партнерства признаны США, Великобритания, Франция и Германия [Dresscher, Harris, 2009; Hodge, Greve, 2007; Patrinos et al., 2009]. В зарубежной практике привлечение частных инвестиций в развитие муниципальных, региональных услуг имеет очень широкий спектр и используется практически во всех социально значимых областях. Например, в образовании – это строительство и оборудование школ и иных учреждений частными компаниями, получающими право застройки и развития прилегающей территории, а также контракты на обслуживание, управление, договоры аренды. В США кооперация властей и частного бизнеса особенно широко распространена именно на муниципальном уровне. По данным Национального совета по государственно-частному партнерству (National Council for Public-Private Partnership), в США из 65 базовых видов деятельности муниципальных властей (включая школьное образование и здравоохранение) средний город использует коммерческие фирмы при исполнении 23 видов деятельности. В Великобритании на условиях ГЧП ежегодно заключается до 80 новых соглашений о партнерстве, которые обеспечивают до 17% экономии бюджетных средств [Колесникова, 2008].

В России механизм ГЧП для привлечения частных инвестиций в сферу образования и здравоохранения применяют крайне редко и лишь в отдельных регионах. Наиболее развитыми субъектами РФ в этом отношении являются Санкт-Петербург, Москва и Московская область. В первую очередь – за счет значительных темпов жилищной застройки и освоения новых жилых районов

и кварталов. Застройщики для привлечения спроса к вновь создаваемым жилмассивам вынуждены инвестировать и в социальные объекты (школы, сады, больницы, поликлиники, физкультурно-оздоровительные комплексы и т.д.), которые затем передаются на баланс муниципалитетам.

Перспективы же применения механизма ГЧП для социально-экономического развития в городах АЗРФ, ввиду низких темпов жилищного строительства (регионы Арктики традиционно замыкают рейтинг субъектов РФ по вводу в действие жилья), связаны, в первую очередь, с ресурсными градообразующими предприятиями. Именно они должны нести определенную социальную ответственность по развитию муниципальных образований, на чьих территориях они располагаются, за счет финансового участия в социальном обеспечении населения.

Литература

Абдулгамидова Д. А. Заработная плата как ключевой аспект современного рынка труда // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 73–75.

Вылегжанина А. О. Некоторые социально-экономические проблемы развития арктических территорий [Эл. ресурс] // Экономический портал: федеральный образовательный портал. URL: <http://institutiones.com/general/3038-nekotorye-socialno-ekonomicheskie-problemy-razvitiya-arkticheskikh-territorii.html> (дата обращения: 17.07.2018).

Иванова Н. В. Социальное инвестирование: обзор зарубежных практик // Гражданское общество в России и за рубежом. Высшая школа экономики. 2013. № 3. С. 31–36.

Колесникова К. И. Частно-государственное партнерство: опыт зарубежных стран и перспективы для России // Вопросы управления / Уральский институт – филиал РАНХиГС. 2008. № 3(4). URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2008/03/16/>

Коокуева В. В. Оценка состава и структуры расходов федерального бюджета на социальную политику // Молодой ученый. 2017. № 8. С. 109–112.

Ларченко Л. В., Колесников Р. А. Дифференциация социально-экономического развития арктических регионов России // Инновации. 2017. № 10 (298). С. 69–75.

Регионы Севера и Арктики Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития / Под. ред. Т. П. Скуфьиной, Н. А. Серовой. Апатиты: КНЦ РАН. 2017. 171 с.

Финансовое обеспечение развития северных регионов / Р. В. Бадьлевич, Е. Н. Барашева, Т. И. Барашева, Е. А. Вербиненко, Н. В. Дядик, Т. А. Зубарева, Г. В. Кобылинская, В. В. Кобылинский, Д. С. Крапивин, Т. М. Пачина, Г. П. Почивалова, А. Н. Чапаргина, Л. В. Чупенко / Под науч. ред. Г. В. Кобылинской. Апатиты: КНЦ РАН. 2016. 193 с.

Чапаргина А. Н. Об инвестиционной активности сбережений населения в арктических регионах // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 3 (54). С. 29–37.

Чистобаев А. И., Малинин П. Ю. Арктическая зона Российской Федерации как особый объект государственного управления // Региональные исследования. 2016. № 2(52). С. 122–128.

Afonso A., Schuknecht L., Tanzi V. Income Distribution Determinants and Public Spending Efficiency. The Journal of Economic Inequality, 2010. Vol. 8. Iss. 3. Pp. 367–389. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10888-010-9138-z>

Dresscher W., Harris B. Public Private Partnerships in Education. A report by Education International, 2009, 184 p.

Herrera S., Pang G. Efficiency of Public Spending in Developing Countries: An Efficiency Frontier Approach. World Bank Policy Research Working Paper, 2005, no. 3645, 67 p. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/262621468135939068/pdf/wps3645.pdf>

Hodge G. A., Greve C. Public-Private Partnerships: An International Performance Review // *Public Administration Review*, 2007. Vol. 67 (3). Pp. 545–558.

Jafarov E., Gunnarsson V. Government Spending on Health Care and Education in Croatia: Efficiency and Reform Options. IMF Working Papers, no. 08/136, 2008, 34 p. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2008/wp08136.pdf>

OECD Better Life Index. Norway, 2018 Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/countries/norway/>

Patrinos H. A., Barrera-Osorio F., Guáqueta J. The Role and Impact of Public-Private Partnership in Education. Washington, D.C.: The International Bank of Reconstruction and Development, 2009, 116 p.

The Arctic Social Indicators report, Copenhagen, 2016, 303 p. Available at: <https://www.sdwg.org/wp-content/uploads/2016/04/Arctic-Social-Indicators-II.pdf>

Статья поступила 08.02.2019.

Для цитирования: *Емельянова Е. Е., Чапаргина А. Н.* Расходы муниципалитетов и доходы населения российской Арктики // ЭКО. 2019. № 7. С. 80-97. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-80-97

Summary

Emelyanova, E. E., Candidate of Economics Sciences, Chapargina, A. N., Candidate of Economics Sciences, Luzin Institute for Economic Studies, Apatity

Expenditure of Municipalities Budget and Population Incomes in the Russian Arctic

Abstract. The objective of this study is to assess the budget security of the Arctic municipalities and the wage level of the Arctic population in socially important sectors – education and health. The research covered three areas: analysis of budget sufficiency of the population of Arctic municipalities in the social sphere; analysis of the living standard and incomes of working-age population in the urban districts of the Russian Arctic in key social areas of activity; prospects of social orientation of municipal budgets of the Russian Arctic. The novelty of the research is determined by integrated study of budgets and personal well-being of the population using the

authors' methodology for assessing the state participation in the life of the population, which allowed forming a number of proposals to improve social protection of the population of the Russian Arctic zone. The main conclusion is that social security of the population in the urban districts of the Russian Arctic is decreasing every year. The main reason for this is reduction of budget expenditures on education and health, a slowdown in wage growth in these sectors. Therefore, further development of socially important sectors needs to be supplemented by budgetary or extra budgetary resources that may involve such forms of collaboration as PPP.

Keywords: *Arctic zone; municipality; municipal budget; incomes; social services*

References

Abdulgamidova D.A. (2015). Wages as a key aspect of the modern labor market. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. Theory and Practice of Social Development*. No. 4. Pp. 73–75. (In Russ.).

Afonso, A., Schuknecht, L., Tanzi, V. (2010). Income Distribution Determinants and Public Spending Efficiency. *The Journal of Economic Inequality*. Available at: <https://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=22751&tip=sid> Vol.8. No.3. Pp. 367–389. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10888-010-9138-z>

Badylevich, R.V., Barasheva, E.N., Barasheva, T.I., Verbinenko, E.A., Djadik, N.V., Zubareva, T.A., Kobylinskaja, G.V., Kobylinskij, V.V., Krapivin, D.S., Pachina, T.M., Pochivalova, G.P., Chapargina, A.N., Chupenko, L.V. (2016). Financial security of development of the northern regions. *Apatity*. 193 p. (In Russ.).

Chapargina, A.N. (2017). About investment activity of savings of the population in the Arctic regions. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka. North and Market: Formation of Economic Order*. Vol. 54. No. 3. Pp. 29–37. (In Russ.).

Chistobaev, A.I., Malinin, P. Yu. (2016). The Arctic zone of the Russian Federation as a special object of public administration. *Regional'nye issledovaniya. Regional Studies*. Vol. 52. No. 2. Pp. 122–128. (In Russ.).

Dresscher, W., Harris, B. (2009). Public Private Partnerships in Education. A report by Education International. 184 p.

Herrera S., Pang G. (2005). Efficiency of Public Spending in Developing Countries: An Efficiency Frontier Approach. *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 3645. 67 p. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/262621468135939068/pdf/wps3645.pdf>

Hodge, G.A., Greve, C. (2007). Public-Private Partnerships: An International Performance Review. *Public Administration Review*. Vol. 67. No. 3. Pp. 545–558.

Ivanova, N.V. (2013). Social investment: review of foreign practices. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. Vysshaya shkola ekonomiki. Civil Society in Russia and Abroad. Higher School of Economics*. No. 3. Pp. 31–36. (In Russ.).

Jafarov E., Gunnarsson V. (2008). Government Spending on Health Care and Education in Croatia: Efficiency and Reform Options. [IMF Working Papers]. Vol. 136. No. 8. 34 p. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2008/wp08136.pdf>

Kolesnikova, K.I. (2008). Public-private partnership: experience of foreign countries and prospects for Russia. *Voprosy upravleniya [Management Issues]*. No. 3 (4). Available at: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2008/03/16/> (In Russ.).

Kookueva, V.V. (2017). Evaluation of the composition and structure of expenditures of the federal budget for social policy. *Molodjy uchenyj*. Young Scientist. No. 8. Pp. 109–112. (In Russ.).

Larchenko, L.V., Kolesnikov, R.A. (2017). Differentiation of socio-economic development of the Arctic regions of Russia. *Innovacii. Innovations*. Vol. 298. No. 10. Pp. 69–75. (In Russ.).

North and Arctic regions of the Russian Federation: current trends and development prospects. (2017). By red. T.P. Skuf'ina, N.A. Serova, Apatity: KNTs RAN. 171 p. (In Russ.).

OECD Better Life Index. (2018). Norway. Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/countries/norway/>

Patrinos, H.A., Barrera-Osorio, F., Guáqueta, J. (2009). The Role and Impact of Public-Private Partnership in Education. Washington, D.C.: The International Bank of Reconstruction and Development (Available at: <https://www.worldbank.org/en/who-we-are/ibrd>). 116 p.

The Arctic Social Indicators report, Copenhagen (2016). 303 p. Available at: <https://www.sdwg.org/wp-content/uploads/2016/04/Arctic-Social-Indicators-II.pdf>

Vylegzhanina, A.O. (2017). Some socio-economic problems of the development of the Arctic territories. *Ekonomicheskij portal: federal'nyj obrazovatel'nyj portal*. [Economic Portal: Federal Educational Portal]. Available at: <http://institutiones.com/general/3038-nekotorye-socialno-ekonomicheskie-problemy-razvitiya-arkticheskikh-territorii.html> (In Russ.).

For citation: Emelyanova, E.E., Chapargina, A.N. (2019). Expenditure of Municipalities Budget and Population Incomes in the Russian Arctic. *ECO*. No. 7. Pp. 80-97. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-80-97

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-98-122

Деньги на телеграммы? Об экономическом эффекте международных спортивных событий

А.С. АДЕЛЬФИНСКИЙ, кандидат экономических наук,
МГУ им. Н.Э. Баумана, Москва. E-mail: adelfi@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема оценки экономического эффекта международных спортивных соревнований, мегасобытий и франшиз. Указывается наличие двух полюсов информации об экономическом эффекте спортивных событий: позитивного и скептического. Как правило, позитивные оценки характерны для отчетов организаторов событий и привлеченных консультантов. Приведены примеры позитивных расчетов эффекта массовых триатлонов, основанных на выявлении прямых расходов участников. Скептические оценки больше характерны для независимых экономистов в англоязычных рецензируемых научных изданиях. Описаны эффекты замещения, вытеснения, временного сдвига, случайных посетителей и утечек, не учитываемые в позитивных отчетах и представляющие методическую проблему для корректной оценки. Показано наличие консенсуса среди западных экономистов против субсидий в пользу мегастадионов, спортивных мегасобытий и франшиз. Почему субсидирование существует, несмотря на отсутствие позитивного экономического эффекта? Этот вопрос обсуждается через описание случаев стадиона Ballpark и Олимпиады 2012, где указывается на рентоориентированное поведение и эксплуатацию социально-политических выгод от спорта. Делается вывод: утверждения об экономическом эффекте спортивных мегасобытий и франшиз зачастую являются нарративом заинтересованных групп.

Ключевые слова: экономический эффект; массовый спорт; триатлон; мегасобытия; экономика спорта; социология спорта; управление спортом

«Выгоды превышают затраты»?

России выпала участь провести ряд крупных международных спортивных событий, таких как Чемпионат мира по футболу ФИФА 2018, Олимпийские зимние игры в Сочи 2014, Всемирная летняя Универсиада в Казани 2012, Всемирная зимняя Универсиада в Красноярске 2019. Помимо этих событий, всего в России за период с 2012 г. прошло свыше 2 тысяч международных соревнований¹. Их организация обычно является затратным предприятием для принимающей стороны и требует финансовой поддержки властей, однако, если верить озвучиваемым заявлениям, «выгоды превышают затраты». Так ли это?

Проблема экономического эффекта спортивных событий в отечественной научной литературе рассматривалась весьма ограниченно. В частности, одними из первых в этом направлении работали Р.М. Нуреев и Е.В. Маркин, подготовившие цикл материалов об олимпийском деловом цикле и экономике олимпийских игр [Нуреев, Маркин, 2008; Нуреев, Маркин, 2009]. Также И.В. Пилипенко изучал проблемы оценки государственных инвестиционных проектов на примере Олимпийских

¹ Основные результаты работы Министерства спорта Российской Федерации за 2012–2017 годы // Правительство РФ, 11.04.2018. URL: http://government.ru/dep_news/32227/

зимних игр в Сочи [Пилипенко, 2011]. Постепенно к эффектам мегасобытий стали обращаться всё большее число экспертов [Пасынкова, Карбаинов, 2013; Агеев и Алтухов 2018; Бутаева, Вебер и Давыдов, 2018; Капогузов, 2018; Тулохонов, 2018]. Похоже, растущий интерес к осмыслению спорта оказался одним из эффектов мегасобытий.

Своё исследование мы строили независимо от указанных авторов, причём с акцентом не на мегазрелищные, а на массовые (партиципаторные) события. Речь идет о дистанционном беге, велоспорте, беговых лыжах, триатлоне и пр., где нужны не мегастадионы, а лишь временная «оккупация» общественной инфраструктуры: дорожной сети, водоёмов и парков. Отметим, что крупнейшие из подобных событий собирают свыше 20–30 тыс. участников, что прямо сопоставимо с ёмкостью мегастадионов. Выяснилось также, что в случае международных соревнований по массовым видам возникают те же вопросы об издержках и субсидировании, что и в случае мегазрелищ и стадионов.

Во-первых, права на проведение статусных событий (кубков/чемпионатов мира/Европы, брендированных гонок) принадлежат органам управления спортом. Обычно это федерации, но в ряде случаев – частные компании. Взаимодействие между локальным оргкомитетом и органом управления и там и там напоминает механизм франшизы. Приобретение права принять статусное событие подразумевает оплату взноса в пользу органа управления, а также предшествующую процедуру конкурсной заявки и последующее исполнение условий по приёму. Всё это заметно удорожает событие.

Во-вторых, доходная часть статусных массовых событий складывается из взносов участников, спонсорских поступлений, а также вклада властей и местных сообществ. Это подразумевает как прямое бюджетное субсидирование, так и льготное и безвозмездный доступ к объектам инфраструктуры и оказанию услуг, а также неоплачиваемый труд вовлечённых волонтеров². Итак, что получают взамен власти и местные сообщества? В чём заключается и как оценивается экономический эффект международных соревнований?

² Статья является частью более широкого исследовательского проекта, в беллетризованном описании изложенного в другом материале [Адельфинский, 2018].

При первичном поиске источников мы сфокусировались на конкретном виде – триатлоне, как наиболее характерном представителе массового (партиципаторного) спорта, – и далее расширяли круг источников по методу «снежного кома». Найденный массив информации логично распался на две группы – позитивно и скептически окрашенные. В первую вошли сообщения СМИ, а также прогнозы, методики и отчёты по оценке экономического эффекта событий, выполненные по заказу спортивных и правительственных организаций, публикуемые, как правило, в «серой» литературе. Вторая группа содержала исследования независимых экономистов, составляющих основную массу публикаций в рецензируемых научных журналах.

Объединяет эти два потока информации представление о том, что экономический эффект спортивного события напрямую связан с его туристским эффектом, т.е. с вызванным событием притоком посетителей извне в место его проведения и, как следствие, их тратами, а также предварительными тратами, изменениями инфраструктуры и т.д. Однако подходы к оценке, детали в методиках и конкретные величины влияющих на местную экономику эффектов вызывают много вопросов. Рассмотрим подборку информации, отнесённую нами к первой группе.

Позитивный полюс оценок

Базовая формула позитивных оценок экономического эффекта спортивных событий проста, как $e=mc^2$. Число атлетов-участников и зрителей умножается на оценку их затрат и на срок пребывания. Полученная величина уже рассматривается в качестве экономического эффекта, а в отдельных случаях ещё и дополнительно мультиплицируется. Цифры для расчётов выявляются путём опроса участников и зрителей событий, в прогнозах же берутся оценки экспертов. Мультипликатор берётся из неких рекомендаций или рассчитывается посредством инструментариев типа IMPLAN. Например, согласно отчёту Национальной ассоциации спортивных комиссий, в США средние траты оценивались в \$147/день, а мультипликатор составил $x2,37$ [Lee, 2001].

Участники и зрители могут делиться на местных и внешних, со своими данными для каждой группы. Среди учитываемых статей: траты на размещение, на ресторанное и «магазинное» питание, на местный и личный транспорт; отдых, развлечения

и шопинг; а также траты, связанные непосредственно с событием (без учёта стартового взноса). Иногда в отчётах на фоне эффекта приводятся и размеры субсидий в пользу событий, как бы подчёркивая выгоду. По описанной схеме построен целый ряд позитивных расчётов экономического эффекта спортивных событий как международного, так и межрегионального уровня, причём в разных странах.

Оценка экономического эффекта ITU чемпионата мира по дуатлону 2010 г. в Эдинбурге приведена в отчёте организаторов. Чистый экономический эффект события оценивался в £2,196 млн для Шотландии и £1,581 млн для города. Вклад властей и кванго-спонсоров в бюджет события составлял 47% сметы, или £187 тыс., плюс труд 150 волонтеров. Приведём подробности расчёта. На гонки прибыли 991 атлет и 1005 друзей и родственников. За три дня гонки всего смотрели 10 тыс. зрителей, причём уникальных, без учёта друзей, 5510 человек. Итого 7506 уникальных визитёров, из которых остались на ночлег 51%, причём 99% из числа участников и друзей и лишь 34% среди прочих. Из других регионов (не из Шотландии) прибыли 47%, таковых оказалось 96–98% среди участников и друзей и лишь 29% среди других зрителей. Большинство утверждали, что не приехали бы, если бы событие не состоялось. Средний срок пребывания: 1,7–2,2 ночи для шотландцев, 3,1–3,8 – для британцев из других регионов, 4,4–7,7 – для зарубежных туристов³.

Расчёт сделан консалтинговым агентством, как понимаем, по инструментарию eventIMPACTS, созданному по заказу группы правительственных агентств и квазиавтономных структур, в чьи функции входит организация событий: UK Sport, VisitBritain, EventScotland и т.д. Непосредственный разработчик – британские учёные из Центра исследований спортивной индустрии Университета Шеффилд Халлам.

Оценка экономического эффекта Xterra чемпионата мира по кросс-триатлону 2007 г. на Мауи (Гавайи) базировалась на результатах веб-опроса 255 респондентов об их затратах при заявленной совокупности 760 визитёров. Средние затраты на одного визитёра – \$3031, средний срок пребывания – семь дней. Прямые

³ Positive Impact from the 2010 Duathlon World 2010 GE Edinburgh ITU Duathlon World Championships // EventScotland. 23.10.2010.

траты визитёров оценены в \$2,304 млн, а общий экономический эффект в \$5,759 млн с учётом мультиплицирования $\times 2,5$ [Reese, 2008]. Вклад властей в бюджет события: \sim \$130–140 тыс.

Прогнозы экономического эффекта своих национальных чемпионатов предлагает Федерация триатлона (USAT) и НОК США. Согласно прогнозу, чемпионат США по триатлону привлечёт 4000 зрителей и 2000 участников, причём 75% извне, и генерирует \$2,103 млн. Требуется обеспечить \$30 тыс. за право проведения в пользу USAT и 200 волонтеров (табл. 1)⁴.

Таблица 1. Прогноз экономического эффекта чемпионатов США по триатлону / дуатлону (данные USA Triathlon), долл.

Показатель	USAT Triathlon National Championship Festival	USAT Duathlon National Championship Festival
Право проведения	30 000	10 000
Потребность в волонтерах, чел.	200	100
Экономический эффект	2 102 500	834 500
Внешние участники	675 000 = 1500 * 150 * 3 дня	315 000 = 700 * 150 * 3 дня
Внешние зрители	1 350 000 = 3000 * 150 * 3 дня	472 500 = 1050 * 150 * 3 дня
Местные участники	37 500 = 500 * 75 * 1 день	22 500 = 100 * 75 * 1 день
Местные зрители	40 000 = 1000 * 40 * 1 день	24 000 = 200 * 40 * 1 день

Оценки экономического эффекта локальных спортивных событий содержатся в отчётах Новозеландского института исследований туризма Оклендского технологического университета (NZTRI) [табл. 2, 3]. Отметив, что большинство исследований сосредоточены на мегасобытиях, новозеландцы сфокусировались на последствиях конкретных соревнований на уровне небольших региональных городов. Они предположили, что в реальном мире люди скорее чувствуют позитивные изменения после проведения малых спортивных событий, создающих паблисити и некоторое оживление на уровне региональных и сельских районов⁵.

Особенность их методики – опрос не только участников, но также оценки подтверждённых затрат путём исследований на стороне местного бизнеса. Попутно выявлялось отношение местных жителей и местного бизнеса к конкретным событиям.

⁴ Request for proposal Age Group Triathlon [/ Duathlon] National Championship 2013–2014 [USA Triathlon] // TeamUSA.org. 10.04.2011.

⁵ T.R.A.C.E. Sport Research Program, 2005; Understanding and Enhancing the Economic Yield of Sporting Events, 2006; etc. // Auckland University of Technology, 2005–2007.

Таблица 2. Экономический эффект ряда массовых событий, оценки NZTRI

Событие	Число участников, чел.	Длительность события, дней	Оценки участников, NZ\$	Оценки бизнеса, NZ\$
2005 ARC12 & 24 Hour Adventure (Whangamata)	150	2	37324	19610
2005 ASB Bank Waiheke Island Challenge	72	2	23932	11009
2005 Kururau Krusher Event (Taumarunui)	296	2	135519	77246
2005 Taupo Special K Women's Triathlon	1600	2	586453	301378
2005 Sir Barry Curtis 10k Classic	818	1	36854	–
2007 Ironman New Zealand	1120	3	1424109	1046591

Таблица 3. Оценка местным бизнесом эффектов Ironman New Zealand-2006 (N=67, опрос NZTRI), чел.

Сектор/Эффект	Размещение	Рестораны	Продукты	Прочий бизнес	Промышленные товары	Транспорт	Развлечения
Позитивный	6	9	2	9	17	0	0
Нейтральный	0	5	0	9	13	3	2
Негативный	0	0	0	3	17	0	5

Например, по ощущению бизнеса (N=67), объёмы продаж во время проведения Ironman New Zealand 2006 скорее выросли. По отраслям рост отмечали в гостиничном, ресторанном бизнесе и секторе продуктовой торговли. Розничная торговля, промтовары и транспортный бизнес остались скорее без изменений. Падение отмечалось в секторе отдыха и развлечений. Отношение жителей (N=111) оказалось скорее позитивным, чем негативным: 28% испытали к триатлону большую симпатию, 6% – пессимизм, 66% отметили и плюсы (экономические выгоды, экспозиция их региона, единение местного сообщества, поощрение активных форм участия в спорте) и минусы (неудобство вследствие перекрытия дорог [Buch, 2006]). Ironman – это франшиза, где субсидии составляют около \$250 тыс.

Основные стейкхолдеры и бюджет массового события

Можно пояснить схему взаимодействия основных стейкхолдеров, доходы и расходы статусного массового (партиципаторного)

события на конкретных примерах. Непосредственный организатор ITU Чемпионата мира по дуатлону 2010 г. в Эдинбурге – местный некоммерческий клуб. Судя по опубликованному бюджету, доходы чемпионата в размере £406 тыс. состояли из стартовых взносов участников (25%), поступлений спонсоров (28%) и субсидии властей (47%). За рамками бюджета – труд 150 волонтеров, бесплатные услуги кванго- и госструктур, предоставление пространства для гонки, стартового городка и церемоний. Для обретения статуса чемпионата мира требовались оплата роялти в пользу ITU (Международной федерации триатлона), обеспечение призового фонда, а также выполнение ряда условий по приёму. В частности: надлежащая инфраструктура, приём официальных лиц, расходы на медиатрансляцию, паблисити, предоставление волонтеров и др. То есть расходы можно делить на две части: необходимую и дополнительную. К первой отнести то, без чего гонку не провести – затраты на временную инфраструктуру (16%), орграсходы (11%), церемонии и кейтеринг (8%), менеджмент (6%). Ко второй – последствия статуса: затраты на трансляцию (15%), призы и право приёма (44%) [Адельфинский, 2014]. Без статуса можно оптимизировать и необходимую часть. Также легко увидеть, что статус «съедает» минимум 59% бюджета – причём дополнительные затраты «уходят» из региона.

Другой пример – триатлон на железную дистанцию Ironman Regensburg. Экономический эффект для региона заявлялся в размере €10 млн. При этом организатором собрано взносов на сумму ~€860 тыс. (около 2000 атлетов-участников, в 2012 г. каждый заплатил €430); привлекались средства ряда спонсоров (величина неизвестна, так как гонка коммерческая и её бюджет не раскрывался). Выяснилось также, что город Регенсбург выплачивал €250 тыс. в пользу организатора, плюс оказывал услуги на сумму €300 тыс., также бесплатно предоставлял пространство, 300 полицейских, 700 спасателей и активировал волонтеров⁶. Организатор гонки – частная ивент-фирма xDreams из Франкфурта-на-Майне, аффилированная с корпорацией WTC из Тампы (штат Флорида, США), собственницей франшизы Ironman. Следовательно, из региона «уходит» не только роялти

⁶ Scharf J. Der Ironman – „ein wichtiger Standortfaktor“ // Mittelbayerische Zeitung. 14.08.2011. Köppelle W. Ironman (I): Abstruse Milchmädchenrechnungen // Regensburg-Digital.de, 30.07.2010.

в пользу WTC, но и некая часть расходов по организации, осуществляемых xDreams вовне.

Совокупность роялти за статусные события является источником дохода для международных федераций вроде ITU, обеспечивая их функционирование (это «деньги на телеграммы», привлекающие участников извне). Однако если международные федерации – это некоммерческие организации, формально направляющие избыток доходов на развитие спорта, то в случае частных франшиз эти средства идут на получение прибыли. В случае WTC роялти, по сути, платится лишь за слово Ironman, де-факто ставшее общеупотребимым названием железной дистанции и её финишера.

Отсылки к позитивным отчётам легко обнаружить в новостях СМИ, информирующих публику о влиянии статусных или масштабных спортивных событий на социально-экономическое развитие принимающего региона. Все они, как правило, позитивны и ссылаются на отчёты организаторов. Чуть сложнее обнаружить подробности расчётов экономического эффекта и отсылки к конкретным методологиям их проведения. Для американских расчётов эффекта массовых (партиципаторных) событий характерно мультиплицирование, зачастую с опорой на инструментарий IMPLAN. В других случаях характерен более консервативный учёт лишь прямых расходов в связи с событием. Наиболее редкий тип документов – балансы доходов и расходов конкретных соревнований. Перейдём ко второй группе источников, отражающей скептический взгляд.

«Скептический» полюс оценок

«Два эксперта, три мнения» – такое говорят и про экономистов, дискутирующих по широкому кругу проблем. Членам Американской экономической ассоциации предложили выразить согласие со следующим тезисом: *«Власти штатов и муниципалитетов в США должны ликвидировать субсидии в пользу профессиональных спортивных франшиз»*. Согласилось абсолютное большинство – 86% экономистов, причём 58% из них в категоричной форме. Не согласились 6%, из них категорично – 1%, нейтрально ответили 10% [Whaples, 2006]. Данное мнение высказано экономистами вообще и могло быть основано лишь на профессиональной интуиции. Однако среди экономистов,

изучавших вопрос, наблюдалось почти полное единодушие [Coates, Humphreys, 2008].

Проблема оценки экономического эффекта спортивных франшиз, стадионов и мегасобытий – популярная тема исследований с почти 30-летней историей. Необходимо пояснить, что наиболее кассовые виды спорта Северной Америки – в первую очередь, франшизы профессиональных лиг NFL, MLB, NBA, NHL и MLS. Однако строительство стадионов для нужд этих бизнес-структур регулярно субсидировалось за счёт региональных бюджетов. В интересах лишь одной NFL в течение 20 лет (1995–2014) были реконструированы или построены 24 стадиона в США. При средней стоимости объекта \$496,9 млн вклад общественных фондов составил 56%. Основанием для субсидий являлись «позитивные» расчёты экономического эффекта спортивных франшиз и стадионных проектов.

Процесс субсидирования и сами методики расчёта вызвали интерес у научного сообщества. Возник ex-post подход, когда эффект оценивается для прошедших мегасобытий и реноваций и сравнивается с ex-ante прогнозами. На данных экономической статистики, таких как занятость, личный доход, налогооблагаемые продажи и пр., стремились найти эффекты от перемещения франшиз в другие регионы, приёма мегасобытий, создания и реновации стадионов.

К середине 2000-х консенсус среди специалистов был явно достигнут: ожидаемых эффектов не обнаружено, и оснований для субсидий нет [Coates, Humphreys, 2008]. Похоже, бизнес получал свою прибыль именно за счёт бюджетов. То же касается и мегасобытий вроде олимпиад: они не окупают общих затрат по своему приёму. Исключением считается Лос-Анджелес-1984.

Почему мегасобытия не приносят декларируемых эффектов? Ответ на этот вопрос мы построим с опорой на публикации разных лет Виктора Матизона, одного из западных исследователей. Объясним причину выбора: во-первых, его перу принадлежит обзорная статья по оценке эффекта в Handbook on the Economics of Sport [Matheson, 2006]. Во-вторых, он являлся соавтором единственной релевантной статьи в JSE, связанной с триатлоном [Baumann et al., 2009].

Анализ экономического эффекта нередко используется *«в первую очередь для оправдания госрасходов на создание спортивной*

инфраструктуры либо на приобретение спортивных франшиз», утверждается в относительно ранней статье [Matheson, 2002]. В последующих статьях критическая линия усиливается. После обзора значительного числа работ сообщалось, что в «позитивно окрашенных» расчётах часто завышали истинную экономическую выгоду профессионального спорта, причём существенно. Как правило, преувеличивались выгоды, занижались траты, наблюдалось злоупотребление эффектом мультипликатора и, кроме того, – игнорирование эффекта замещения.

То есть даже если позитивные исследования точно оценивали экономическую деятельность, происходившую во время события, то почти везде игнорировалось то, что не происходит в связи с мегасобытием. Не ставя под сомнение саму возможность экономической оценки, Матизон предлагает незаинтересованному наблюдателю подходить с разумной осторожностью к любому анализу экономического эффекта, поставляемому самими спортивными лигами или франшизами. Подчёркивалось, что в независимых работах, изучавших экономику региона во время, до (*ex-ante*) и после (*ex-post*) мегасобытий, не было найдено почти никакого позитивного экономического эффекта [Matheson, 2006].

Тремя главными причинами отсутствия позитивного экономического влияния мегасобытий считаются эффекты замещения, вытеснения и утечки. Также можно отметить эффекты временно-го сдвига, случайных посетителей и завышения базовой оценки.

Эффект замещения – мегасобытие лишь заменяет собой другие формы досуговой активности. Местный житель идёт на турнир и что-то тратит вследствие посещения. Но в отсутствие турнира эти деньги были бы потрачены на театр, кино, цирк, боулинг или что-то иное. Траты местных потребителей не создают новой экономической активности, но лишь перераспределяют расходы внутри региона. Мнение большинства экспертов: расходы местных следует исключать из любых расчётов. Но если учитывать лишь иногородних, то оценка также может быть преувеличенной.

Эффект случайных посетителей – часть внешних визитёров могут посещать мегасобытия, будучи в городе по другим причинам. Предположим, сыновья незабвенного лейтенанта Шмидта по пути в Черноморск оказались в Арбатове. Их цель – кабинет

председателя исполкома и сбор пожертвований. Но если они случайно пойдут посмотреть на автопробег, то их посчитают как «приехавших именно на автопробег извне» со всеми вытекающими плюсами для расчёта экономического эффекта.

Эффект временного сдвига – событие лишь меняет сроки, но не является причиной визита в регион. Превосходная иллюстрация – статистика по количеству персонала и доходам гостиничной индустрии Нового Южного Уэльса: пиковые значения в год проведения Игр в Сиднее-2000 и заметное падение после (табл. 4). Предлагаемое объяснение: Австралия с её уникальной природой весьма привлекательна для туристов из Европы и США, но ввиду удалённости путешествие туда остаётся единственным [Solberg & Preuss, 2007].

Таблица 4. **Игры-2000 в Сиднее и туристическая индустрия Нового Южного Уэльса, 1998–2004 гг. [Solberg & Preuss, 2007], %**

Показатель	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Количество персонала	93,7	93,6	100,0	95,6	91,7	90,4	89,0
Доходы на человеко-ночь	91,2	88,3	100,0	89,8	85,3	86,3	86,7

Эффект вытеснения – мегасобытие воспринимается предвзято и / или оттягивает ресурсы от других форм активности. Массовое нашествие фанатов вынуждает «бежать от события» часть традиционных туристов и даже местных жителей. Но даже если все гостиницы заполнены и никто не сбежал, мегасобытие все равно забрало ресурсы у альтернатив. Экономический эффект может быть большим, но чистый эффект окажется весьма скромным. Зафиксировано множество случаев. К примеру, проведение в Лас-Вегасе NBA All-Star Game совпало с празднованием Нового 2007 г. по восточному календарю, и баскетбольные болельщики вытеснили привычных азиатских клиентов игровой индустрии. Турнир не только лишил казино ожидаемых доходов, но и вызвал поток жалоб на буйное поведение фанатов⁷. Другой случай – Олимпиада-2008 в Пекине, где ограничения из соображений безопасности и другие проблемы практически исключили любые перемещения туристов: количество приезжих в Пекине в августе 2008-го составило 450 тыс. человек – ровно столько, сколько годом ранее.

⁷ Casino exec: All-Star Game wasn't good for business // ESPN.com. 04.05.2007.

Эффект утечек – доходы мегасобытия могут уплыть из региона ввиду специфики распределения труд / капитал. Например, во время проведения события гостиницы заполнятся, и плата за проживание даже увеличится. Формально деньги пришли в регион, и при расчёте влияния мегасобытия их усилят через модель мультипликатора (эти деньги якобы создадут новый спрос внутри региона). Однако зарплаты останутся прежними, и, поскольку доход на капитал более мобилен, чем трудовой, выручка гостиниц уйдёт в другое место. Персоналу лишь придётся работать больше времени, а тратить заработанное в местной экономике будет попросту некогда, т.е. мультипликатор снизится. В итоге всё получается наоборот: и мультипликатор упал, и доходы утекли. И это несмотря на то, что за привлечение мегасобытия в регион нередко платят сами местные налогоплательщики.

Учёт эффекта вытеснения и корректное мультиплицирование представляют методическую проблему даже для добросовестных ex-ante исследований, считают эксперты. Это было причиной ex-post подхода, однако множество подобных работ раскрыли крайне слабую связь между прошедшими мегасобытиями и реальными экономическими переменными [Baumann et al., 2009].

Позитивный эффект, похоже, отсутствует – подобное мнение озвучивается большим числом экспертов как в ранних, так и в современных работах. Сборник научных статей с риторическим названием «Спорт, Работа, Налоги: стоят ли новые стадионы издержек?» подводит к мысли, что скорее нет [Sports, Jobs & Taxes, 1997]. Монография «Лузеры Главной лиги: реальная стоимость спорта, и кто платит за него» указывает на налогоплательщиков как на главных проигравших [Rosentraub, 1997]. Чем новее книги, тем жёстче их названия. «Общественные деньги, частные стадионы: битва вокруг спортивных строек» [Delaney, Eckstein, 2003]. «Поле для комбинаций: как великое стадионное жульничество превращает общественные деньги в прибыль частных лиц» [DeMause, Cagan, 2008]. «Они играют, вы платите: почему налогоплательщики строят арены и стадионы для миллиардеров-владельцев и миллионов-игроков» [Bennett 2012].

Истории вопроса – как западные учёные усердно искали, но, увы, не находили общественной выгоды от мегасобытий, франшиз и новых стадионов – посвящена целая глава «Футболономики». Центральная фраза главы «если ты построишь его,

то он придёт» – из фэнтези-драмы «Поле его мечты». Фермер начинает видеть призраки великих игроков прошлого, им в угоду скашивает всю ниву и взамен строит стадион. Делается вывод о «стадионном лобби», интересах организаторов мегасобытий, профессиональных лиг и франшиз и т.д. [Kuper, Szymanski, 2009].

Сопоставление «позитива» и «скептики»

Рассмотрим позитивный объем информации со скептической точки зрения, чтобы проверить его справедливость. В методиках EventIMPACTS большее число учитываемых факторов относятся уже не к чисто экономическим показателям эффективности, а к неким социальным эффектам. В работах NZTRI оценка со стороны местного бизнеса в среднем в 1,83 раза ниже, чем по итогам опроса участников. Это позволяет говорить об *эффекте завышения базовой оценки* – траты посетителей, оцениваемые с их слов, вероятно, преувеличиваются. Новозеландцы не подчёркивают этот факт, но он вполне следует из их материалов.

В ex-ante расчёте USAT общий экономический эффект учитывает местных клиентов, игнорируя эффект замещения. Расчёт по Чемпионату мира в Эдинбурге 2010 выполнен так же. Более консервативный подход заставляет учесть эффект замещения и уточнить число внешних атлетов по протоколам. Реалистичный расчёт – £274 тыс., т.е. лишь восьмая часть от официально объявленной. Впрочем, это выше, чем вклад бюджета. Логично задать вопрос: что, позитивных событий нет вообще? Не является ли тогда точка зрения западных учёных предвзятой? Оказалось, что исключения есть. Матизон нашёл позитивное событие – ежегодный традиционный Марафон Гонолулу. Это массовое партиципаторное событие оказалось единственным генератором чистого экономического эффекта среди множества спортивных мероприятий на всём архипелаге.

Анализ спортивно-туристской политики штата Гавайи – пример ex-post исследования, проведённого Бауманном, Матизоном и Мурой. Уникальное географическое положение (изолированный островной архипелаг в центре Тихого океана) позволяет судить об эффективности мегасобытий в цифрах «чистых прибытий» авиапассажиров. В среднем на архипелаг прибывает 22 716 туристов в день. Официальные данные по ежедневному

прибытию и убытию пассажиров были сопоставлены с календарём спортивных мегасобытий. В 2007 г. штат субсидировал чемпионаты по серфингу, гонкам на каноэ и рыбной ловле, турнир по волейболу, гольф-турниры серии PGA, два частных чемпионата мира по триатлону: Ironman Hawaii и Xterra, кубок среди колледжей Bowl Hawaii, а также Pro Bowl – Матч всех звёзд профессиональной лиги NFL. Львиную долю спортивных субсидий освоил NFL Pro Bowl. В 2004 г. на право его принятия потрачено \$5,3 млн, ещё \$2,1 млн ушло на гольф-турниры PGA и \$585 тыс. на все остальное (в основном на Ironman Hawaii, потребляющий 1/10 от Pro Bowl). Возник вопрос: рационально ли тратится бюджет штата? Эффективно ли он распределён между субъектами спонсирования?

На первом этапе были обработаны данные с 2004 г. по май 2008-го. В итоге были выявлены лишь три события, генерирующие значимый позитивный эффект на число прибывших туристов, – это Марафон Гонолулу (от 2183 до 6519 в «чистых прибытиях»), триатлон Ironman Hawaii (от 1880 до 3583) и NFL Pro Bowl (от 5596 до 6726). Эти три события в целом генерируют аналогичные эффекты на экономику Гавайев. При этом штат тратит 2/3 бюджета спортивного туризма на покупку прав на Pro Bowl и 1/10 этой суммы на Ironman, а на Марафон Гонолулу вообще ничего не расходуется. Причём ни одно событие не привлекает такого числа «чистых прибытий», как это заявляют его организаторы; а другие спортивные мероприятия значимо не влияют на туристические прибытия вообще. Также в отношении марафона и Pro Bowl был вполне очевиден эффект вытеснения.

«Чистые прибытия» не позволили прямо монетизировать влияние событий, но их сопоставили с оценками трат участников из официальных отчётов. Эффект Марафона Гонолулу в «чистых прибытиях» – \$5,1 млн. Это немного меньше, чем заявления организаторов о \$109 млн, однако штат не тратит на привлечение этого события вообще никаких средств. Эффект Ironman Hawaii, участники которого якобы «тратят очень много» ~ \$4–8 млн (стоимость привлечения ~ \$500 тыс.). Эффект Pro Bowl – \$5,7 млн, однако штат заплатил \$5,3 млн за право принять событие. Получается, что NFL извлекла обратно из региона практически всю прямую выгоду от события, резюмировали исследователи [Baumann et al., 2009].

На втором этапе временной отрезок был заметно увеличен: использовались данные с 2004 г. по май 2015-го. Данное уточнённое исследование выявило единственное мегасобытие со значимым позитивным эффектом – Марафон Гонолулу, привлёкший на архипелаг 3900 дополнительных туристов. Для всех остальных мегасобытий, включая NFL Pro Bowl и Ironman Hawaii, статистически значимый эффект не был выявлен [Baumann, Matheson, 2015].

Итак, традиционный беговой марафон, без франшизы и выплаты роялти, оказался единственным успешным событием. При этом за пределами анализа остался тот факт, что для зрелищных мегасобытий необходимы мегастадионы, в то время как открытые массовые старты подобных инфраструктурных расходов не требуют.

Случай стадиона Ballpark в Техасе

Если экономического эффекта от мегасобытий для принимающих регионов нет, то какие эффекты все же существуют и почему субсидии выделяются? Вопрос субсидирования, очевидно, лежит в плоскости публичной политики. Вернёмся к проблеме стадионного строительства в США. Судя по публикациям американских экономистов, именно бюджетное субсидирование, льготы и преференции стали ключевым источником прибыли для бизнес-структур, владеющих спортивными франшизами.

Пример подобной коммерческой операции детально описан Николасом Кристофом, колумнистом The New York Times. Речь об истории с командой Texas Rangers в городе Арлингтоне. Группа инвесторов приобрела эту франшизу профессиональной лиги MLB в 1989 г. за \$87 млн. Владельцы решили построить новый стадион, а поддержать инициативу было предложено налогоплательщикам. Город повысил местный налог с продаж на 0,5%, что и позволило собрать требуемую субсидию в \$191 млн. В 1999 г. франшиза была продана новому владельцу за \$250 млн, самым ценным активом был новый Ballpark. Сделка представляла собой что-то вроде операции с недвижимостью в рамках частно-государственного партнёрства.

Первый интересный аспект этой истории: проект обсуждался ещё до строительства и даже был вынесен на референдум, где 2/3 жителей Арлингтона в 1991 г. проголосовали за новый стадион. Второй аспект: центральным игроком этой операции являлся

Джордж Буш-младший, в 1989–1993 гг. *первый сын США*, республиканец «плоть от плоти», в теории – противник повышения налогов, социальных льгот и т.д. На практике же именно ему удалось убедить всех проголосовать за стадионный налог.

Юрист Джим Ранзхеймер, выступавший против субсидии на строительство стадиона, счёл это предательством политических идеалов: *«Если консерватор тот, кто верит в ограничение власти правительства, то вся эта сделка показывает, насколько лицемерно утверждение Буша, что он консерватор... Он оплатил свои расходы за счёт правительства, это бросает вызов принципам капитализма».*

Иначе видел ситуацию партнёр Буша-младшего по проекту Роланд У. Беттс: *«В тот момент Джордж не был губернатором Техаса. Он был генеральным партнёром, доверенным лицом, и его обязанности по доверительному управлению имуществом как раз и заключались в том, чтобы хорошо работать для инвесторов. Что он и сделал».*

Случай вовсе не единственный, прокомментировал ситуацию экономист Марк Розентрауб, автор «Лузеров Главной лиги». С его слов, при строительстве стадиона заявляют об экономических выгодах для сообщества, однако на деле налогоплательщики лишь теряют деньги в обмен на «способ повышения гражданской гордости»: *«Я не говорю, что мне не нравится [этот способ повышения гордости]. Мне нравится, я поклонник бейсбола. Просто это регрессивный налог – деньги берутся у людей с низкими и средними доходами и перемещаются к группе очень богатых. Это перераспределение богатства снизу-вверх».*

Джордж Буш-младший после продажи Texas Rangers получил \$14,9 млн. И если остальные инвесторы имели 450% прибыли, то он, как генеральный партнёр, с учётом увеличения доли по результатам эффективного управления – целых 2500%. Изначальный вклад составлял \$606 тыс., взятых в кредит, – до сделки он не был очень богатым. Главной ценностью был статус *первого сына*, который вполне умело использовался при работе с болельщиками, прессой и местными властями.

Теперь тот итоговый факт, с которого Кристоф начинает свою статью. Управление франшизой Texas Rangers и строительство нового стадиона, кроме обретения личного состояния, позволили Джорджу Бушу-младшему увеличить популярность во всем

штате. В 1993 г., когда Ballpark был почти построен, Буш гордо рассказывал репортёрам: «*Когда все эти люди [в столице штата] говорят: «Он никогда ничего в жизни не сделал», – ну вот, покажите им [наш стадион]*». Благодаря славе успешного владельца Texas Rangers, Джордж Буш-младший был избран губернатором штата Техас⁸.

Этот успех – и финансовый, и политический – вполне объясним. Одним (региональным сообществам) нужна *гражданская гордость*. Другие (спортивные организации) способны удовлетворить эту дефицитную потребность. Третьи (предприниматели) лишь используют возможности, совмещая одно с другим. Специфика профессиональных лиг в США – закрытая структура и фиксированное число команд. Франшиза, таким образом, становится дефицитным ресурсом. Если бы арлингтонцы не поддержали *свою* команду, то владельцы могли перебазировать её в более щедрый на субсидии город. Примеров множество: Washington Nationals когда-то были Montreal Expos, Tennessee Titans – Houston Oilers, Los Angeles Dodgers – Brooklyn Dodgers, а Texas Rangers – Washington Senators.

Гражданская гордость – выгода социального плана, интуитивно понятная и болельщикам, и местным властям. Своя команда, которая объединяет и сплавливает, некое коллективное бессознательное. Причём *первый сын* проявил себя на посту генерального партнёра именно *своим* парнем. Буш-младший не сидел в ложе, как это часто делают богатые владельцы, – он предпочитал быть на обычных трибунах, общаться с болельщиками, он понимал и любил спорт.

Случай Игр-2012 в Лондоне

Спорт как социальный феномен, очевидно, выглядит некой сферой иррационального, где наилучшей научной трактовкой будет этологическая, в духе Конрада Лоренца. Схожая ситуация наблюдается с другими дефицитными ресурсами – чемпионатами мира, Олимпийскими играми и статусными международными соревнованиями. «*Наши игры!*» «Если не мы, то возьмут *другие?*».

⁸ Kristof N.D. The 2000 Campaign: Breaking into Baseball; Road to Politics Ran Through a Texas Ballpark // The New York Times. 24.09.2000.

Причём подобные категории озвучивают в том числе и представители истеблишмента.

Британская пресса в 2008 г. развернула полемику в связи с превышением ожидавшихся расходов на Игры-2012 в Лондоне над реально имевшимися место. The Times выяснила, что правительство Тони Блэра ещё в 2002 г. привлекало крупнейших экспертов для разработки стратегии национальной спортивной политики. В частности, стоит ли Великобритании принимать события вроде олимпиад и чемпионатов мира. Итоговый отчёт, однако, скрыли от общественности – он *«был тихо забыт, поскольку не представил веские аргументы в поддержку этих идей»*.

Как сообщил один из авторов стратегии, профессор Лондонской школы экономики Стефан Шимански: *«Это был добросовестный отчёт, утверждавший, «почему мы не должны претендовать на Олимпиаду», но это оказалось неудобной правдой»*⁹.

Принимавшие решение политики тоже комментировали историю с Играми. Экс-премьер правительства Великобритании Тони Блэр раскрыл истинные мотивы «битвы за Игры-2012» в своих мемуарах: *«Про Олимпиаду [Тесса Джовелл, министр культуры, медиа и спорта] говорила мне, что это огромные возможности. “Подумайте о влиянии на нашу молодёжь, на фитнес, на спорт, на самоуверенность страны”... Я возражал: “Да, но предположим, мы проиграем, и что хуже, проиграем французам и в конечном итоге будем унижены”. Она посмотрела на меня укоризненно и сказала: “Я по правде не думаю, что это ваше отношение к руководству. Я полагаю, вы готовы брать на себя риск. И это большой риск. Конечно, мы не обязательно выиграем; но по крайней мере мы проявим смелость попробовать”. Когда Тесса говорит это, вы ощущаете себя полной тряпкой, словно стыдитесь. Вы знаете, что она манипулирует вами, но также знаете, что это успешная манипуляция. “Окей, хорошо, мы пойдём на это”»*¹⁰.

На фоне потребности в гражданской гордости и её дефиците в действие вступает третий фактор – интересы связанных групп. К примеру, мэр Лондона Кевин Ливингстон признался своим избирателям: *«Я поддерживал Олимпиаду не ради трёх недель*

⁹ UK: Olympics good for having a party but not much else, secret report warned ministers // The Times. 12.02.2008.

¹⁰ Blair T. A Journey. Hutchinson Radius, 2010.

спорта, но как единственную возможность заполучить миллиарды фунтов из кармана правительства на развитие Ист-Энда», запущенного и требующего реконструкции квартала¹¹.

В теории изменения в инфраструктуре способны вызвать дальнейшие позитивные последствия. На практике наследие мегасобытий оборачивается бесполезными, но дорогими в содержании объектами вроде санно-бобслейных трасс, лыжных трамплинов и пустующих стадионов. Долги зимних олимпийских игр 1968 в Гренобле покрывались местными налогоплательщиками вплоть по 1992 г., долги Летней олимпиады-1976 в Монреале – по 2006 г., и т.д.

Французский экономист Владимир Андресфф объясняет экономическую невыгодность олимпиад теорией победителя аукциона в сочетании с асимметрией информации и монопольной позицией правообладателей (МОК, ФИФА и т.д.). Поскольку выгоды заранее неизвестны, то побеждает наиболее оптимистичная, завышенная оценка. Предлагающая же сторона стремится всячески преувеличить выгоды [Andreff, 2012]. Иная ситуация была в случае экономически окупивших себя Игр в Лос-Анджелесе 1984 г. Это была единственная заявка, где МОК соглашался с условиями принимающей стороны. Накануне был Монреаль-1976, где канадские *наши* не выиграли ни одной золотой медали, а сам проект показал выдающиеся убытки.

Деньги на телеграммы?

Изложенное выше заставляет нас согласиться с выводами иностранных экспертов: утверждение об экономическом эффекте чаще всего является нарративом заинтересованных групп (т.е. версией прикрытия, легендой на языке политических и дипломатических работников). В контексте же заявляемой властями цели «вовлечь в занятия спортом 55% населения» наиболее востребованными видятся не новые мегатрибунные комплексы (с развитием медиатехнологий дешевле, проще и лучше показывать зрелищный спорт по телевизору), но простые утилитарные объекты, публичные рекреационные ресурсы, которые могут

¹¹ Davies Gareth A. Mayor tricked Govt. into 2012 Olympics bid // Daily Telegraph. 25.04.2008.

использоваться не пару раз в сезон, а постоянно, причём самыми широкими слоями населения.

Касательно массовых (партиципаторных) соревнований мы полагаем, что в случае частных франшиз вроде Ironman происходит искусственное удорожание спорта, снижающее доступность участия, с одновременным перераспределением ресурсов снизу-вверх – от местных жителей ко внешним собственникам. Соответствует ли это декларируемым целям социальной политики – вопрос риторический.

В завершение приведём две цитаты из книг, опубликованных с разницей в 80 лет. Вначале английский текст, созданный в 2009 г. двумя авторами – журналистом Саймоном Купером и экономистом Стефаном Шимански: *«...выделилась небольшая отрасль “консалтинга”, узкая задача которого в том и состоит, чтобы давать экономическое обоснование для этого пресловутого “если ты построишь его, он придёт”... фирменный трюк владельцев американских спортивных клубов... в том, чтобы заставить налогоплательщиков раскошелиться на строительство стадионов. Вот тут-то и вступают в игру ушлые экономисты... Любой, кто в США вознамерится склонить налогоплательщиков выложить свои кровные на постройку стадиона, заказывает экономисту исследование “экономического эффекта” сего начинания. По странному совпадению, любое такое исследование доказывает, как дважды два, что строительство стадиона обогатит местных налогоплательщиков... Типичный аргумент “pro” выглядит так: строительство стадиона создаст рабочие места сначала для строителей, а потом для тех, кто будет там трудиться. Спортивные мероприятия привлекут болельщиков и зрителей со всей округи (“Если ты построишь его, он придёт”), а те будут всю тратить деньги. Чтобы обслужить нужды толп зрителей, к стадиону подтянется бизнес. Территория вокруг стадиона в экономическом плане оживится, что умножит число желающих поселиться в данном районе»* [Купер, Шимански, 2011].

Теперь более известный текст, созданный двумя журналистами из редакции газеты «Гудок» – Ильей Ильфом и Евгением Петровым – в далёком 1927-м. Просто поразительно, как чрезвычайно точно и очень современно концепт мультипликатора используется в процессе эффективного фандрайзинга:

«– Кто же у нас будет платить такие бешеные деньги? Васюкинцы...

– Какие там васюкинцы! Васюкинцы денег платить не будут. Они будут их по-лу-чать! Это же все чрезвычайно просто. Ведь на турнир с участием таких величайших вельтмейстеров съедутся любители шахмат всего мира. Сотни тысяч людей, богато обеспеченных людей, будут стремиться в Васюки. Во-первых, речной транспорт такого количества людей поднять не сможет. Следовательно, НКПС построит железнодорожную магистраль Москва – Васюки. Это – раз. Два – это гостиницы и небоскрёбы для размещения гостей. Три – это поднятие сельского хозяйства в радиусе на тысячу километров: гостей нужно снабжать – овощи, фрукты, икра, шоколадные конфеты. Дворец, в котором будет происходить турнир, – четыре. Пять – постройка гаражей для гостевого автотранспорта. Для передачи всему миру сенсационных результатов турнира придётся построить сверхмощную радиостанцию. Это – в-шестых. Теперь относительно железнодорожной магистрали Москва – Васюки. Несомненно, таковая не будет обладать такой пропускной способностью, чтобы перевезти в Васюки всех желающих. Отсюда вытекает аэропорт “Большие Васюки” – регулярное отправление почтовых самолётов и дирижаблей во все концы света, включая Лос-Анжелос и Мельбурн...

– Да-а, – выдавил из себя одноглазый, обводя пыльное помещение сумасшедшим взором, – но как же практически провести мероприятие в жизнь, подвести, так сказать, базу?.. Присутствующие напряжённо смотрели на гроссмейстера.

– Повторяю, что практически дело зависит только от вашей самостоятельности. Всю организацию, повторяю, я беру на себя. Материальных затрат никаких, если не считать расходов на телеграммы. Одноглазый подталкивал своих соратников.

– Ну? – спрашивал он. – Что вы скажете? – Устроим! Устроим! – галдели васюкинцы. – Сколько же нужно денег на... это... телеграммы? – Смешная цифра, – сказал Остап, – сто рублей»¹².

Литература/References

Агеев В. И., Алтухов С. В. Сравнительный анализ расходов и экономического эффекта Чемпионатов мира по футболу (1998–2018) // Журнал новой

¹² Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: Правда, 1987.

экономической ассоциации. 2018. № 4 (40). С. 158–167. DOI: 10.31737/2221–2264–2018–40–4–7

Ageev, V.I., Altukhov, S.V. (2018). Comparative Analysis of Costs and Economic Effects of the FIFA World Cups (1998–2018). *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. The Journal of the New Economic Association*. No. 4 (40). Pp. 158–167. (In Russ.).

Адельфинский, А.С. Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта. М.: ИД Дело РАНХиГС, 2018. ISBN: 978–5–7749–1297–1

Adelfinsky, A.S. (2018). *Despite the Records. An Inquiry into Mass Sports*. Moscow. Delo RANERA. (In Russ.).

Адельфинский А.С. Экономика массовых соревновательных событий // Экономика и предпринимательство. 2014. № 1–1 (42). С. 174–178. Adelfinsky, A.S. (2014). Economy of the mass participation sports events. *Ekonomika i predprinimatelstvo. Economy and Entrepreneurship*. No. 1–1 (42). Pp. 174–178. (In Russ.).

Капогузов Е.А. Уроки «Мостовика»: строительство спортивной инфраструктуры и политико-административный ресурс // ЭКО. 2018. № 7 (529). С. 131–145. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131–7652–2018–7–131–145>

Kapoguzov, E.A. (2018). Lessons of Mostovik: Construction of Sports Infrastructure and Political and Administrative Resource. *ECO*. No. 7 (529). Pp. 131–145. (In Russ.).

Купер С., Шимански С. Футболономика. Почему Англия проигрывает, Германия и Бразилия выигрывают, а США, Япония, Австралия, Турция и даже Ирак выходят на первый план. М.: Альпина Паблишер, 2011.

Kuper, S., Szymanski, S. (2011). *Socceronomics: Why England Loses, Why Germany and Brazil Win, and Why the U.S., Japan, Australia, Turkey – and Even Iraq – Are Destined to Become the Kings of the World's Most Popular Sport*. Moscow. Nation Books.

Нуреев Р.М., Маркин Е.В. Олимпийский деловой цикл // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 3. С. 50–65.

Nureev, R.M., Markin, E.V. (2008). The Olympic Business Cycle. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. Economic Bulletin of Rostov State University*. Т. 6. No. 3. Pp. 50–65. (In Russ.).

Нуреев Р.М., Маркин Е.В. Эти разные олимпийские игры // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 3. С.10–28.

Nureev R.M., Markin E.V. (2009). These sundry Olympic. *Terra Economicus*. Т. 7. No. 3. Pp.10–28. (In Russ.).

Пасынкова В.В., Карбаинов Н.И. Спортивные мегасобытия: междисциплинарный подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 5. С. 5–7.

Pasynkova, V.V., KARBAINOV, N.I. (2013). Sport mega-events: an interdisciplinary approach. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii. The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Т. 16. No. 5. Pp. 5–7. (In Russ.).

Пилипенко И.В. Использование анализа затраты – выгоды для оценки эффективности государственных инвестиционных проектов (на примере зимних Олимпийских игр-2014 в Сочи) // Вопросы экономики, 2011. № 11. С.57–78.

Pilipenko, I.V. (2011). The Use of Cost – Benefit Analysis for Evaluating Efficiency of Public Investment Projects (The Case of Sochi-2014 Winter Olympic Games). *Voprosy Ekonomiki. Questions of Economics*. No. 11. Pp. 57–78. (In Russ.).

Туллохонов А. К. О цене “хлеба и зрелищ”, или послесловие к Чемпионату мира по футболу в России // ЭКО. 2018. № 8 (530). С. 180–189. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-8-180-189

Tulokhonov, A.K. (2018). On the Price of “bread and Circuses” or an Afterword to the World Cup in Russia. *ECO*. No. 8 (530). Pp. 180–189. (In Russ.).

Andreff, W. (2012). The winner’s curse: why is the cost of sports mega-events so often underestimated? *Maennig W., Zimbalist A. International Handbook on the Economics of Mega Sporting Events*. Edward Elgar, Pp.37–69.

Baumann, R.W., Matheson, V.A., Muroi, C. (2009). Bowling in Hawaii. Examining the effectiveness of sports-based tourism strategies. *Journal of Sports Economics*. P. 107.

Baumann, R., Matheson, V. (2015). Many Happy Returns? The Pro-Bowl, Mega-events, and Tourism in Hawaii. *College of the Holy Cross, Econ. Depart. Paper*. No. 15–05.

Bennett, J.T. (2012). *They Play, You Pay: Why Taxpayers Build Ballparks, Stadiums, and Arenas for Billionaire Owners and Millionaire Players*. Springer.

Book review (1997): *Sports, Jobs, & Taxes: Are New Stadiums Worth the Cost?* (ed.) Noll R. G., Zimbalist A. The Brookings Institution. 01.07.

Buch, T. (2006). *Resident Perceptions of Event Impacts Taupo & Ironman New Zealand*. Auckland University of Technology.

Coates, D., Humphreys, B.R. (2008). Do Economists Reach a Conclusion on Subsidies for Sports Franchises, Stadiums, and Mega-Events? *Econ Journal Watch*. Vol. 5. No. 3.

Delaney, K.J., Eckstein, R. (2003). *Public Dollars, Private Stadiums: The Battle over Building Sports Stadiums*. Rutgers University Press.

DeMause, N., Cagan, J. (2008). *Field of Schemes: How the Great Stadium Swindle Turns Public Money into Private Profit*. Bison Books.

Lee, S. (2001). A Review of Economic Impact Studies on Sporting Events. *The Sports Journal*, 4(2).

Matheson, V. (2006). Economic impact analysis. *Handbook on the economics of sport / ed. by Andreff W., Szymanski S.* Elgar. P. 137.

Matheson, V. (2002). Upon Further Review: An Examination of Sporting Event Economic Impact Studies. *The Sport Journal*. Vol. 5. No.1. P. 137.

Reese, S. (2008). An examination of direct spending patterns and economic impact figures associated with the 2007 XTERRA World Championship. *VAHPERD Journal*. Vol.29. No. 4. P. 3+.

Rosentraub, M.S. (1997). *Major League Losers: The Real Cost of Sports And Who’s Paying For It*. Basic Books.

Solberg, H.A., Preuss, H. (2007). Major sport events and longterm tourism impacts. *Journal of Sport Management*. No. 21. P. 227.

Whaples, R. (2006). Do Economists Agree on Anything? Yes! *Economists’ Voice*. Vol. 3, Issue 9: 1–6.

Статья поступила 07.03.2019.

Для цитирования: Адельфинский А. С. Деньги на телеграммы? Об экономическом эффекте международных спортивных событий// ЭКО. 2019. № 7. С. 98-122. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-98-122

Summary

Adelfinsky, A.S. Cand.Sci. (Econ.), Bauman Moscow State Technical University, Moscow

Money for Telegrams? About the Economic Impact of International Sports Events

Abstract. The article addresses the problem of economic impact analysis of international sports competitions, mega-events and sports franchises. In our review of literature on mass participation sports we indicate two poles of information about an event's economic impact: "positive" and "skeptical". "Positive" assessments are typical for reports of event organizers and involved consultants. We present examples of "positive" assessments of triathlon events, based on information about direct spending of participants. "Skeptical" assessments are typical for academic research published in peer-reviewed economic journals. We explore the effects of substitution, crowding-out, time-shifting, random visitors and leakages. We emphasize that these effects are not taken into consideration in "positive" reports and that they create a methodological problem for correct assessment. We show strong consensus among Western economists against subsidies for mega-stadiums, mega-events and sports franchises. Why do subsidies exist despite the lack of positive economic impact? We discussed this issue in two of our case studies: Ballpark stadium (Texas) and Olympics 2012 (UK). These cases prove rent-seeking behavior and exploitation of social and political benefits from sports. We conclude that statements about "positive economic impact" of international events and sports-franchises are often the narrative of rent-seeking groups.

Keywords: *economic impact analysis; mega-events; mass sports; triathlon; sports economics; sociology of sports; sports management*

For citation: Adelfinsky, A.S. (2019). Money for Telegrams? About the Economic Impact of International Sports Events. *ECO*. No. 7. Pp. 98-122. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-98-122

Импортозамещение сельскохозяйственной продукции в России

З.С. ПОДОБА, кандидат экономических наук. E-mail: z.podoba@spbu.ru

А.А. МОЛДОВАН, кандидат экономических наук. E-mail: a.moldovan@spbu.ru

А.А. ФАИЗОВА, кандидат экономических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. E-mail: a.faizova@spbu.ru

Аннотация. Импортозамещение как вид национальной экономической стратегии активно подвергалось критике в XX в. Однако после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. в условиях нового этапа глобализации оно получило второе дыхание во многих странах, включая развитые экономики. В отличие от большинства государств, применяющих стратегии импортозамещения в промышленном секторе для ускорения индустриализации, Россия одним из приоритетов развития национальной экономики признаёт импортозамещение в сельскохозяйственном производстве, что ставит ее опыт в разряд уникальных. В статье рассматриваются теоретические аспекты и эволюция представлений о стратегии импортозамещения, исследуются потенциал и современное состояние импортозамещения в российском сельском хозяйстве. На основе статистического анализа внешней торговли России за период 2001–2017 гг. авторы выявляют отчетливый тренд к росту доли сельскохозяйственной продукции в общем объеме экспорта. Названы ключевые проблемы и перспективы импортозамещения сельскохозяйственной продукции в России.

Ключевые слова: импортозамещение; сельское хозяйство; продовольствие; Россия

JEL classifications: E65, F51, F52, Q18

Введение

Импортозамещение представляет собой тип экономической стратегии и промышленной политики государства, направленный на повышение роли внутреннего производства и увеличение спроса на отечественную продукцию путем замещения ею импортируемых товаров. Предполагается, что результатом импортозамещения должен стать рост конкурентоспособности местной продукции и освоения её новых видов с относительно высокой добавленной стоимостью посредством технологической модернизации производства и повышения его эффективности. Однако протекционизм, с которым неразрывно связана реализация импортозамещения, не всегда благо для экономической системы страны, особенно в среднесрочном и долгосрочном периоде.

Обратившись к истории вопроса, отметим, что импортозамещение является одной из двух основных стратегий, применяемых странами с запаздывающей индустриализацией, наряду с экспортной ориентацией производства. Первые упоминания о возможности преодоления экономической отсталости развивающимися странами за счет импортозамещающей индустриализации можно встретить в работах аргентинского экономиста Р. Пребиша, первого генерального секретаря Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) [Пребиш, 1977]. Исследователь полагал, что реформы государства, направленные на развитие внутреннего рынка, способны придать динамику экономическому росту, повысить уровень занятости и жизни населения. Естественно, для реализации подобной стратегии необходима протекционистская политика государства. Внутренний рынок страны полностью или частично закрывается для импорта, что позволяет создать условия для организации и функционирования базовых отраслей промышленности и постепенного их развития до уровня международных стандартов.

Начиная с середины XX в. многие развивающиеся страны (Аргентина, Бразилия, Мексика, Индия, Пакистан, Филиппины, Тайвань, Малайзия и др.) стремились улучшить свое благосостояние с помощью замещения импортных товаров отечественными. Ярким примером является экономическое развитие Республики Корея в 1950–1960 гг. Таргетированная финансовая, налоговая и торговая политика со стороны государства была направлена на поддержку определенных фирм в отдельных отраслях и минимизировала для них издержки всех уровней [Подоба, Титова, 2018]. В результате импортозамещающего этапа в Южной Корее было налажено производство цемента, стекла, химических удобрений, бумаги, развились легкая и пищевая промышленности; был заложен фундамент для последующего экспортноориентированного роста экономики.

Альберт Хиршман выделяет четыре предпосылки для активизации стратегии импортозамещения: а) войны и экономические кризисы, ведущие к разрыву внешнеторговых связей; б) рост внутреннего рынка и доходов населения (нередко как результат расширения экспорта); в) дефицит платежного баланса; г) официальная политика государства по развитию экономики. Пример Республики Корея примечателен тем, что в период 1950–1960 гг. в ней в той или иной степени наличествовали все вышеупомянутые факторы [Hirschman, 1968]. В последние годы импортозамещение

рассматривается также в качестве катализатора экономической диверсификации [Aregbeshola, 2017].

Однако мировой опыт показывает, что затягивание стратегии импортозамещения, как правило, не приносит положительных результатов. Так, на волне успеха начального периода импортозамещения, характеризовавшегося высокими темпами роста производства потребительских и промышленных товаров и экономики в целом, в странах Латинской Америки было принято решение о его продлении, в результате чего к концу 1980-х гг. негативные последствия стратегии стали перевешивать положительные, и темпы развития региона значительно сократились. Впоследствии правительства стран региона под нажимом экспертов из развитых стран существенно либерализовали свои экономики, что практически свело на нет все усилия по развитию национальной промышленности.

В отличие от латиноамериканских государств, Республика Корея, как и другие «азиатские тигры», довольно быстро перешла от протекционизма к стратегии экспортной ориентации, что стало отправной точкой бурных экономических преобразований, способствовавших достижению впечатляющих экономических результатов. Менее чем за полвека Республика Корея трансформировалась из сельскохозяйственной страны, разорённой войной, в преуспевающую экономику высоких технологий. Еще в 1960-х гг. ВВП на душу населения в этой стране был сопоставим с беднейшими государствами Африки. Однако в 2004 г. Южная Корея присоединилась к числу стран, ВВП которых превышает триллион долларов (*trillion-dollar club of world economies*), и в настоящее время имеет одно из самых высоких в мире значений уровня доходов на душу населения [Подоба, Титова, 2018].

Критическая оценка стратегии импортозамещения обычно сводится к выделению следующих негативных тенденций. Во-первых, потребители вынуждены мириться с резким скачком цен при ухудшении качества товаров на протяжении неопределенного промежутка времени после введения первых защитительных барьеров для импортной продукции. Во-вторых, под защитой протекционистских тарифов могут процветать объективно неэффективные и дорогостоящие в эксплуатации местные производства. При этом зачастую их владельцы в условиях ослабления конкурентной среды стремятся повысить

прибыль, а не эффективность. Многим молодым предприятиям так и не удается обрести экономическую независимость и стать прибыльными или хотя бы самокупаемыми, чему способствуют протекционистские барьеры и государственная поддержка в виде субсидий и льготных кредитов. Вполне вероятно возникновение и монополистических структур. В-третьих, нередко конечными бенефициарами замещения импорта становятся иностранные компании, организовавшие производство на территории страны, применяющей подобную стратегию.

Следует отметить, что стратегия импортозамещения начиная с 1970-х гг. активно подвергается критике сторонниками неоллиберальной школы [Balassa, 1971; Bhagwati, 1978; Krueger, 1978; Balassa, Bueno, Kuczynski, Simonsen, 1986], а также Бреттон-Вудскими институтами (МВФ и Всемирный банк) и развитыми западными странами, заинтересованными в продвижении своей продукции на развивающиеся рынки. При этом не секрет, что США и Великобритания, реализующие свои интересы в мировом хозяйстве во второй половине XX – начале XXI вв. посредством политики свободного рынка и свободной торговли, в своё время весьма агрессивно использовали защиту своих внутренних рынков и субсидии [Aregbeshola, 2017].

Однако после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. в условиях нового этапа глобализации, который многие эксперты называют «деглобализацией», все больше государств, включая развитые экономики, стали вводить требования по локализации производства, мотивируя это, прежде всего, необходимостью создания новых рабочих мест на внутреннем рынке [Кондратьев, 2018. С. 5]. Несмотря на то, что в большинстве случаев эта стратегия реализуется под названием «*Made in ...*», по сути это то же импортозамещение, получившее второе дыхание в XXI в. Так, например, Конгресс США включил статью «Покупай американское!» в закон «О восстановлении и реинвестировании» 2009 г., предусматривающий огромный объем финансирования. В 2017 г. президент США Д. Трамп подписал указ «Покупай американское и нанимай американцев» (*Buy American and Hire American*), целью которого является повышение заработной платы и занятости в США и защита экономических интересов путем ужесточения стандартов для федеральных закупок и компаний, использующих труд иностранных работников. В 2015 г. правительство Китая

представило план развития *Made in China 2025*, согласно которому за десятилетие Китай должен добиться полной независимости в десяти технологических сферах.

В отличие от большинства стран, осуществляющих политику импортозамещения прежде всего в промышленном секторе для ускорения индустриализации или поддержки внутреннего рынка, одним из приоритетов развития российской экономики на сегодняшний день является импортозамещение в сельскохозяйственном производстве как стратегия достижения продовольственной безопасности страны. Цель данной работы – определить отличительные особенности процесса импортозамещения сельскохозяйственной продукции в России и оценить его последствия.

Стратегия импортозамещения сельскохозяйственного производства в России: законодательная основа

Курс на импортозамещение был официально провозглашен после введения антироссийских санкций со стороны ЕС и США в 2014 г. Санкционная политика западных стран заставила правительство РФ в экстренном порядке принимать меры по переводу ключевых звеньев АПК на отечественного производителя. Так, в августе 2014 г. на основании указа Президента¹ было введено эмбарго на импорт из США, стран Евросоюза, Норвегии, Австралии и Канады мяса крупного рогатого скота, свинины, мяса и субпродуктов домашней птицы, рыбы, ракообразных, моллюсков и прочих водных беспозвоночных, молока и молочной продукции, овощей, фруктов и орехов, колбасы, а также молкосодержащей продукции на основе растительных жиров. Эти меры введены в целях защиты национальных интересов РФ и в соответствии с № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах».

Список корректировался 20 Августа 2014 г. и 22 июня 2015 г.: из него исключили специализированную безлактозную молочную продукцию, мальков лосося и форели, молоди устриц и мидий. Сделано это было из-за невозможности быстро наладить их импортозамещение.

¹ Указ № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» от 6 августа 2014 г.

Позже, 13 Августа 2015 г., правительство добавило в список стран, в отношении которых вводится запрет на ввоз в Россию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, Албанию, Черногорию, Исландию, Лихтенштейн и Украину (против нее санкции начали действовать с 1 января 2016 г.), которые присоединились к европейским антироссийским санкциям. По данным Росстата, в 2014 г. поставки в Россию санкционной продукции из этих стран осуществлялись на сумму 656,2 млн долл. (5,9% от их общего экспорта в РФ)². С 27 мая 2016 г. Россия сняла ограничения на ввоз мяса птицы, говядины и овощей, которые используются для производства детского питания, а 10 сентября 2016 г. в перечень была добавлена соль (поправкой от 20 мая 2017 г. было уточнено, что запрет не распространяется на соль для биологически активных добавок и медицинских изделий).

В 2015–2017 гг. меры, предусмотренные Указом Президента № 560, неоднократно продлевались и продолжают действовать по 31 декабря 2019 г. Помимо введения эмбарго на ввоз продукции из ряда стран, Россия применяет разветвленную систему мер поддержки местных производителей, включая финансовые субсидии. Так, в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. реализуется целый ряд подпрограмм, среди которых – развитие мясного и молочного скотоводства, растениеводства, животноводства, поддержка малых форм хозяйствования и др. По состоянию на конец 2017 г. мероприятия программы были профинансированы в объеме 234 млрд руб. В 2017 г. была утверждена Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 гг. с объемом финансирования 26 млрд руб. за счет средств федерального бюджета и 25 млрд руб. – из внебюджетных источников³. На поддержку малых форм хозяйствования в АПК направлены программы «Начинающий фермер» и «Семейная животноводческая ферма».

² Федеральная служба государственной статистики РФ (2018). Показатели, характеризующие импортозамещение в России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/#

³ Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2017 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/f6a/f6a926309485f5008245b3dda0a9d611.pdf>

Основными целями импортозамещения в России официально провозглашены:

- 1) обеспечение национальной и государственной безопасности;
- 2) снижение технической и технологической зависимости в тех областях производства, где наблюдается большая доля импортного оборудования, машин и техники;
- 3) укрепление положительного торгового баланса;
- 4) создание условий для выхода национальных лидеров на внешние рынки.

Кроме того, процесс импортозамещения способствует росту занятости населения, активизации научно-технического прогресса и уровня образования, росту спроса на товары внутреннего производства и в конечном итоге – развитию экономики страны, расширению производственных мощностей.

Однако контрасанкционные меры России не всегда оказываются успешными, что осложняет процесс импортозамещения. В частности, следует отметить, что страны – члены Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не только не присоединились к мерам, введенным Россией, но и получают значительную выгоду за счет реэкспорта в Российскую Федерацию запрещенных для ввоза товаров. Так, например, Беларусь, не имея выхода к морю, вошла в число крупнейших поставщиков в Россию товарной группы «Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные». Кроме того, для провоза санкционной продукции в Россию используются различные схемы обхода таможенных ограничений (недостоверное декларирование товаров, подделка сертификата страны происхождения, ввоз под видом транзита и т.д., вплоть до прямой контрабанды).

Только в 1 квартале 2018 г. в зоне действия Северо-Западной оперативной таможни было изъято из оборота и уничтожено более 417 т запрещенных к ввозу товаров. Основная их часть поступила из Республики Беларусь и Финляндии. Как правило, номенклатура таких товаров из года в год не меняется. Среди плодоовощной продукции строчку лидеров занимают яблоки, груши, томаты, пекинская капуста, перец, выращенные в Польше, Украине, Турции и других странах, поддерживающих санкции. В ассортименте продукции животного происхождения львиную долю составляют сыры, молочная продукция (йогурты),

колбасные и мясные изделия из стран ЕС: Финляндии, Дании, Германии, Испании и др.⁴.

Кроме того, импортозамещение в сельскохозяйственном производстве России сталкивается с рядом других проблем, связанных со сложным развитием отрасли. Среди них – высокая доля убыточных предприятий (18% в 2017 г.) [Кузнецова и др., 2018], низкий уровень оплаты труда (среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций сельского хозяйства в 2017 г. составила 25671,1 руб., что ниже среднего уровня по России на 34%)⁵ и др. Серьезными проблемами в России являются устаревшие агротехнологии и слабое развитие племенного животноводства и семеноводства. Эти и другие сложности затрудняют успех политики импортозамещения. Производимая продукция зачастую сбывается по цене выше импортных аналогов, уступая им по качеству.

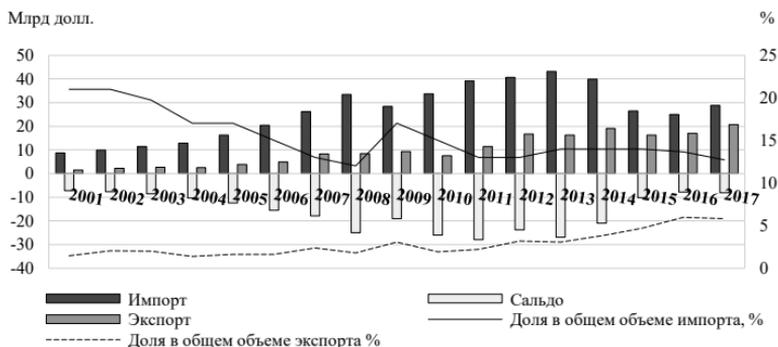
Первые результаты реализации стратегии импортозамещения в сельском хозяйстве

Рассмотрим некоторые итоги импортозамещения в сфере отечественного АПК, достигнутые к 2018 г., и постараемся определить перспективы его развития.

На рисунке 1 представлена динамика внешней торговли России сельскохозяйственной продукцией и продовольствием в соответствии с перечнем товарных групп Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (Группы HS с 1-й по 24-ю). Несмотря на то, что запрет коснулся ввоза лишь некоторых видов продукции из ограниченного числа стран, после 2014 г. объемы импорта сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в России упали в полтора раза. В 2017 г. наметилась и тенденция к снижению доли этой категории товаров в общем объеме импорта. Значительным является сокращение отрицательного сальдо в торговле этими видами товаров, размер которого в 2016–2017 гг. оказался на уровне начала 2000-х годов.

⁴ Северо-Западная оперативная таможня: выявлено и уничтожено более 400 тонн санкционной продукции. URL: http://sztu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=28653:400-&catid=165:2010-12-23-09-12-04&Itemid=83

⁵ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации в 2013–2018 гг. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t6.xls

Источник: составлено авторами на основе данных ИТС Trade Map.

Рис. 1. Внешняя торговля России сельскохозяйственной продукцией и продовольствием в 2001–2017 гг.

Основными товарными позициями в структуре российского импорта сельскохозяйственной продукции в стоимостном выражении являются фрукты и орехи (16,2% в 2017 г.), мясо и мясопродукты (9,3%), молоко и молокопродукты (9,1%); алкогольная и безалкогольная продукция (8,6%). В короткий срок произошло замещение поставщиков продукции, попадающей под запрет, импортом из других государств, что позволило достаточно безболезненно реализовать негласные *политические* цели импортозамещения. Так, например, в топ-10 стран в закупках товарной группы HS08 «Съедобные фрукты и орехи» вместо Польши, Испании, Греции вошли Сербия, Азербайджан, Молдова, в импорте HS0406 «Сыры и творог» позиции Украины, Нидерландов, Германии, Литвы, Финляндии, Польши, Дании, Франции, Италии перешли к Сербии, Швейцарии, Уругваю, Чили, Армении, Казахстану, Молдове, Бразилии.

С момента начала импортозамещения отчетливо стал проявляться тренд, связанный с ростом доли экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия в общем объеме экспорта России (рис. 1). Продовольствие и сельскохозяйственное сырьё входят в группу с лучшей динамикой роста среди продукции, составляющей несырьевой неэнергетический экспорт России⁶.

⁶ Российский экспортный центр. Развитие общего и несырьевого экспорта России в январе-декабре 2018 г. URL: [https://www.exportcenter.ru/upload/iblock/6f1/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%202018_12%20\(%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0\).pdf](https://www.exportcenter.ru/upload/iblock/6f1/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%202018_12%20(%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0).pdf)

Основными товарными позициями в структуре экспорта в стоимостном выражении являются зерновые культуры (36,3% в 2017 г.); рыба и рыбопродукты (16,8%); растительные масла (13,1%); остатки и отходы пищевой промышленности (4,2%). В 2017 г. Россия собрала рекордный урожай зерновых – 134,1 млн т, побив исторический максимум 1978 г. в 127 млн т, что позволило России выйти на второе место в мире по экспорту зерна после США [Жоролева, 2018]. Крупнейшие покупатели российского зерна – Египет, Турция, Иран, Бангладеш, Йемен, Судан, Нигерия. Основной рост сбора зерна в России пришелся как раз на временной период активной политики импортозамещения в сельском хозяйстве. Так, среднегодовой объем производства зерна за 2009–2013 гг. составил 83,1 млн т, а за 2014–2018 гг. – 115,9 млн т⁷.

В целях поддержки и продвижения экспорта сельскохозяйственной продукции, а также обеспечения соответствия российской продукции требованиям регулирующих органов зарубежных рынков в 2016 г. был принят приоритетный проект «Экспорт продукции АПК», рассчитанный на период до 2020 г. План по увеличению экспорта на 2017 г. был перевыполнен на 2,8 млрд долл. В связи с этим Правительство Российской Федерации поставило задачу о наращивании экспорта к 2025 г. до 45 млрд долл.⁸

Рассмотрим долю импорта отдельных сельскохозяйственных продуктов в их товарных ресурсах в России в динамике (табл. 1). Наиболее значительное снижение доли ввозимой из-за рубежа продукции наблюдается на рынке мяса и птицы (с 33,7% до 10,5%), прежде всего, свинины (с 47% до 9,6%). Есть положительные сдвиги в сокращении импортной зависимости в поставках животного масла и сыров (до уровня ниже 30% от объема потребления этих продуктов в стране).

В целом доля импортных потребительских товаров в товарных ресурсах розничной торговли за время действия эмбарго сократилась с 47% в 2007 г. до 36% в 2018 г., снизилась и доля импорта в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами (рис. 2).

⁷ Валовой сбор сельскохозяйственных культур. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/#

⁸ Паспорт приоритетного проекта «Экспорт продукции АПК». URL: <http://mex.ru/upload/iblock/735/73592379af24d463f508f487d7c71377.pdf>

Таблица 1. Динамика доли импорта отдельных сельскохозяйственных товаров в товарных ресурсах РФ в 2010–2017 гг., %

Товар	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Мясо и птица, включая субпродукты	33,7	30,0	30,3	26,2	19,6	13,4	11,0	10,5
Говядина, включая субпродукты	64,5	59,5	59,9	59,0	57,3	48,1	40,0	40,9
Свинина, включая субпродукты	46,8	42,8	41,3	31,0	16,6	12,5	9,6	9,6
Мясо птицы, включая субпродукты	18,2	12,5	14,0	12,8	10,0	5,5	5,0	4,4
Консервы мясные	17,1	22,0	25,1	20,0	13,7	9,0	7,5	7,3
Изделия колбасные	1,3	1,7	3,4	3,2	2,2	1,0	1,5	1,7
Масла животные	32,3	32,2	34,2	35,9	34,3	25,5	26,4	24,2
Сыры	47,4	46,1	47,8	48,0	37,3	23,3	28,2	27,3
Мука	0,9	1,0	0,7	1,5	0,9	0,8	1,9	1,3
Крупа	2,2	2,0	1,4	1,8	0,5	0,3	0,3	0,2
Масла растительные	23,9	22,0	16,3	19,0	14,4	17,4	16,7	14,7
Сухие молоко и сливки	60,1	40,7	48,4	60,5	49,4	56,4	59,1	52,7
Кондитерские изделия	11,1	11,6	12,5	12,0	9,3	5,9	6,1	6,7
Сахар	5,4	3,7	5,3	8,2	7,4	6,2	5,5	3,9

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/#

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

Рис. 2. Изменение совокупной доли импортных потребительских товаров в общем объеме потребления в РФ в 2007–2018 гг., %

Следует отметить, что не все представленные структурные сдвиги связаны с грамотной политикой импортозамещения и контрсанкциями России. По целому ряду позиций основным фактором снижения потребления импорта и роста спроса на отечественные товары явилось увеличение цен на импортную продукцию [Кадочников и др., 2019].

Рассмотрим производство отдельных импортозамещающих пищевых продуктов в России с 2010 по 2018 гг. (табл. 2). Отечественное производство мяса крупного рогатого скота, замороженной свинины, некоторых молочных продуктов значительно увеличилось после введения запретительных мер. Однако по ряду продуктов переработки (колбасные изделия, рыбное филе) наблюдается падение производства.

Согласно оценке Министерства сельского хозяйства России, благодаря успехам в импортозамещении к 2017 г. удалось достичь и даже превысить пороговые значения показателей Доктрины продовольственной безопасности: по зерну – 99,3% (пороговый уровень – 95%); по сахару – 94,6% (80%); по маслу растительному – 84,8% (80%); по картофелю – 97% (порог – 95%); по мясу и мясопродуктам – 90,4% (85%)⁹.

Необходимо подчеркнуть, что положительные результаты нельзя отнести только на счет последствий ограничительных мер импорта. Проведенный нами корреляционный анализ объемов производства и импорта основных импортозамещающих продуктов питания в России не выявил четкой линейной зависимости между этими показателями для большинства товарных групп, что свидетельствует о наличии других влияющих факторов. К ним можно отнести государственную поддержку отрасли, колебания валютного курса, состояние инфраструктуры, внедрение новых технологий и др. [Лявина, 2018]. Наиболее сильная взаимозависимость между ростом отечественного производства и снижением поставок из-за рубежа зафиксирована для свинины, мяса птицы и сыров (табл. 3).

Следует отметить, что замена импортной продукции отечественной не всегда приводит к снижению цен. Например, доля импорта мяса и птицы существенно сократилась и составляет менее 10% от внутреннего объема потребления. Однако цены на мясную продукцию с 2014 г. выросли на 15%, что в целом выше, чем темп инфляции за тот же период. Такой парадокс связан с уходом дешевой импортной продукции с российского рынка и снижением конкурентной борьбы на рынке мяса.

⁹ Министерство сельского хозяйства РФ. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2017 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. URL <http://mcx.ru/upload/iblock/f6a/f6a926309485f5008245b3dda0a9d611.pdf>

Таблица 2. Производство основных импортозамещающих пищевых продуктов в России в 2010-2018 гг., тыс. т

Вид продукции	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Среднегодовой абсолютный прирост		Среднегодовой темп прироста, %	
										2010-2014	2014-2018	2010-2014	2014-2018
Мясо крупного рогатого скота охлажденное	220	190	178	199	185	203	195	203	226	-8,8	10,3	-4,2	5,1
Мясо крупного рогатого скота замороженное	43	39	36	42	43	52	50	56	65	0,1	5,3	0,1	10,5
Свинина охлажденная	755	815	942	1232	1438	1655	1947	2159	2427	170,8	247,3	17,5	14,0
Свинина замороженная	58	62	59	68	97	108	95	232	257	9,9	40,0	14,0	27,5
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы	2774	3028	3405	3610	3979	4340	4464	4818	4795	301,3	204,0	9,4	4,8
Изделия колбасные	2439	2486	2533	2502	2475	2445	2436	2254	2276	9,0	-49,7	0,4	-2,1
Филе рыбное мороженое	72	86	94	108	110	123	141	146	157	9,6	11,7	11,3	9,3
Филе рыбное, мясо рыбы прочее, печень, икра и молоки рыбы свежие или охлажденные	17	16	16	19	21	19	21	20	18	1,1	-0,8	6,0	-4,2
Рыба мороженая	2669	2748	2777	2860	2748	2897	3007	3048	2994	19,8	61,6	0,7	2,2
Фрукты, ягоды и орехи сушеные	4	4	4	10	12	12	11	17	18	2,1	1,4	36,1	10,0
Молоко жидкое обработанное	4944	4926	5267	5386	5349	5449	5569	5385	5568	101,3	54,80	2,0	1,0
Сливки	81	83	95	103	115	121	125	133	149	8,6	8,5	9,3	6,7
Творог	377	383	396	371	387	416	410	486	499	2,5	28,0	0,7	6,6
Масло сливочное	210	217	214	225	250	256	251	462	473	10,0	55,7	4,5	17,3
Сыры и продукты сырные	437	432	451	435	499	589	605	462	473	15,5	-6,5	3,4	-1,3
Продукты кисломолочные, кроме сметаны и творога	2388	2318	2430	2521	2520	2445	2492	2905	2825	33,0	76,3	1,4	2,9

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

Таблица 3. Корреляционный анализ производства и импорта основных импортозамещающих пищевых продуктов в России в 2010-2018 гг.

Вид продукции, тыс. т	2010	2012	2014	2016	2018	Коэффициент корреляции производства и импорта		
						2010-2018	2010-2014	2014-2018
Мясо крупного рогатого скота, свежее или охлажденное производство	220,0	178,0	185,0	195,0	226,0	0,0	-0,5	0,1
Импорт	19,7	59,9	101,5	92,0	100,5			
Мясо крупного рогатого скота, замороженное производство	43,0	36,0	43,2	49,9	64,5	-0,9	-0,4	-0,8
Импорт	607,1	597,9	531,7	271,8	244,4			
Свинина свежая, охлажденная или замороженная производство	812,6	1000,5	1535,1	2041,8	2684,0	-0,9	-0,8	-0,9
Импорт	642,1	735,4	372,3	258,7	61,3			
Мясо птицы свежее, охлажденное или замороженное производство	2774,0	3405,0	3979,0	4464,0	4795,0	-0,9	-0,8	-0,9
Импорт	688,1	527,5	454,5	225,1	221,7			
Изделия колбасные производство	2439,0	2533,0	2475,0	2436,0	2276,4	0,0	0,5	0,2
Импорт	7,2	35,6	50,5	36,0	34,5			
Рыба мороженая производство	2669,0	2777,0	2748,0	3007,0	2994,2	-0,8	-0,2	-0,8
Импорт	543,6	433,7	438,0	270,7	301,7			
Филе рыбное производство	88,4	110,4	131,1	161,7	174,7	-0,9	-0,8	-0,7
Импорт	137,4	123,7	125,4	61,9	70,1			
Молоко и сливки, несгущенные производство	5024,6	5362,2	5464,0	5694,0	5717,1	0,9	1,0	-0,7
Импорт	27,7	230,4	300,0	234,3	260,7			
Сливочное масло и прочие молочные жиры производство	210,0	214,0	250,0	251,0	472,6	-0,2	0,8	-0,5
Импорт	78,5	117,5	150,4	102,1	89,3			
Сыры и творог производство	814,0	847,0	886,0	1015,0	972,0	-0,8	-0,2	-0,9
Импорт	293,6	399,2	316,1	216,6	266,8			

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

Заключение

В том или ином формате элементы политики импортозамещения реализуются во многих странах мира, включая развитые экономики. Причины, формы и даже цели этой стратегии в современном варианте существенно отличаются от тех стратегий, которых придерживались развивающиеся страны в прошлом столетии. Так, в России политика импортозамещения реализуется вынужденно, под влиянием экзогенных факторов, и охватывает не только промышленный сектор, как в большинстве стран, но и сельское хозяйство. При этом именно производство продуктов питания показывает относительно весомые позитивные результаты. Несмотря на целый ряд трудностей, с которыми сталкиваются отечественные производители, сельскохозяйственное производство в нашей стране в целом характеризуется положительной динамикой развития, наиболее успешно – в сфере производства зерна и некоторых видов мясной продукции.

Анализ зарубежного опыта реализации стратегии импортозамещения показал, что затягивание этого периода, как правило, не приносит желаемых результатов. В связи с этим основная задача импортозамещения в аграрном секторе, на наш взгляд, заключается не только в увеличении объемов производства и снижении импортной зависимости, но самое главное – в повышении конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия как на внутреннем, так и внешних рынках, что позволит не только обеспечить продовольственную безопасность, но и осуществить постепенный переход к диверсифицированной экспортоориентированной экономике.

Литература

Кадочников П., Кнобель А., Ченцов А. Оценка масштабов импортозамещения в России в 2014–2016 гг. // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 1. С. 8–33.

Кондратьев В. Б. Новый этап глобализации: особенности и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 6. С. 5–17.

Королева А. Российское зерно завоевывает мир, имея проблемы в тылу // Эксперт онлайн. 2018. URL <http://expert.ru/2018/01/23/rossiya-vzyala-vtoroe-mesto-v-mirovom-zernovom-eksporte/>

Кузнецова О., Мельгуй А., Дворецкая Ю. Стимулирование социально-экономического развития сельского хозяйства России // Аграрная политика: проблемы и решения. 2018. № 8. С. 19–26.

Лявина М. Факторы эффективного агропродовольственного импортозамещения в России // Аграрный научный журнал. 2018. № 3. С. 83–89.

Подоба З.С., Тутова А.М. Чеболь как основа экспортно ориентированной экономики Республики Корея // Азия и Африка сегодня. 2018. № 3. С. 33–40.

Пребиш П. Актуальные проблемы социально-экономического развития. Латинская Америка. 1977. № 6. С. 44–52.

Aregbeshola R. Adewale Import substitution industrialisation and economic growth – Evidence from the group of BRICS countries // Future Business Journal. 2017. Vol. 3, Issue 2. P. 138–158.

Balassa B. Evaluation of the system of protection. In: Bela Balassa, & Associates (Eds.). The structure of protection in developing countries. Baltimore: Johns Hopkins Press. 1971. P. 71–88.

Balassa B., Bueno G., Kuczynski P.-P., & Simonsen M. Toward renewed economic growth in Latin America. Washington: Institute of International Economics. 1986. P. 216.

Bhagwati J. Anatomy and consequences of exchange control regimes. Cambridge: National Bureau of Economic Research. 1978. P. 238.

Hirschman O. Albert. The Political Economy of Import-Substituting Industrialization in Latin America // The Quarterly Journal of Economics. 1968. Vol. 82. № 1. P. 1–32.

Krueger O.A. Liberalization attempts and consequences. Massachusetts: National Bureau of Economic Research. 1978. P. 1–11.

Статья поступила 08.02.2019.

Для цитирования: Подоба З.С., Молдован А.А., Фаизова А.А. Импортозамещение сельскохозяйственной продукции в России // ЭКО. 2019. № 7. С. 123-139. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-123-139

Summary

Podoba, Z.S., Cand. Sci. (Econ.), Moldovan, A.A., Cand. Sci. (Econ.), Faizova, A.A., Cand. Sci. (Econ.), Saint Petersburg

Import Substitution of Agricultural Products in Russia

Abstract. The article deals with import substitution (IS) strategy, which has faced various criticisms over recent decades. However, after the financial and economic crisis of 2008–2009, in the context of a new phase of globalization in the 2010s IS got a second wind also in developed economies. Unlike most countries that adopt IS strategies in the industrial sector to accelerate industrialization, Russia implements IS most successfully in its agricultural sector, which makes the Russian case unique. The policy of IS in Russia was adopted after introduction of anti-Russian sanctions by the EU and the US in 2014. The analysis of Russia's foreign trade in agricultural products showed that following implementation of the IS strategy, the negative trade balance of agricultural products went down significantly while a growing share of agricultural exports in Russia's total exports was confirmed. With implementation of IS, the agricultural production in Russia, in general, is characterized by positive development dynamics. Despite a number of difficulties, the Russian agricultural sector may become the engine of the national economy. The main task of IS in

the agricultural sector of Russia is not only to increase production volumes, but to improve competitiveness both in domestic and foreign markets, which will contribute to transition to a diversified export-oriented economy.

Keywords: *import substitution; agriculture; foodstuffs; Russia*

References

Aregbeshola, R. Adewale (2017). Import substitution industrialisation and economic growth – Evidence from the group of BRICS countries. *Future Business Journal*. Vol. 3, Issue 2. Pp. 138–158.

Balassa, B. (1971). Evaluation of the system of protection. In: Bela Balassa, & Associates (Eds.). *The structure of protection in developing countries*. Baltimore: Johns Hopkins Press. Pp. 71–88.

Balassa, B., Bueno, G., Kuczynski, P.-P., & Simonsen, M. (1986). *Toward renewed economic growth in Latin America*. Washington: Institute of International Economics. P. 216.

Bhagwati, J. (1978). *Anatomy and consequences of exchange control regimes*. Cambridge: National Bureau of Economic Research. P. 238.

Hirschman, O. Albert. (1968). The Political Economy of Import-Substituting Industrialization in Latin America. *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 82. No. 1. Pp. 1–32.

Kadochnikov, P., Knobel, A., Chentsov, A. (2019). Assessment of Import Substitution Due to the Trade Embargo in Russia, 2014–2016. *Ekonomicheskaya Politika*. Vol. 14. No. 1. Pp. 8–33. (In Russ.).

Kondratyev, V.B. (2018). New globalization phase: key elements and perspectives. *World Economy and International Relations*. Vol. 62. No. 6. Pp. 5–17. (In Russ.).

Koroleva, A. (2018). Russian grain conquers the world, having problems in the rear. Expert online. Available at: <http://expert.ru/2018/01/23/rossiya-vzyala-vtoroe-mesto-v-mirovom-zernovom-eksporte/> (In Russ.).

Krueger, O. A. (1978). Liberalization attempts and consequences. Massachusetts: National Bureau of Economic Research. Pp.1–11.

Kuznecova, O., Melguy, A., Dvoreckaya, Yu. (2018). Stimulation of social and economic development of Russian agriculture. *Aic: Economics, Management*. No. 8. Pp. 19–26. (In Russ.).

Lyavina, M. (2018). Factors of effective agricultural import substitution in Russia. *Agrarian Scientific Journal*. No. 3. Pp. 83–89. (In Russ.).

Podoba, Z.S., Titova, A.M. (2018). Chaebol as the basis of export-oriented economy of the Republic of Korea. *Asia and Africa Today*. No. 3. Pp. 33–40. (In Russ.).

Prebish, R. (1977). Actual problems of social and economic development. *Latinskaya Amerika*. No. 6. Pp. 44–52. (In Russ.).

For citation: Podoba, Z. S., Moldovan, A. A., Faizova, A. A. (2019).

Import Substitution of Agricultural Products in Russia. *ECO*. No. 7. Pp. 123-139. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-123-139

Специфика экономики совместного потребления и условия ее развития

Б.Ж. ТАГАРОВ, кандидат экономических наук, Байкальский государственный университет, Иркутск. E-mail: batot@rambler.ru

Аннотация. Определены специфические черты модели совместного потребления, в том числе отличающие ее от других новых форм производства и потребления благ в цифровой экономике, таких как «уберизация» и «экономика доступа». Показано, что важными условиями существования данной модели являются наличие критической массы пользователей, обладающих социальной и экологической мотивацией, высокий уровень доверия внутри сервиса, низкий уровень транзакционных издержек и асимметрии информации и одобрение со стороны государства. Выявлена необходимость неэкономической мотивации участников, которая обусловлена конкуренцией данной модели с предпринимательским сектором. Показано, что некоммерческая направленность ресурсов, участвующих в совместном потреблении, является важным фактором конкурентоспособности данной модели. Определены факторы преодоления асимметрии информации в одноранговой экономике. Выделены факторы, влияющие на условия работы модели совместного потребления в России.

Ключевые слова: экономика совместного потребления; цифровая экономика; одноранговая экономика; информационная экономика; цифровые платформы

Введение

Массовое внедрение информационно-коммуникационных технологий привело к тому, что стоимость обмена информацией и высота барьеров подключения к сети Интернет снизились практически до нуля. По мере развития данного процесса взаимодействие в рамках иерархических структур стало заменяться горизонтальными связями и экономика начала приобретать «плоскую» форму. М. Кастельс, один из главных идеологов концепции информационной экономики, отмечает в качестве важнейшей ее черты сетевую логику базовой структуры [Кастельс, 2000]. Одной из характеристик сетевой экономики является равноправие ее участников, что позволяет использовать для ее описания термин «одноранговая экономика» (peer-to-peer economy)¹.

¹ По аналогии с одноранговой компьютерной сетью.

На раннем этапе развития сети Интернет распространение одноранговых взаимодействий в первую очередь было связано с процессами обмена информацией и информационными товарами. В настоящий момент изменению подвергаются способы организации производства и потребления также материальных товаров и услуг [Хусяинов, Урусова, 2017]. Благодаря кардинальному снижению транзакционных издержек, население и предприниматели получили возможность обмениваться благами напрямую (без посредников) и беспрепятственно объединять свои усилия для достижения общих целей, что меняет не только структуру экономики, но и открывает новые направления для исследований экономистов [Горев, Дюнина, 2018].

Развитие одноранговой экономики привело к появлению новых форм производства и потребления благ, одной из которых является экономика совместного потребления (collaborative consumption). Впервые данный термин был использован в 1978 г. (Felson, Spaeth), но лишь в последнее десятилетие феномен экономики совместного потребления привлек пристальное внимание исследователей.

Особенно важную роль построение одноранговой экономики играет в развивающихся странах, стремящихся преодолеть отставание от мировых лидеров, конкурентоспособность которых во многом основана на преимуществе в информатизации. Значимость концепции совместного потребления придает также повышение важности бережливого потребления для устойчивого развития экономики [Анохов, 2018]. Необходимость понимания природы экономики совместного потребления и условий ее развития обуславливает актуальность темы настоящей работы.

Специфика экономики совместного потребления

Ботсман и Роджерс, одни из первых исследователей феномена совместного потребления, определяют это явление как обмен и сдачу в аренду благ с помощью распределенных сетей [Botsman, Rogers, 2010]. Данное определение нуждается в уточнении, поскольку под него попадают практически все виды обмена, осуществляемые в рамках одноранговой экономики, включая продажу подержанных товаров через электронные доски объявлений, интернет-аукционы, биржи фрилансеров и многое другое.

Другие авторы (например, [Bardhi, Eckhardt, 2012; Lessig, 2008]) в качестве отличительной черты экономики совместного потребления называют ее арендный характер. По их мнению, в одноранговой экономике из-за снижения транзакционных издержек обмена люди предпочитают не приобретать товары в собственность, а получить их во временное пользование. Стремительное развитие таких сервисов, как Uber и Airbnb, во многом подтверждает справедливость этой позиции. Тем не менее специфику арендных отношений лучше отражает термин «экономика доступа» (access economy), поскольку они развиваются не только в направлении C2C, но и в моделях B2C, C2B, B2B и т.п.

Переход от традиционной капиталистической модели «фирма-потребитель» к совместному потреблению товаров и услуг на основе цифровых сервисов часто называют термином «уберизация» (от названия компании Uber) [Сизова, Хусяинов, 2018]. Модель уберизации предполагает создание цифровой площадки, позволяющей с минимальными затратами организовать C2C взаимодействие с помощью мобильных устройств с целью обмена различными видами благ. Термин «уберизация» делает акцент на полную автоматизацию всех информационных транзакций между участниками системы, но коммерческая направленность работы сервиса (как правило, речь идет о комиссии со сделок) не позволяет полностью отождествить эти две концепции. Коммерческий характер обмена между участниками «убер-экономики» приводит к появлению профессиональных продавцов с традиционно рыночным характером поведения, что противоречит духу совместного потребления.

К экономике совместного потребления вряд ли можно отнести и Mesh-модели, чья специфика заключается в «создании платформы совместного пользования, опирающейся на социальные медиа, когда компании с высокой степенью точности определяют и представляют персонализированные продукты и услуги в нужное время» [Хусяинов, Урусова, 2017]. Авторы, относящие Mesh-модель к концепции совместного потребления [Гански, 2011], руководствуются тем, что компании, работающие по данному принципу, организуют совместное потребление своих товаров и услуг, распределяя их временное пользование между клиентами

оптимальным для них и себя образом². Но, по нашему мнению, ключевым аспектом взаимодействия участников подобной модели бизнеса являются вертикальные отношения В2С, поскольку именно владелец бизнеса является главным звеном во всех сделках, что не соответствует идее одноранговой экономики.

Модель бизнеса, построенная с использованием аутсорсинга, также не может быть отнесена к одноранговым отношениям из-за долгосрочного характера взаимодействия сторон и необходимости спецификации ресурсов [Казарина, 2018]. Хотя развитие цифровых технологий, безусловно, расширило сферы использования данного инструмента.

Характер анализируемого явления хорошо отражает определение, использованное в отчете PwC³, в котором в качестве главной функции экономики совместного потребления указывается предоставление возможности извлекать деньги из недоиспользуемых активов. Тем не менее ряд исследований [Nagai и др., 2016] показывают, что при взаимодействии граждан в процессе передачи свободных активов, помимо финансовых, большую роль играют социальные и экологические мотивы. Поэтому наиболее подходящим для целей данной работы, на наш взгляд, будет определение, данное группой скандинавских ученых [Frenken et al., 2015], которые понимают под экономикой совместного потребления отношения между потребителями, связанные с передачей недоиспользуемых активов. Добавим, что такие отношения в рамках сервиса могут иметь как экономический, так и неэкономический характер.

Что касается видов совместного потребления, Ботсман и Роджерс выделяют три его разновидности [Botsman, Rogers, 2010] в зависимости от того, на основе какой организационной системы осуществляется процесс: передачи товаров во временное пользование (аренда автомобиля); рынков подержанной продукции (интернет-аукционы); системы, помогающей людям вести совместный образ жизни (площадки для организации совместных туристических поездок).

² Примерами бизнеса, построенного на Mesh-модели, являются коворкинг, аренда инструментов, организация совместных закупок и т.п.

³ Экономика совместного потребления. URL: https://www.pwc.fr/fr/assets/files/pdf/2015/05/pwc_etude_sharing_economy.pdf (дата обращения: 24.02.2019).

На наш взгляд, данная классификация требует уточнения в части исключения профессиональных предпринимателей, использующих передачу товаров и оказание услуг как источник регулярного дохода. Предприниматели могут быть участниками экономики совместного потребления, но лишь в том случае, если их участие связано с желанием предоставить недоиспользуемый актив, приобретенный ими для других целей⁴.

Некоторые авторы в каждом из видов совместного потребления выделяют сегменты по критерию источника мотивации людей к участию в системе. Например, Р. Белк [Belk, 2014] разделяет отношения, возникающие на «убероподобных» площадках, на «совместное потребление», связанное с социальными целями и «псевдосовместное использование», направленное на получение экономической выгоды. Дж. Хамари с соавторами [Hamari et al., 2016] на основе опроса пользователей главных сфер экономики совместного потребления⁵ показали невозможность четкого отделения пользователей с разной мотивацией друг от друга. По их мнению, такой подход является чрезмерно упрощенным, поскольку в каждой из сфер присутствует и экономическая, и социальная, и экологическая мотивация, соотношение которых зависит от множества факторов, включая тип участника (продавец или покупатель), его доход, возраст, пол и т.д.

Условия функционирования модели совместного потребления

Ботсман и Роджерс [Botsman, Rogers, 2010] определяют четыре условия, необходимых для устойчивой работы системы, организующей совместное потребление: общие интересы, наличие неиспользуемых ресурсов, высокий уровень доверия и критическая масса пользователей. Мы добавим к ним еще два: относительно низкий уровень транзакционных издержек и одобрение со стороны государства.

⁴ Например, предприниматель, сдающий в аренду складские помещения, не может быть частью экономики совместного потребления, поскольку он сам их потребителем не является. Другое дело, если предприниматель, допустивший ошибку в расчетах, арендовал излишние складские площади и, чтобы компенсировать часть арендной платы, предоставил к ним временный доступ другим лицам.

⁵ Были опрошены участники сервисов в пяти сферах: аренда автомобилей, совместный отдых и развлечения, аренда жилья, аренда инструментов и передача продуктов питания.

Общность интересов

На первый взгляд кажется, что наличие общности интересов (то есть социальных и духовных мотиваторов) участников сообщества не так уж важно для существования цифровой площадки. Действительно, множество людей предоставляют другим свободные активы, продают и покупают их с чисто экономическими целями, не задумываясь о возможности общения, чувстве причастности или защите окружающей среды. Но при таком чисто рыночном механизме взаимодействия в системе неизбежно начинают появляться профессиональные игроки, которые создают (приобретают) активы специально с целью извлечения прибыли, а не для личного пользования. Предприниматели, специализируясь на предоставлении благ, для обмена которыми создана площадка, имеют преимущество перед обычными владельцами недоиспользуемых активов за счет эффекта экономии от масштаба, лучшего знания рынка, инвестиций в рекламу и большего профессионализма. Поэтому в коммерческом сегменте одноранговой экономики простые потребители неизбежно будут вытеснены специалистами, занимающимися сдачей в аренду благ или оказанием услуг на регулярной основе⁶.

В то же время совместное потребление, построенное на общих разделяемых ценностях, например, желании познакомиться с новыми людьми, заботой о природе, помощи малоимущим, будет устойчивее, из-за отсутствия конкуренции со стороны рыночной модели взаимодействия. Неэкономическая выгода, получаемая от передачи активов, позволяет предоставлять их по более низкой цене, что также является конкурентным преимуществом модели совместного потребления.

Наличие неиспользуемых ресурсов

Под наличием неиспользуемых ресурсов здесь нужно понимать недозагруженность активов, приобретенных для каких-либо личных целей. Например, неиспользуемым активом может

⁶ Хотя определенная доля непрофессионалов, желающих предоставить свой недоиспользованный ресурс, возникший волей случая, всегда будет иметь место из-за их преимуществ в издержках. Например, профессиональный водитель, при установлении цены на междугороднюю поездку, будет учитывать в своих предельных издержках все явные (расходы на топливо) и неявные издержки (доход от альтернативного варианта использования автомобиля). Предельные издержки перевозки пассажира для автовладельца, направляющегося в другой город по своим личным делам, будут практически равны нулю.

быть дрель, купленная в период ремонта и лежащая без дела в остальное время, свободное место в автомобиле, временно высвободившиеся деньги, остатки еды или даже свободное время. Использование последнего актива для участия в экономике совместного потребления не является частью рынка труда, поскольку, как было отмечено, получение дохода в экономике совместного потребления не должно быть первичной целью. Тем не менее рост незанятого населения может повысить предложение услуг на цифровых площадках [Былков, Самарина, 2017], что с позиции общественной выгоды является аргументом в пользу поддержки подобных сервисов государством. Владение недоиспользованными активами (например, пустующим жильем во время отъезда его владельца в командировку или отпуск) связано с более низкими экономическими издержками, чем владение подобными активами предпринимателем. Поэтому, при прочих равных условиях, цена предложения при совместном потреблении будет ниже, нежели при чисто коммерческом использовании актива. Теоретически жилье может быть сдано за символическую цену, поскольку хозяину просто нужно, например, чтобы кто-нибудь присмотрел за ним во время его отсутствия.

Доверие

Высокий уровень доверия является важным фактором развития совместного потребления, поскольку взаимодействие происходит, как правило, между незнакомыми людьми. Уровень доверия зависит от ожидаемого уровня риска оппортунистического поведения участников сервиса и издержек получения информации об их «качестве». Другими словами, доверие к сервису зависит от уровня асимметрии информации между участниками системы и уровня риска проявления ее негативных последствий: неблагоприятного отбора и проблемы «принципал-агент».

Дж. Акерлоф в своей классической статье (1970) в качестве средства снижения асимметрии информации и предконтрактного оппортунизма привел следующие институты: гарантии, фирменные знаки, лицензирование и документы о качестве.

Проблема борьбы с постконтрактным недобросовестным поведением была рассмотрена в трудах по теории контрактов (см. работы Jensen, Meckling, 1976; Williamson, 1971; Hart, 1995). Согласно данной теории, для снижения оппортунизма со стороны

более осведомленной стороны необходимо следующее: наличие системы контроля, доступность деловой истории для участников рынка, санкции за нарушение условий контракта и общность интересов принципала и агента. Цифровизация взаимодействия участников системы и централизованный контроль со стороны организаторов сервиса обеспечивают выполнение этих условий и позволяют успешно бороться со всеми видами оппортунизма.

Тирер, Купман, Хобсон и Купер [Thierer et al., 2016] считают, что в условиях взаимодействия субъектов с использованием цифровых площадок проблема асимметрии информации преодолевается с помощью механизмов онлайн-репутации, низкого уровня издержек поиска информации, наличия гарантий со стороны организаторов площадки и фильтрации участников. Кроме того, большие массивы информации (big data), собираемые площадкой, позволяют использовать компьютерные алгоритмы для мониторинга транзакций и выявления недобросовестных участников.

Низкий уровень транзакционных издержек

Транзакционные издержки, связанные с потреблением и производством благ в рамках сервиса совместного потребления, являются ключевым фактором его востребованности. В свою очередь более высокий уровень доверия приводит к снижению транзакционных издержек [Мартьянов, 2018]. Перефразируя Р. Коуза [Coase, 1937], можно сказать, что экономический субъект будет заменять вертикальные иерархические отношения на рыночные горизонтальные в том случае, если последние будут связаны с меньшими издержками.

Наличие критической массы пользователей

Участие в системе сервисов совместного потребления является сетевым благом и подвержено действию сетевого эффекта. Это означает, что мотивация к подключению к системе появляется у пользователей только после достижения определенного количества участников (критической массы). Следовательно, существует необходимость дополнительного стимулирования к подключению к цифровой площадке на ранних этапах. Такими стимулами могут быть предоставление особых условий деятельности в сети, бесплатный доступ к сервисам, дифференциация тарифов, меры, формирующие позитивные ожидания потребителей [Дятлов, 2014].

Поддержка со стороны государства

Наличие одобрения со стороны государства стало актуальным в последние годы, в связи многочисленными случаями массовых протестов против сервисов Uber⁷ и Airbnb⁸. Протестовали в основном представители конкурирующих с ними традиционных моделей бизнеса, теряющие свои доходы. Данное противостояние отчасти носит институциональный характер, поскольку неравенство в условиях ведения бизнеса новыми цифровыми сервисами и «старожилами» во многом обусловлено правилами, установленными государством.

Рынки аренды жилья и пассажирских перевозок существуют уже давно, и для продавцов данных услуг созданы определенные процедуры, связанные со значительными для них издержками (лицензирование, сборы, налоги и пр.). Цифровые сервисы позволили зайти на эти рынки множеству игроков, которые могут предлагать свои услуги без соблюдения сложившихся правил.

Естественно, протестные настроения предпринимателей обращают на себя внимание властей, которые постепенно приходят к пониманию, что в новой информационной экономике существующие правила нуждаются в кардинальных изменениях. В одних случаях власти, идя на поводу у традиционных отраслей, запрещают цифровые сервисы, в других – устанавливают специальные требования⁹, в третьих – дают им «зеленый свет».

Вероятнее всего, рано или поздно жесткие ограничения будут отменены или существенно смягчены, поскольку для большей массы населения (рядовых потребителей) они невыгодны. К тому же многие меры по контролю традиционных форм бизнеса неэффективны для контроля экономики совместного потребления из-за ее цифрового характера [Суходолов и др., 2017]. Отметим, что это нередко приводит к ужесточению

⁷ Почему многие страны мира борются с революционным сервисом такси. URL: <https://meduza.io/feature/2015/06/30/za-chto-nenavidyat-uber> (дата обращения: 24.02.2019).

⁸ Мэрия Парижа против Airbnb. URL: <https://www.bfm.ru/news/406575> (дата обращения: 24.02.2019)..

⁹ Например, в 2017 году в Дании был введен закон, обязывающий Uber устанавливать счетчики на машинах, сенсоры на сиденьях и вести видеосъемку. В 2016 году в Берлине и Нью-Йорке была запрещена краткосрочная аренда жилья. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/13/07/2017/596762999a79477daleed4c5> (дата обращения: 24.02.2019).

государственной политики в отношении подобных сервисов. Для полноценного легального функционирования сервисов совместного потребления органам власти необходимо определить свою политику в отношении следующих проблем: обеспечение высокого качества товаров и услуг и борьба с мошенничеством; налогообложение участников сервисов, обеспечение защиты персональных данных, противодействия злоупотребления цифровой площадкой своей монопольной властью.

Развитие экономики совместного потребления в России

Благодаря высокому уровню развития информационной инфраструктуры Россия занимает 3-е место в мире по доступности широкополосного доступа к сети Интернет и 10-е – по стоимости сотовой связи¹⁰. Это стало причиной быстрого роста интернет-аудитории в нашей стране, которая, по итогам 2017 г., составила 76% от населения в возрастной группе 14–74 года¹¹. По этому показателю Россия ненамного отстает от США (84%) и других развитых стран.

Но если рассмотреть использование интернет-инфраструктуры, картина меняется. На начало 2018 г. Россия находилась лишь на 45-м месте в мире по уровню информатизации¹². Для дистанционного обучения в нашей стране используют Интернет 4% населения (в США – 20%, в Республике Корея – 20%, в Швеции – 18%, во Франции – 7%), для поиска работы – 10% (в США – 22%, в Германии – 20%, в Италии – 18%), для онлайн-покупок – 29% (в США – 57%, в Чехии – 56%, в Республике Корея – 58%)¹³.

Еще большее отставание от развитых стран наблюдается в использовании цифровых сервисов экономики совместного потребления. Университет Пенсильвании (США) ежегодно

¹⁰ URL: <https://finance.rambler.ru/other/38813423-pochemu-internet-v-rossii-namnogo-luchshe-chem-v-ssha/> (дата обращения: 24.02.2019).

¹¹ По данным Росстата URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/figure/anketal-4.html (дата обращения: 24.02.2019).

¹² Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Россия_в_ИТ-рейтингах (дата обращения: 24.02.2019).

¹³ Цифровая экономика: 2019: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 96 с.

рассчитывает Индекс экономики совместного потребления (The Timbro Sharing Economy Index)¹⁴ и, согласно их исследованиям, в 2018 г. Россия заняла 105-е место среди 213 государств, присутствующих в рейтинге.

Тем не менее совместное потребление развивается в нашей стране высокими темпами. В конце 2018 г. Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЕК) и ТИАР-Центр проанализировали развитие данного явления в России. Общий объем транзакций, совершенных с помощью цифровых платформ, достиг 511 млрд руб., что на 30% превышает аналогичный показатель 2017 г. При этом структура российской экономики совместного потребления выглядит следующим образом: 72% от общего объема сделок в денежном выражении было связано с С2С-продажами, 19% пришлось на оплату услуг фрилансеров, 5% – на аренду автотранспорта, 2% – на временный доступ к жилым помещениям. Также стоит отметить, что сервисы, объединяющие потребителей и продавцов, занимают ведущие позиции в Рунете. В 2019 г. в топ-20 самых дорогих интернет-компаний России (список Форбс¹⁵) вошли маркетплейсы Wildberries и Lamoda, С2С сервис Avito, сервис для получения услуг Youdo и образовательная платформа Skyeng.

Выделим факторы, положительно влияющие на создание условий для развития экономики совместного потребления в России, и проблемы, создающие препятствия для этого процесса. К позитивным моментам можно отнести следующие:

1) низкий уровень дохода (по сравнению с развитыми странами)¹⁶, что вызывает потребность в экономии средств и дополнительном заработке. Это создает спрос на блага, предлагаемые сервисами совместного потребления и одновременно предложение этих благ;

2) большая интернет-аудитория, составляющая 76% от всего населения России.

¹⁴ Timbro Sharing Economy Index. URL: <https://timbro.se/allmant/timbro-sharing-economy-index/> (дата обращения: 24.02.2019).

¹⁵ 20 самых дорогих компаний Рунета – 2019. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii-photogallery/372539-20-samyh-dorogih-kompaniy-runeta-2019-reyting-forbes?photo=2> (дата обращения: 24.02.2019).

¹⁶ ВВП России (по ППС) на душу населения более чем в два раза отстает от ВВП США. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(PPP\)_per_capita](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(PPP)_per_capita) (дата обращения: 24.02.2019).

Проблемы

1. Низкий уровень делового использования Интернет. Например, по данным РАЕК, количество самозанятых в России достигает 13–20 млн человек, но пользователями онлайн-бирж фрилансеров являются только 2,5 млн.

2. Низкий уровень доверия к социальным интернет-сервисам. Опрос, организованный Левада-центром¹⁷, показал, что более 80% жителей России с недоверием относятся к взаимодействию с помощью социальных сетей (в мире в среднем – 49%); 28,3% ответственных компаний отказываются доверять работу фрилансерам.

3. Низкий уровень наличия и качества неиспользуемых активов. Например, на одного россиянина, по данным ОЭСР, приходится в среднем 1 жилая комната (лишь 86,2% жилья благоустроено). Среднестатистический житель стран ОЭСР обладает почти двумя комнатами, а уровень благоустройства составляет 98%¹⁸.

Что касается поддержки работы цифровых сервисов государством, в России ситуация скорее более благоприятная, чем, например, в странах Евросоюза. Вероятно, это объясняется большей организованностью европейских профсоюзов (особенно сообществ таксистов), что приводит к большому давлению бизнеса на власть с целью ограничения работы конкурирующих онлайн-сервисов¹⁹.

В целом можно констатировать, что в России получают развитие сервисы, связанные с экономией средств и получением выгоды. Сервисы, ориентированные на удовлетворение, помимо экономических, социальных потребностей, вряд ли будут востребованы в ближайшие годы (хотя определенные подвижки есть). Причиной этого являются относительно низкие доходы населения.

Выводы

Спецификой экономики совместного потребления является построение взаимодействия пользователей вокруг неиспользуемых активов, изначальной целью приобретения или создания

¹⁷ Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/13/vsled-za-doveriem-k-vlasti-upaloi-doverie-k-televideniyu/> (дата обращения: 24.02.2019).

¹⁸ Исследование ОЭСР. URL: www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/housing-ru/ (дата обращения: 24.02.2019).

¹⁹ Жителям Берлина запретили сдавать квартиры через сайт Airbnb. URL: <https://www.interfax.ru/business/504541> (дата обращения: 24.02.2019).

которых не было извлечение дохода от их продажи и/или сдачи в аренду. Это означает, что профессиональные предприниматели, использующие передачу товаров и оказание услуг с помощью цифровой площадки для получения регулярного дохода, не являются участниками экономики совместного потребления.

Кроме того, в экономике совместного потребления большую роль играют социальные и экологические мотивы, что приводит к появлению проектов некоммерческой направленности. В то же время совместное потребление, связанное только с экономической мотивацией, постепенно вытесняется отношениями B2C.

В работе выделено шесть условий, необходимых для развития экономики совместного потребления. Это общие интересы пользователей системы, наличие неиспользуемых ресурсов, высокий уровень доверия между участниками, наличие критической массы пользователей, снижение транзакционных издержек и одобрение со стороны государства. Последнее условие стало особенно важным в свете многочисленных протестов со стороны традиционных отраслей бизнеса, не выдерживающих конкуренции с цифровыми площадками.

Также рассмотрено состояние экономики совместного потребления в России и факторы, влияющие на ее развитие.

Литература

Анохов И. В. Массовое и бережливое производство // Общество и экономика. 2018. № 7. С. 51–64.

Былков В. Г., Самарина М. В. Особенности функционирования мирового рынка труда в условиях экономического кризиса // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 3. Doi: 10.17150/2411–6262.2017.8(3).16. [Эл. ресурс]. URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=21742> (дата обращения: 24.02.2019).

Гански Л. Mesh-модель. Почему будущее бизнеса – в платформах совместного пользования? М.: Альпина Паблишер. 2011. 260 с.

Горев В. П., Дюнина О. П. Современная экономическая теория и экономические проблемы современного мира // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28, № 3. С. 426–433. Doi: 10.17150/2500–2759.2018.28(3).426–433.

Дятлов С. А. Сетевые эффекты и возрастающая отдача в информационно-инновационной экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 2(86). С. 7–11.

Казарина Л. А. Аутсорсинг функций как инструмент повышения конкурентоспособности фирмы // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9. № 1. Doi: 10.17150/2411–6262.2018.9(1).9. [Эл. ресурс]. URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=22012> (дата обращения: 24.02.2019).

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ. 2000. 458 с.

Мартьянов В. С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности // *Journal of Institutional Studies.* 2018. Т. 10(1). С. 41–58. Doi: 10.17835/2076–6297.2018.10.1.041–058.

Сизова И. Л., Хусяинов Т. М. Уберизация и формирование сетевой структуры занятости // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2018. № 1. С. 80–88.

Суходолов А. П., Колпакова Л. А., Спасенников Б. А. Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики // *Всероссийский криминологический журнал.* 2017. Т. 11. № 2. С. 258–267.

Хусяинов Т. М., Урусова Е. А. От общества потребления к экономике совместного пользования // *Философия хозяйства.* 2017. № 6. С. 132–146.

Bardhi F., Eckhardt G. Access based consumption: The case of car sharing // *Journal of Consumer Research.* 2012. № 39. Pp. 881–898.

Belk R. Sharing versus pseudo-sharing in Web 2.0 // *The Anthropologist.* 2014. Vol. 18(1). Pp. 7–23.

Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise Of Collaborative Consumption. 2010. 304 p.

Coase R. H. The Nature of the Firm // *Economica.* 1937. Vol. 4(16). Pp. 386–405.

Frenken K., Meelen T., Arets M., Van de Glind P. Smarter regulation for the sharing economy // *The Guardian.* 2015. 20 May.

Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. The Sharing Economy: Why People Participate in Collaborative Consumption // *Journal of the Association for Information Science and Technology.* 2016. № 67. Pp. 2047–2059. Doi: 10.1002/asi.23552.

Lessig L. *Remix: Making Art and Commerce Thrive in the Hybrid Economy.* New-York: Penguin Press. 2008. 352 p.

Thierer A., Koopman C., Hobson A., Kuiper C. How the Internet, the Sharing Economy, and Reputational Feedback Mechanisms Solve the “Lemons Problem” [Эл. ресурс]. URL: <http://repository.law.miami.edu/umlr/vol70/iss3/6> (дата обращения: 24.02.2019).

Статья поступила 25.02.2019.

Для цитирования: *Тагаров Б. Ж.* Специфика экономики совместного потребления и условия ее развития // *ЭКО.* 2019. № 7. С. 140-155. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-7-140-155

Summary

Tagarov, B.Z., Candidate of Economics Sciences, Baikal State University, Irkutsk
The Specifics of Sharing Economy and Conditions of its Development

Abstract. The article defines specific features of the collaborative consumption model and identifies its differences from other new forms of production and consumption of goods in the digital economy, such as “uberisation” and “access economy”. The author describes conditions for existence of sharing economy and motivations of its participants. The important conditions for existence of this model are social and environmental motivation, a high level of trust within the service,

presence of a critical mass of users, low transaction costs and asymmetry of information and approval by the state. It is revealed that the need for non-economic motivation among participants of a shared consumption service is due to competition of this model with the business sector. At the same time, the non-commercial orientation of resources involved in joint consumption is an important factor in the competitiveness of this model. The author determines factors of overcoming information asymmetry in the peer-to-peer economy and highlights factors influencing operational conditions of the joint consumption model in Russia.

Keywords: *sharing economy; digital economy; peer-to-peer economy; information economy; digital platforms*

References

- Anohov, I.V. (2018). Mass and lean production. *Obshchestvo i ekonomika Society and Economy*. No. 7. Pp. 51–64. (In Russ.).
- Bardhi, F., Eckhardt, G. (2012). Access based consumption: The case of car sharing. *Journal of Consumer Research*. No. 39. Pp. 881–898.
- Belk, R. (2014). Sharing versus pseudo-sharing in Web 2.0. *The Anthropologist*. Vol. 18(1). Pp. 7–23.
- Botsman, R., Rogers, R. (2010). What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. 304 p.
- Bylkov, V.G., Samarina, M.V. (2017). Features of functioning of the world labor market in the conditions of economic crisis. *Baikal Research Journal*. Vol. 8, No. 3. DOI: 10.17150/2411–6262.2017.8(3).16. (In Russ.). Available at: <http://brj-bgupep.ru/reader/article.aspx?id=21742> (accessed 24.02.2019).
- Coase, R.H. (1937). The Nature of the Firm. *Economica*. Vol. 4(16). Pp. 386–405.
- Dyatlov, S.A. (2014). Network effects and increasing returns in information and innovation economy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. Bulletin of St. Petersburg state University of Economics*. No. 2(86). Pp.7–11. (In Russ.).
- Frenken, K., Meelen, T., Arets, M., Van de Glind P. (2015). Smarter regulation for the sharing economy. *The Guardian*. 20 May.
- Ganski, L. (2011). Mesh-model. Why is the future of business in shared platforms? Moscow. Alpina Publisher. 260 p. (In Russ.).
- Gorev, V.P., Dyunina, O.P. (2018). Modern economic theory and economic problems of the modern world. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin of Baikal State University*. Vol. 28, No.3. Pp. 426–433. DOI: 10.17150/2500–2759.2018.28(3).426–433. (In Russ.).
- Hamari, J., Sjöklint, M., Ukkonen, A. (2016). The Sharing Economy: Why People Participate in Collaborative Consumption. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. No. 67. Pp. 2047–2059. DOI: 10.1002/asi.23552.
- Husayinov, T.M., Urusova, E.A. (2017). From the consumer society to the economy of joint use. *Filosofiya hozyajstva. Philosophy of Economy*. No. 6. Pp. 132–146. (In Russ.).
- Kastels, M. (2000). Informacionnaya ehpoza: ehkonomika, obshchestvo i kultura. *Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow. GU-VSHEH. 458 p. (In Russ.).

Kazarina, L.A. (2018). Outsourcing of functions as a tool to improve the competitiveness of the company. *Baikal Research Journal*. *Baikal Research Journal*. Vol. 9, No. 1. DOI: 10.17150/2411–6262.2018.9(1).9. (In Russ.). Available at: <http://brj-bgupep.ru/reader/article.aspx?id=22012> (accessed 24.02.2019).

Lessig, L. (2008). *Remix: Making Art and Commerce Thrive in the Hybrid Economy*. New-York: Penguin Press. 352 p.

Martyanov, V.S. (2018). Institutional trust as an economic resource: incentives and obstacles to efficiency. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 10(1). Pp. 41–58. DOI: 10.17835/2076–6297.2018.10.1.041–058. (In Russ.).

Sizova, I.L., Husyainov, T.M. (2018). Uberisation and the formation of network structures of employment. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Bulletin of the Tula state University. Humanities*. No. 1. Pp. 80–88. (In Russ.).

Suhodolov, A.P., Kolpakova, L.A., Spasennikov, B.A. (2017). Problems of combating crime in the sphere of digital economy. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. Russian Criminological Journal*. Vol. 11. No. 2. Pp. 258–267. (In Russ.).

Thierer, A., Koopman, C., Hobson, A., Kuiper, C. How the Internet, the Sharing Economy, and Reputational Feedback Mechanisms Solve the “Lemons Problem”. Available at: <http://repository.law.miami.edu/umlr/vol170/iss3/6> (accessed 24.02.2019).

For citation: Tagarov, B.Z. (2019). The Specifics of Sharing Economy and Conditions of its Development. *ECO*. No. 7. Pp. 140-155. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-140-155

Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте

Е.Т. АРТЕМОВ, доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург. E-mail: iia-history@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена реконструкции ключевых факторов, обеспечивших успех советского атомного проекта. Высшее руководство страны считало его реализацию первоочередной задачей. Поэтому для достижения генеральной цели атомного проекта – создания ядерного оружия – не жалели ни сил, ни средств. Но ими еще требовалось эффективно распорядиться. Для этого была проведена специальная настройка институтов командной экономики. Она предусматривала проектный принцип организации работы, «ручной» режим управления, поощрение конкуренции предприятий и ответственных исполнителей, дополняемой жестким «административным нажимом». В результате мобилизации обеспечили атомный проект всем необходимым, а нестандартные для практики социалистического хозяйствования подходы – эффективное, с точки зрения конечной цели, использование выделенных ресурсов. Но, как отмечается в заключении, принятые меры носили экстраординарный характер: они могли применяться лишь для точечных прорывов в развитии науки, техники, производства. Не случайно, даже при решении таких приоритетных задач, как создание ракетно-космической техники и радиоэлектронного вооружения, наработанные в атомном проекте подходы использовались лишь частично.

Ключевые слова: атомный проект СССР; командная экономика; мобилизация; конкуренция; Специальный комитет при Совете Министров СССР

Почти 70 лет назад, 29 августа 1949 г., Советский Союз испытал свой первый ядерный заряд. Это стало важной вехой в осуществлении атомного проекта СССР. Сегодня он справедливо ассоциируется с выдающимися прорывами в развитии науки, техники, производства. Однако сразу возникает вопрос: как советской экономике, отличавшейся, по утверждению многих, «врожденной» непроизводительностью (*inefficient*) и фундаментальной безответственностью (*fundamental irresponsibility*) [Эриксон, 2015. С. 101–109], удалось добиться такого результата? Достаточно ли для этого одной способности к массовым мобилизациям, дополняемой активным копированием иностранных технологий?

Разумеется, возможность концентрировать ресурсы на «решающих направлениях» была сильной стороной командной экономики в ее классическом сталинском варианте. Но для создания мощного работоспособного ядерно-оружейного комплекса требовалось найти пути и способы их эффективного

использования. Это было сделано в ходе целенаправленной «настройки» существующих институтов, в том числе за счет допущения конкуренции предприятий и организаций. Есть мнение, что такой подход мог применяться лишь при массовом выпуске однородной продукции, которую легко измерить, а в отраслях с высокотехнологичным производством «бюрократическая конкуренция» не работала [Олсон, 2012. С. 157]. Однако в атомном проекте она широко использовалась при решении самых сложных научных и производственно-технических задач и стала одним из ключевых факторов его успеха.

Мобилизационная стратегия

«Генеральная цель» атомного проекта заключалась в создании ядерного оружия. Высшее руководство страны считало ее достижение своей первоочередной задачей. Такое отношение было связано с появлением в результате Второй мировой войны двух сверхдержав: Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Принципиальное отличие их представлений о должном мировом порядке и «правильном» устройении общества привело к развязыванию «холодной войны». Огромным преимуществом в нарастающей конфронтации располагали Соединенные Штаты. Их неоспоримое превосходство в экономической мощи дополняла монополия на ядерное оружие. В случае прямого военного столкновения это угрожало обернуться для Советского Союза настоящей катастрофой. Лишь обладание таким же оружием могло гарантировать ему паритет возможностей с вероятным противником. Так у страны появилась «задача номер один». И это название атомного проекта использовалось даже в официальных документах.

Проект был запущен во время войны и завершен к концу 1950-х гг. Однако главные успехи в его реализации относятся к периоду с 1945 по 1953 гг. Тогда же в полном объеме были использованы нестандартные подходы к решению его задач [Artemov, 2018. Р. 103–105].

С самого начала советское руководство хорошо понимало, что создание ядерного оружия – чрезвычайно затратное дело. Тем более разведка доложила, во сколько это обошлось Соединенным Штатам. Было очевидно, что для достижения аналогичного результата Советскому Союзу предстоит напрячь все силы. И. В. Сталин санкционировал тотальную мобилизацию ресурсов

и поручил административному и научному руководству атомного проекта – Л. П. Берии и И. В. Курчатову – вести дело с «русским размахом» [Смирнов, 1994. С. 128, 129]. В результате затраты на атомный проект не лимитировались и удовлетворялись «независимо от степени обеспечения... других нужд народного хозяйства»¹. Это снимало все ограничения при планировании и проведении работ.

Заявки атомного проекта на материальные ресурсы автоматически включались Госпланом (затем Госнабпом СССР) в общесоюзные балансы распределения металлов, топлива, электроэнергии, оборудования, химикатов, строительных материалов и т.д. Установленные фонды и лимиты запрещалось аннулировать «до полной реализации». Заказы «смежникам» – поставщикам сырья, материалов, комплектующих и т.д. – оформлялись в виде особых нарядов с так называемой красной полосой («наискосок с угла на угол» страницы [Славский, 1998. С. 31]). Те, кому они адресовались, прекрасно знали об огромной ответственности в случае невыполнения заданий. Так была снята проблема дефицита.

Строительство атомных объектов разрешалось начинать без утвержденных проектов и смет и вести «по единичным расценкам». Финансирование капитальных работ и текущих затрат осуществлялось по статье «Специальные расходы», объем которых устанавливался «по фактической потребности». Минфин лишь уведомляли, сколько денег на эти цели он должен резервировать в госбюджете. Для непосредственных исполнителей заданий в Госбанке СССР была открыта специальная кредитная линия, позволяющая им беспрепятственно пополнять оборотные средства. Затем выданные кредиты погашались за счет госбюджета. Генеральным подрядчиком при строительстве атомных объектов выступал Главпромстрой МВД, располагавший неограниченными возможностями для привлечения подневольной рабочей силы. Кадровая проблема основного производства решалась путем массовых мобилизаций «лучших работников», отбираемых по всей стране.

¹ Атомный проект СССР. Документы и материалы: в 3 т. Т. 2: Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 2. М.: Наука: Физматлит; Саров: РФЯЦ – ВНИИЭФ, 2000. 640 с. [С. 207, 208].

Такие правила ставили атомный проект в исключительное положение. Однако это не означает, что на затраты вовсе не обращалось внимания. На практике существовали ограничения, не позволявшие безудержно завывать заявки на ресурсы. К тому же в директивный орган проекта – Спецкомитет – в разное время входили люди, отвечавшие за общее состояние дел в стране: Л. П. Берия, Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, Н. А. Булганин, которые не могли не учитывать иные нужды и объективные возможности экономики. Отсюда – известная «сдержанность» Спецкомитета в борьбе за ресурсы. После «разоблачения» Берия даже обвинили во «вредительской» экономии средств².

Как бы то ни было, работы велись с нарастающим размахом. В начале 1950-х гг. Первому и Второму главным управлениям при Совмине СССР (исполнительные органы атомного проекта) уже выделялось до 4% общего объема капитальных вложений по всем министерствам и ведомствам. Число занятых на их предприятиях и в организациях достигло 145 тыс. человек. Еще 190 тыс. работало на урановых рудниках и обогатительных фабриках в ГДР, Чехословакии, Болгарии, Польше. Доступные данные не позволяют оценить ни численность персонала «смежников», ни вложения в их развитие, очевидно одно: количество занятых на них исчислялось сотнями тысяч. Только в Главпромстрое МВД насчитывалось 260 тыс. заключенных, военных строителей и «вольнонаемного контингента» (в основном – бывших заключенных)³ [Артемов, 2017. С. 98, 263].

Концентрация ресурсов на задаче номер один вызвала определенную ревность и напряженность в «руководящих кругах». Но в сталинской жестко централизованной системе власти протестные настроения легко блокировались. Впрочем, большинство посвященных в суть атомного проекта признавали необходимость его ускоренной реализации. А чтобы никакие привходящие обстоятельства этому не мешали, была создана специальная управленческая вертикаль с беспрецедентными полномочиями.

² Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1999. 512 с. (Россия. XX век. Документы) [С. 326, 327].

³ Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 7. М.: Наука: Физматлит; Саров: РФЯЦ – ВНИИЭФ, 2007. 696 с. [С. 559].

Ручное управление

Руководство атомным проектом осуществлял Специальный комитет при Совмине СССР во главе с Л.П. Берией. Это был директивный орган, подотчетный только И.В. Сталину. В его дела не имели права вмешиваться никакие партийно-государственные инстанции, сам же Спецкомитет мог давать поручения любым подразделениями государственной власти и управления. Его исполнительными органами являлись Первое (ПГУ), а затем и Второе (ВГУ) главные управления при Совмине СССР. В их прямом подчинении находились предприятия и организации по добыче и переработке урановой руды, производству специальных материалов («ядерной взрывчатки» и т.д.), разработке и изготовлению «изделий». Одновременно они выполняли надведомственные функции: координировали и направляли деятельность различных министерств и ведомств в части выполнения теми заданий атомного проекта. Деятельность главных управлений и министерств-смежников жестко контролировали так называемые уполномоченные Совмина СССР – офицеры и генералы госбезопасности, подчинявшиеся лично Л.П. Берии. Таким образом, управленческие и надзорные функции в атомном проекте оказались сосредоточены в одних руках, чего в советской практике хозяйствования ни прежде, ни позже не наблюдалось. Это позволяло Спецкомитету добиваться выполнения своих решений, не оглядываясь ни на какие инстанции и установленные порядки.

Стратегию атомного проекта его глава обсуждал только с И.В. Сталиным. На специальных встречах они рассматривали вопросы принципиального характера: о приоритетах научно-технического поиска, сроках разработки и испытания «изделий», масштабах серийного производства ядерных боеприпасов и т.п. Как правило, Сталин поддерживал предложения Спецкомитета, иногда внося в них свои коррективы, после чего на материалах к таким встречам Берия собственноручно фиксировал: «Тов. Сталин согласен. Подготовить проект решения»⁴. В вопросах же оперативного управления Спецкомитет действовал совершенно

⁴ Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 3. М.: Наука: Физматлит; Саров: РФЯЦ – ВНИИЭФ, 2002. 896 с. [С. 623]; Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 5. М.: Наука: Физматлит; Саров: РФЯЦ – ВНИИЭФ, 2005. 976 с. [С. 665-668 и др.].

самостоятельно. Его решения оформлялись в виде постановлений правительства, которые Сталин утверждал «списком», ставя свой автограф на сопроводительных документах, после чего они автоматически становились для всех законом.

Задания привлекаемым к работе министерствам и ведомствам предварительно согласовывались с их руководством. В случае разногласий в сопроводительных записках к подготовленным в аппарате Спецкомитета директивным документам появлялась формулировка: «По проекту постановления имеются возражения со стороны ряда министерств», однако «ввиду особой важности и безусловной необходимости... просим утвердить представленный проект»⁵. Как правило, тем все и заканчивалось. Лишь в отдельных случаях, когда речь шла о масштабных изменениях производственных программ «смежников», вопрос выносился на заседание Спецкомитета. Поиски компромисса сопровождались жесткими столкновениями различных точек зрения. Последнее слово в этих спорах оставалось за Берией.

Все попытки исполнителей заданий переложить ответственность друг на друга сразу жестко пресекались. Отсюда – сверхоперативное исполнение любых заданий Спецкомитета. Приведем лишь один, но весьма показательный пример, как ПГУ получил необходимые помещения, а его сотрудники – достойное жилье. В послевоенной Москве эта проблема казалась неразрешимой. Однако принятое Спецкомитетом постановление гласило: «Обязать тт. Попова⁶ (созыв), Ванникова Б. Л.⁷, Чернышева В. В.⁸ в суточный срок рассмотреть и решить вопрос», что и было сделано^{9,10}.

Естественно, когда требовалось серьезное технико-экономическое обоснование, времени на исполнение решений отводилось больше, но в любом случае – на пределе возможного.

⁵ Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 3. М.: Наука: Физматлит; Саров: РФЯЦ – ВНИИЭФ, 2002. 896 с. [С. 683, 684].

⁶ Первый секретарь Московского горкома и обкома ВКП(б), председатель исполкома Моссовета.

⁷ Генерал-полковник, начальник Первого главного управления.

⁸ Генерал-полковник, заместитель наркома внутренних дел СССР.

⁹ Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Наука: Физматлит; Саров: РФЯЦ – ВНИИЭФ, 1999. 719 с. [С. 26, 27].

¹⁰ Атомный проект СССР: Документы и материалы в 3 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Наука: Физматлит; Саров: РФЯЦ ВНИИЭФ, 2000. 640 с.[С. 10-12].

Так, Б.Л. Ванникову, Н.А. Борисову¹¹ и И.В. Курчатову было поручено в «месячный срок» составить и согласовать со всеми заинтересованными министерствами и ведомствами календарный график проектирования, строительства и оснащения оборудованием комбинатов по производству плутония и оружейного урана¹². Отметим, что это конкретное задание было выполнено с опережением установленного срока. Очевидно, потенциальные исполнители и соисполнители действительно были вынуждены подстраиваться под нужды атомного проекта, игнорируя и собственные интересы, и другие привходящие обстоятельства.

Вначале работа в атомном проекте направлялась отдельными решениями Спецкомитета, затем ее перевели на «плановые рельсы». Однако принципиально ничего не изменилось. Сводное планирование в атомном проекте по сути сводилось к внутренним декларациям о намерениях, его показатели ни с кем не согласовывались и лишь систематически уточнялись и пересматривались Спецкомитетом в связи «со вновь открывшимися обстоятельствами». Так что руководство атомным проектом де-факто осуществлялось в ручном режиме. Это позволяло оперативно реагировать на постоянно возникавшие проблемы и расширяло поле для маневра ресурсами. Но для непосредственных исполнителей такой порядок создавал серьезные трудности: в любой момент они могли получить дополнительные задания. Поэтому, чтобы облегчить себе жизнь, их руководители стремились уменьшить напряженность первоначальных планов и завышали заявки на финансовое и материально-техническое обеспечение.

В Спецкомитете хорошо это понимали и часто поручали выполнение тех или иных дополнительных заданий за счет «внутренних резервов» исполнителей. В ряде случаев подобная мера срабатывала. Но при каких-либо сбоях исполнители всегда могли сослаться на объективные причины: недостаток ресурсов, отсутствие должного опыта, неотработанность технологий и т.д. Более действенным оказалось дублирование поручений, привлечение к выполнению одних и тех же работ сразу нескольких предприятий и организаций. Это и повышало вероятность выполнения задачи, и создавало конкурентную среду, позволявшую

¹¹ Заместитель председателя Госплана СССР.

¹² Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Наука: Физматлит; Саров: РФЯЦ – ВНИИЭФ, 1999. 719 с. [С. 27, 28].

сравнивать результаты и совершать осознанный выбор, в каком направлении двигаться дальше.

Конкуренция администраторов

Практика дублирования работ появилась уже на стадии запуска атомного проекта. Ключевой проблемой тогда была организация производства «ядерной взрывчатки» (делящихся материалов). Было известно, что в Соединенных Штатах для ее наработки использовались различные технологии. По такому же пути решили пойти и в Советском Союзе: запланировали построить сразу три комбината. Один – для производства плутония-239 в уран-графитовых и тяжеловодных реакторах. Другой – для получения урана-235 методом диффузионного разделения изотопов природного урана. На третьем планировалось применить электромагнитный способ обогащения урана. Стоимость строительства комбинатов оценивалась приблизительно одинаково, но ясности о реальных эксплуатационных издержках и технологичности их производства не было. Это предполагалось выяснить по ходу дела, после ввода комбинатов в строй. Так, собственно, и произошло.

Поскольку электромагнитный способ обогащения урана оказался чрезвычайно затратным, комбинат, использовавший данную технологию, «ликвидировали», передав его здания, сооружения и оборудование вновь организованному заводу по серийному производству ядерных боеприпасов. Два других комбината доказали свою эффективность, поэтому было принято решение о строительстве еще ряда аналогичных предприятий.

При создании ядерных боезарядов также использовались элементы конкуренции. Работа над первой атомной бомбой сначала велась по двум конструктивным схемам: с плутониевой и урановой начинкой. Но затем выяснилось, что последний вариант менее эффективен, и от него отказались. В конечном счете для серийного производства был выбран заряд составного типа, из плутония и оружейного урана. Такая физическая схема позволяла получить в полтора раза больше бомб из одного и того же количества делящихся материалов. В результате удалось заметно снизить затраты на наращивание ядерного арсенала.

Целенаправленное стимулирование «конструктивного соперничества» имело место и при создании термоядерного оружия. Первоначально работы шли по двум направлениям.

Группа Я. Б. Зельдовича рассматривала осуществление термоядерной реакции по физической схеме, условно называемой «труба». А группа И. Е. Тамма сосредоточилась на конкурирующем проекте – конструировании «слойки». Последнее направление оказалось более продуктивным, и работы по «трубе» приостановили. Занимавшихся этой тематикой сотрудников переориентировали сначала на создание «слойки», а затем – «настоящего», двухстадийного термоядерного заряда с использованием так называемой «третьей идеи» (по терминологии А. Д. Сахарова).

При выборе промышленной технологии производства «термоядерной взрывчатки» (дейтерида лития) также рассматривались два конкурирующих подхода.

До середины 1950-х гг. конструированием ядерного оружия занималось только КБ-11 (ныне ВНИИ экспериментальной физики, г. Саров). Затем появился еще один ядерно-оружейный центр – НИИ-1011 (сегодня ВНИИ технической физики, г. Снежинск). По официальной версии, это было необходимо для повышения устойчивости процесса разработки ядерного оружия в случае войны. Однако, по мнению самих разработчиков, главная причина все же заключалась в стимулировании соревновательности между различными направлениями, чтобы «старый кот (КБ-11 – Е. А.) не дремал» [Имамутдинов, 2013. С. 52].

«Параллелизм» в организации работы не ограничивался ядерно-оружейным комплексом. Его широко использовали при выдаче заданий министерствам-смежникам. Отбором непосредственных исполнителей занимались штабные и исполнительные структуры атомного проекта, представители которых прочесывали предварительно отобранные предприятия. Если создавалось впечатление, что намеченные кандидаты способны качественно и своевременно выполнить конкретное задание, с их руководством оговаривались условия подключения к атомному проекту. Профильным министерствам оставалось лишь оформить своим решением достигнутое согласие. Аргументы о загруженности предприятий отраслевыми планами, о выполнении работы другими коллективами и т.д. в расчет не принимались.

Практическое применение такого подхода хорошо иллюстрирует пример производства диффузионных машин, предназначенных для обогащения урана. Их конструирование и выпуск поручили двум флагманам советской индустрии: Горьковскому

машиностроительному (артиллерийскому) заводу № 92 Министерства вооружения и ленинградскому Кировскому заводу Министерства транспортного машиностроения. Оба предприятия располагали мощной производственной базой, имели сильные конструкторские подразделения, были укомплектованы квалифицированными кадрами, но заметно различались по своему технологическому опыту и культуре производства. Кировский завод специализировался на мелкосерийном изготовлении широкой номенклатуры уникального оборудования, а Горьковский занимался крупносерийным выпуском артиллерийского вооружения. Так что преимущество той или иной конструкторско-производственной школы нужно было еще доказать.

К концу 1946 г. оба завода изготовили по 20 машин собственной конструкции. В ходе испытаний явное превосходство показали горьковские образцы, поэтому ПГУ решило оснастить первую очередь комбината № 813 (по газодиффузионному обогащению урана) только ими. Но Кировскому заводу дали второй шанс – сменили руководство конструкторских подразделений и провели масштабную реконструкцию. Очередные испытания показали преимущество уже кировской техники. В результате вторую очередь комбината № 813 укомплектовали только этими машинами, а директор, он же главный конструктор Горьковского завода, проигравший этот раунд конкурентной борьбы, лишился своих постов. В свою очередь Министерство вооружения было вынуждено принять срочные меры по техническому переоснащению предприятия, и вскоре оно смогло предложить новые, усовершенствованные образцы важнейшего оборудования.

Таким образом, в течение 1946–1952 гг. было разработано свыше 40 конструкций диффузионных машин, из которых 17 (9 – производства Кировского завода и 8 – Горьковского) запустили в серию [Артемов, 2017. С. 127, 128]. Похожая картина наблюдалась при создании реакторов, высокочастотных индукционных вакуумных печей, прецизионных измерительных приборов и т.д.

В каждом конкретном случае организация работы на конкурентной основе имела свою специфику. Но было и много общего. Прежде всего, привлекаемые к ней производственные и научно-технические структуры не могли отказаться от «высокого доверия». Однако это не значит, что условия выполнения спускаемых «сверху» заданий не обсуждались. Потенциальным исполнителям

не возбранялось «торговаться», требовать расширения производственных мощностей, выделения дополнительных лимитов на материально-техническое снабжение и увеличения штатной численности персонала. Одновременно оговаривались «ударные» схемы оплаты труда, меры по расширению закрепленного за коллективами жилого фонда и обеспечению работников дефицитными промышленными и продовольственными товарами.

В управленческих структурах атомного проекта «с пониманием» относились к подобным запросам и не экономили на мелочах. Однако следует отметить, что все бонусы жестко увязывали с выполнением конкретных заданий, количественные и качественные параметры которых максимально детализировались. Порой возникала проблема реальности утверждаемых планов, но она не была критичной. Члены Спецкомитета и их советники из штабных структур атомного проекта хорошо представляли (в том числе благодаря развединформации), какие задачи решаемы, к чему нужно стремиться и в чем можно обойти вероятного противника.

В любом случае задания выдавались под личную ответственность руководителей предприятий, организаций и направлений работ, с которых спрашивали «по полной программе». Так соперничество производственных и научно-технических структур трансформировалось в конкуренцию администраторов с ее «искусственным отбором».

Дилемма «ответственных исполнителей»

Принятая организация работы предъявляла особые требования к руководящему составу атомного проекта. Поэтому к его подбору Спецкомитет подходил очень тщательно. Желание кандидатов и мнение их непосредственного начальства в расчет не принимались. Но если ведущих ученых старались убедить принять предложение, обещая «все возможности для научной работы» и «лучшие материальные условия» [Сахаров, 2016. С. 147], то с администраторами и хозяйственниками особо не церемонились. Их просто уведомляли о мобилизации, не оставляя шанса отказаться. Когда будущий министр среднего машиностроения Е.П. Славский попытался оспорить свой перевод в ПГУ, заместитель председателя Совмина СССР А.И. Микоян задал риторический вопрос: «Кто ... пойдет к товарищу Сталину,

чтобы он отменил решение?» [Славский, 1998. С. 18, 19]. Затем уже сам Славский на своем посту в структуре атомного проекта действовал аналогичным образом. Пытавшемуся освободиться от мобилизации он мог заявить: «Работать все равно будешь. Под конвоем водить будем» [Брохович, 1996. С. 43].

Стремление многих кандидатов «уклониться от призыва» было вполне объяснимо. Отсутствие видимых сбоев в работе еще не гарантировало стабильного положения. А при их наличии неизбежно следовали репрессии. Под санкции могли попасть даже руководители высшего ранга. Так произошло с организаторами разведки урановых месторождений. В середине 1940-х гг. их поиск развернулся в различных районах страны, с тем, чтобы по мере накопления данных сосредоточить усилия на наиболее перспективных территориях. Однако реализовать должным образом эту стратегию, санкционированную Спецкомитетом, не удалось. Министерство геологии затянуло стадию предварительной разведки в ущерб детальной, совмещенной с подготовкой к освоению открытых проявлений урана. Срыв планов увеличения промышленных запасов урана привел к тому, что министра геологии и его первого заместителя обвинили в «политических и организационных ошибках» и освободили от занимаемых постов. Ряд других руководящих работников и ведущих специалистов отрасли, якобы «злонамеренно... направлявших геологические разведки по ложному пути», отдали под суд¹³.

И все же уголовное преследование руководящих работников было скорее исключением. Как правило, «разъяснительных бесед» вполне хватало. В подтверждение можно привести пример организации промышленного выпуска «термоядерной взрывчатки» (дейтерида лития). Возглавить эту работу поручили заместителю начальника ПГУ генерал-лейтенанту Н. И. Павлову. К тому времени уже были опробованы два варианта промышленного производства критически важного продукта. Первый предполагал приспособление для этих целей действующей установки, не отличавшейся высокой производительностью. Второй был более эффективным, но для доработки его технологии, изготовления и монтажа оборудования требовалось дополнительное время.

¹³ Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 4. М.: Наука: Физматлит; Саров: РФЯЦ – ВНИИЭФ, 2003. 816 с. [С. 282-285, 313-320].

Чтобы не допустить срыва установленных сроков, Н. И. Павлов решил сосредоточить усилия на первом варианте и просчитался. Производство с трудом набирало обороты, и его обвинили в «негосударственном подходе» к выполнению важнейшего правительственного задания. На специальном совещании Л. П. Берия, по воспоминаниям академика А. Д. Сахарова, заявил примерно следующее: «Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы вас наказывать не будем, надеемся, вы исправите ошибку, но помните, что у нас в тюрьме места много». Разумеется, Н. И. Павлов сразу же «перестроился», и прогрессивная технология производства дейтерида лития была освоена в кратчайшие сроки [Артемов, 2019. С. 41].

Другой яркий пример предоставления второго шанса и одновременно – круговой поруки ответственных лиц связан с вводом в строй комбината № 813 по газодиффузионному обогащению урана. Его первую очередь построили раньше, чем на параллельно возводимом, конкурирующем предприятии с электромагнитной технологией обогащения. Однако на стадии пусконаладочных работ обнаружилось, что конечный продукт не доходит до «нужной кондиции». Для выяснения причин неувязки созвали специальное совещание. Но ни разработчики диффузионной технологии, ни руководители комбината и стройки не смогли вразумительно объяснить, в чем дело. Обращаясь к ним, Берия заявил: «Страна дала вам все, что вы просили. И мы теперь вправе ожидать от вас полного исполнения задания». А затем заключил: «Даю вам три месяца... но предупреждаю, что если вы не обеспечите все, что от вас требуется... сушите сухари» [Петросьянц, 1993. С. 85, 86]. Установленные сроки были зафиксированы в правительственном постановлении, комбинат и стройка получили дополнительные ресурсы, для доработки технологии привлекли свежие научно-технические силы, в том числе немецких специалистов. В результате уже к концу 1950 г. комбинат вышел на проектную мощность.

На всех причастных к этому событию «пролился дождь» правительственных наград и премий. И было за что. Советский Союз самостоятельно овладел диффузионной технологией обогащения урана всего на четыре года позже Соединенных Штатов. Во всем мире лишь две страны смогли повторить этот успех – Великобритания, запустившая в 1956 г. свой газодиффузионный

завод, и Франция, которая ввела в строй аналогичное предприятие в 1967 г. [Артемов, Бедель, 1999. С. 54–65].

Жесткий спрос и круговая порука побуждали «ответственных исполнителей» действовать, не жалея ни себя, ни других. Но, естественно, не только чувство самосохранения подвигало их к достижению результата любой ценой. Важную роль в мотивации «атомной элиты» играла уверенность в значимости их дела для страны. Судя по многочисленным свидетельствам, подавляющее большинство участников атомного проекта считало, что, создавая ядерное оружие, они защищают советские города от участи Хиросимы и Нагасаки. К этому добавлялось стремление к самореализации и упрочению социального статуса, желание добиться успеха в профессиональном и карьерном росте. Такие ожидания нередко сбывались. Отличившихся щедро отмечали высокими наградами, им были созданы выдающиеся, по послевоенным меркам, материальные условия жизни. Атомный проект стал стартовой площадкой для карьерного взлета многих высших руководителей позднесоветской эпохи. Достаточно отметить, что три последних президента АН СССР – М. В. Келдыш, А. П. Александров, Г. И. Марчук – сделали себе имя как крупные организаторы науки, участвуя в его реализации.

Установленный в атомном проекте порядок организации работы доказал свою результативность. В год смерти И. В. Сталина СССР располагал 120 ядерными боезарядами, а во второй половине 1950-х гг. их число превысило тысячу единиц [Харитон, Бриш, 2010. С. 199]. Они были обеспечены необходимыми средствами доставки, боевого управления и развитой инфраструктурой для испытания и подготовки к применению. Создание мощного ядерно-оружейного комплекса потребовало огромных средств, причем использовались они вполне рационально. По крайней мере, затраты на советский атомный проект в 1945–1953 гг. и аналогичную американскую программу в 1941–1950 гг., были, при сопоставимых результатах, приблизительно одинаковы [Котельников, Тумбасов, 1999. С. 327]. Таким образом, в данном случае командная экономика сработала весьма эффективно. Правда – за счет экстраординарных мер. По сути, атомный проект

представлял собой «государство в государстве» со своими правилами игры. Мобилизации обеспечили ему неограниченный доступ к ресурсам, а направляемая «сверху» конкуренция в сочетании с жестким «административным нажимом» позволяла добиваться наилучших результатов. Но такая модель организации производства не могла применяться в широких масштабах. Экономика страны просто не выдержала бы расширения числа «особых зон». Не случайно даже при создании ракетно-космической техники и систем радиоэлектронного вооружения, также считавшихся приоритетными направлениями, действовавшие в атомном проекте правила применялись лишь выборочно.

Литература

- Артемов Е. Т., Бедель А. Э.* Укрощение урана. Екатеринбург: СВ-96, 1999. 352 с.
- Артемов Е. Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 343 с.
- Артемов Е. Т.* Кадровые мобилизации в «социалистической системе хозяйствования»: случай атомного проекта // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 1 (37). С. 38–44.
- Брохович Б. В.* Химический комбинат «Маяк». История. Серпантин событий. Озерск: Типография ПО Маяк, 1996. 172 с.
- Имамутдинов И.* Просто очень интересная наука: академик Аврорин рассказывает о том, как были созданы лучшие ядерные советские заряды и как военные разработки использовались в народном хозяйстве // Эксперт. 2013. № 14 (8–14 апреля). С. 50–54.
- Котельников Р. Е., Тумбасов В. А.* Атомный проект СССР – дерево целей, ресурсы, усилия, результаты (1945–1950 гг.) // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940–1950 гг.): труды междунар. симпоз. ИСАП-96. М.: ИздАТ, 1999. С. 162–203.
- Олсон М.* Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012. 210 с.
- Петросьянц А. М.* Дороги жизни, которые выбирали нас. М.: Энергоатом, 1993. 304 с.
- Сахаров А. Д.* Воспоминания 1921–1971: так сложилась жизнь. М.: Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2016. 560 с.
- Славский Е. П.* Из воспоминаний старого атомщика // Е. П. Славский: страницы жизни. М.: ИздАТ, 1998. С. 6–42.
- Смирнов Ю. Н.* Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 125–130.
- Харитон Ю. Б., Бриш А. А.* Ядерное вооружение // Вооружение России: в 2 т. М.: ИД Оружие и технологии, 2010. Т. 1. Советская военная мощь. С. 163–203.
- Эриксон Р.* Командная экономика и ее наследие // Экономика России. Оксфордский сборник. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 101–165.

Artemov E. The Soviet Atomic Project. Ingredients of Success // Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 49, № 2. P. 102–121.

Статья поступила 11.03.2019.

Для цитирования: *Артемов Е. Т. Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте// ЭКО. 2019. № 7. С. 156-172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-156-172*

Summary

Artemov, E.T., Doctor of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg

Mobilizations and Competition in the Soviet Nuclear Project

Abstract. The focus of the article is reconstruction of key success factors of the Soviet nuclear project. The country's leadership considered its implementation the highest national priority. Therefore, the authorities spared no efforts or means to achieve the ultimate goal of the nuclear project – creation of nuclear weapons. However, the project success depended also on efficient management of pooled resources. For this purpose, the government performed special 'fine tuning' of centrally managed economic institutions. This involved project-based organization of work, 'manual' management mode, encouraging competition between companies and 'responsible persons', supplemented with hard 'administrative pressure'. As a result, successive mobilizations provided the nuclear project with all required support, whereas approaches extraordinary for 'socialist economy' practice ensured effective, in terms of reaching the ultimate goal, use of allocated funds and resources. However, as the author concludes, the actions taken by the government were extraordinary: this model could not be replicated for other breakthrough development projects in research, technology, or production. It was not without a reason that even in addressing the tasks of highest national priority, e.g. development of rocket and space technology and electronic warfare systems, the government did not fully rely on solutions developed for the nuclear project implementation.

Keywords: *USSR atomic project, command economy, mobilizations, competition, Special Committee for the USSR Council of Ministers*

References

Artemov, E.T. (2017). *Atomic project in the coordinates of the Stalinist economy*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 343 p. (In Russ.).

Artemov, E.T. (2019). Personnel mobilization in the «Socialist economic system»: nuclear project case. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*. No. 1 (37). Pp. 38–44. (In Russ.).

Artemov, E.T., Bedel A.E. (1999). *Taming uranium*. Ekaterinburg, SV-96. 352 p. (In Russ.).

Artemov, E.T. (2018). The Soviet Atomic Project. Ingredients of Success. *Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 49, No. 2. Pp. 102–121. (In English).

Brokhovich, B.V. (1996). *Chemical plant "Mayak". Story. Serpentine Event*. Ozersk, Tipografiya PO Mayak. 172 p. (In Russ.).

Erikson, R. (2015). Command economy and its legacy. *Ekonomika Rossii. Oksfordskiy sbornik*. Moscow, Izdatelstvo Instituta Gaydara. Pp. 101–165. (In Russ.).

Imamutdinov, I. (2013). Just a very interesting science: Academician Avrorin talks about how the best Soviet nuclear charges were created and how military developments were used in the national economy. *Exspert*. No. 14 (April 8–14). Pp. 50–54. (In Russ.).

Khariton, Yu.B., Brish, A.A. (2010). Nuclear weapons. *Vooruzhenie Rossii: in 2 v*. Moscow, ID Oruzhie i tekhnologii. Vol. 1. Pp. 163–203. (In Russ.).

Kotelnikov, R.E. Tumbasov, V.A. (1999). Atomic project of the USSR – a tree of goals, resources, efforts, results (1945–1950). *Nauka i obshchestvo: istoriya sovetskogo atomnogo proekta (1940–1950 gg.): trudy mezhdunar. simpoz. ISAP-96*. Moscow, IzdAT. Pp. 162–203. (In Russ.).

Olson, M. (2012). *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. Moscow, Novoe izdatelstvo. 210 p. (In Russ.).

Petrosyants, A.M. (1993). *The roads of life that chose us*. Moscow, Energoatom. 304 p. (In Russ.).

Sakharov, A.D. (2016). *Memories 1921–1971: this is how life was formed*. Moscow, Azbuka-Attikus, KoLibri. 560 p. (In Russ.).

Slavskiy, E.P. (1998). From the memories of an old atomist. *E.P. Slavskiy: stranitsy zhizni*. Moscow, IzdAT. Pp. 6–42. (In Russ.).

Smirnov, Yu.N. (1994). Stalin and the atomic bomb. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. No. 2. Pp. 125–130. (In Russ.).

For citation: Artemov, E.T. (2019). Mobilizations and Competition in the Soviet Nuclear Project. *ECO*. No. 7. Pp. 156–172. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-156-172

Инсценирующая диктатура: судебный процесс «Промпартии» 1930 г.

С.А. КРАСИЛЬНИКОВ, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, профессор, Новосибирский государственный университет, Новосибирск.
E-mail: krass49@gmail.com

Аннотация. Поиск сталинским руководством в 1930 г. путей преодоления нараставших кризисных ситуаций внутри страны и за рубежом (рост социальной напряженности и протестных настроений в обществе по отношению к власти, межгосударственные торгово-экономические конфликты и т.д.) делал неизбежным уже апробированное обращение к технологиям социальной мобилизации в борьбе против «внутренних и внешних врагов» с использованием юстиции. Суд над мифической «Промпартией» стал первым в СССР полностью постановочным политическим процессом. В ходе его проведения властью впервые столь масштабно применялись в своем сочетании современные пропагандистские средства (киносъемка, радиотрансляция из зала суда, подневное освещение слушаний в газетах практически идентичное стенограмме) для воздействия на общественное сознание не только населения СССР, но и левых и рабочих движений зарубежных стран. Процесс «Промпартии» обладал также своей оборотной стороной, скрывавшей цели и намерения его организаторов, реконструировать которые позволяют служебные документы и материалы партийно-государственных и чекистских органов. В статье анализируется проблема возможностей и ограничений использования сталинским руководством данного судебного процесса в качестве средства управления поведением масс в раннесоветском обществе.

Ключевые слова: открытые судебные процессы; мифическая «Промпартия»; Сталин; Рамзин; Франция; интервенционизм»

«Если враг не сдается...».

Большевистские судебные процессы как симбиоз идеологии и репрессий

25 ноября 1930 г. в Москве начался продолжавшийся тринадцать дней и носивший ярко выраженный политико-пропагандистский характер открытый судебный процесс по т.н. делу «Промышленной партии» («Промпартии»). Восемь подсудимых обвинялись, а затем были приговорены по различным пунктам статьи 58-й УК РСФСР, в большинстве своем имевшим «растрельную окраску». Для советской юстиции процесс имел беспрецедентный характер по степени публичности его проведения и освещения. Помимо публики в зале, насчитывавшей более

полутора тысяч чел. и менявшейся по установленному порядку на каждом заседании, а также освещения каждого судебного дня в газете «Известия» с почти стенографической точностью, в зале суда работала группа кинодокументалистов, снимавших звуковой документальный фильм, велась радиотрансляция. Ничего подобного советская судебно-пропагандистская машина более не предпринимала. На процессе присутствовали журналисты крупнейших западных изданий, как левой, так и консервативной и антикоммунистической направленности, неподвластных советскому цензурному контролю.

Уже на стадии публикации в газете «Известия» «Обвинительного заключения» (11 ноября 1930 г.), а также в ходе процесса и по его завершении (приговор спецприсутствия Верховного Суда СССР был оглашен 7 декабря) сформировались две противоположные трактовки: официальная советская, доказывавшая правовую обоснованность обвинения и приговора, и «антисоветская», указывавшая на политическую ангажированность процесса, его постановочность, недоказанность вины подсудимых и т.д. Советская трактовка, практически исчезнувшая в постсоветский период из отечественной историографии и учебников, ныне заменена противоположной. Однако «победа» последней означала лишь механическую переполюсовку оценок без серьезного правового и историко-ретроспективного анализа того, что представлял собой его феномен. Отсюда вопросы: *Зачем в 1930 г. власти потребовался новый «вредительский» процесс? Почему ему был придан формат «Промпартии»? Какими методами и средствами он обеспечивался? Были ли достигнуты поставленные его организаторами цели?*

По своему драматическому воздействию на дальнейший ход отечественной истории 1930-й год ныне обоснованно помещается в ряд таких «переломных» дат, как 1917-й, 1937-й, 1941-й. Начавшись с январских партийных решений «о ликвидации кулачества как класса», санкционировавших форсированную принудительную коллективизацию и массовую высылку части крестьянских семей в спецпоселки, этот год завершался событием, напрямую затронувшим городские слои населения – судебным политическим процессом над группой научно-технической интеллигенции, обвинявшейся в создании и деятельности т.н. «Промышленной партии». По аналогии с тремя крупнейшими

политическими процессами 1936–1938 гг. («Большими московскими процессами») над бывшими партийными и государственными лидерами страны, можно говорить о проведении на рубеже 1920-х – 1930-х гг. также трех «Больших вредительских процессов» – «Шахтинского» (1928), «Промпартии» (1930), «Меньшевистского» (1931). Эти показательные судебные процессы, имевшие одну общую основу – «вредительство», характеризовали начальную фазу (пролог) формирования сталинского режима, тогда как «троцкистско-бухаринские» процессы знаменовали завершение (утверждение) сталинизма.

Говоря о сходстве и различиях «вредительских» и «элитных» процессов в сталинскую эпоху, следует, прежде всего, выделить *общие причины их организации*. Они порождались самой природой тоталитарного режима, в основе которого – соединение мобилизационных и охранительных принципов с идеологическим их обеспечением. Данная триада составляла фундамент механизма власти в его взаимодействии с социальными слоями и группами во всех ключевых сферах (политика, экономика, культура, мировоззрение).

Показательные процессы, не имевшие ничего общего с правосудием, кроме судебной формы осуществления репрессий, выступали практически идеальным инструментом *массовой социальной мобилизации* с целью консолидации и вовлечения широких слоев в реализацию грандиозных целей и программ «построения социализма» («борьба за») путем эксплуатации образа «врага» («борьба против» «спеца-вредителя», «троцкиста» и т.д.). *Охранительная функция* этих квазисудебных процессов реализовывалась двояко: в изоляции не столько потенциально опасных, сколько вымышленных противников режима (организованного антибольшевистского сопротивления после завершения Гражданской войны в стране не существовало) и в превентивных действиях (групповые и массовые аресты «врагов» формировали атмосферу страха и неуверенности в тех профессиональных группах, где репрессии осуществлялись). *Идеолого-пропагандистское сопровождение* показательных судебных процессов позволяло обеспечивать практически тотальное воздействие машины Агитпропа на массовое сознание населения страны. Помимо этого, предпринимались значительные усилия для распространения большевистской пропаганды о процессе в зарубежных странах.

Показательные процессы на рубеже 1920–1930-х годов были актуальны в немалой степени еще и потому, что в советском обществе постоянно нарастала социальная напряженность. Они давали возможность канализировать массовое недовольство властью в сторону «врагов», поддерживать и культивировать идею социального реванша и возмездия, которая находила достаточно ожидаемый отклик в рабочей среде. Сформировавшаяся в 1928 г. в ходе подготовки и проведения Шахтинского судебного процесса платформа социальной ненависти к «спецам-вредителям» как носителям новой, пришедшей на смену «военной», формы контрреволюции («экономической»), имела все условия для того, чтобы быть воспроизведенной, что и произошло в конце 1930 г.

Что изменилось внутри страны и в мире за полтора года? Кризис в отношениях между большинством населения страны (не только крестьянством, но и рабочими) и институтами власти углублялся и приобретал новые формы. «Низовое» недовольство было опаснее открытого протестного поведения: волнения в городах и на производстве, связанные с перебоями в снабжении самыми необходимыми товарами и продовольствием, повышением интенсивности при ухудшении условий труда были чреваты своей непредсказуемостью. Кризис доверия к власти дополнялся и усиливался внутриэлитными столкновениями и противоречиями (разгром «правого уклона»). С конца 1929 г. наряду с социальной войной (против деревни) началась «кадровая революция» в собственных рядах («генеральная чистка» аппаратов управления и «чистка» рядов партии).

Внутриполитический кризис дополнялся начавшимся и принявшим затяжной характер мировым экономическим кризисом. В 1930 г. развернулись настоящие торгово-экономические войны, в том числе предпринятые группой западных стран против советского экспорта – от ограничений до частичного или полного запрета отдельных его видов. В логике мышления Сталина и его окружения такого рода действия означали близость и даже неизбежность вооруженной иностранной интервенции против СССР, которая не могла быть успешной без поддержки со стороны «внутренней контрреволюции». Главным резервом последней считалось «вредительство». В таком сочетании действия внутренних и внешних факторов и потребовалось организовать новый «Большой вредительский процесс» по «делу «Промышленной

партии»», проходивший с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов.

Целеполагание. Политический заказ. Почему «Промпартия»?

В рамках современных концепций, объясняющих характер и природу показательных процессов раннесталинской эпохи, популярная модель «угрозы и вызова» в меньшей степени применима к объяснению данного феномена, нежели модель социальной мобилизации. Непосредственных внутренних и внешних угроз существованию большевистской власти, помимо тех, которые она порождала своими действиями, в стране на тот момент не было. Были и широко использовались технологии превентивного характера, позволявшие поддерживать высокий уровень социальной напряженности и конфликтности в обществе, с применением идеологических догм и пропагандистских стереотипов об «обострении классовой борьбы» и «СССР как осажденной крепости», вызванные необходимостью решать внутривнутриполитические проблемы.

Однако только этими целями значимость самого инструмента судебного процесса не исчерпывалась. Планируя процесс, Сталин рассматривал необходимость придания ему международного характера. Возможность («подготовка») иностранной интервенции под эгидой Франции с вовлечением в конфликт стран т.н. санитарного кордона, граничивших с СССР, должна была, в логике марксистской доктрины, столкнуться с противодействием и массовыми протестами со стороны коммунистического и рабочего движения, левых кругов интеллигенции стран Европы. Внешнеполитическая составляющая замысла будущего процесса заключалась в развертывании мощной антивоенной кампании на Западе против «агрессивных планов» в отношении СССР, что позволяло выявить степень готовности политических и социальных сторонников и союзников СССР к протестным действиям в случае реальной войны, а также мобилизационный потенциал Коминтерна и его дочерних организаций.

Для сочетания такого рода составляющих (внутренняя «контрреволюция» на службе «внешнего интервенционизма») и с учетом внутренней ситуации в стране требовалась более «сильная» конструкция очередного процесса. Начавшееся с конца 1929 г.

«социалистическое переустройство деревни» вызвало социально-политическую дестабилизацию, отвлекло значительные средства и ресурсы государства. «Кулацкий» и «колхозный» вопросы оказались крайне острыми. В переписке Сталина с Молотовым летом – начале осени 1930 г. обсуждалась возможность организации открытого суда над Н.Д. Кондратьевым, А.В. Чаяновым и другими арестованными экономистами-аграрниками в качестве лидеров мифической «Трудовой крестьянской партии» («ТКП»), на которую можно было возложить ответственность за массовое крестьянское сопротивление действиям власти в деревне. От этой идеи пришлось отказаться в немалой степени потому, что при всем усердии чекистов трудно было обосновать «связь» и тем более «руководство» интеллигентами-аграрниками повстанческой и стихийной протестной борьбой крестьянства в первой половине 1930 г. Кроме того, Кондратьев проявил неуступчивость, не пошел на признание связи с зарубежными кругами и планами «интервенции» [Письма..., 1995. С. 192–194, 211, 224].

Созданный чекистами партийный фантом в лице «ТКП» способствовал возникновению идеи о том, что внутренняя «контрреволюция» должна иметь статус партии – с платформой, идеологией, разветвленной сетью, финансами и пр. В 1930 г. в СССР можно было найти лишь бывших представителей политических партий эсеров, меньшевиков, анархистов. Их партийная деятельность была парализована еще в первой половине 1920-х гг. («непримиримые» сидели в тюрьмах и ссылках, а «разоружившиеся» работали в различных профессиональных сферах, не помышляя о какой-либо борьбе). Лидеры этих социалистических партий, находившиеся в эмиграции, категорически отрицали саму идею «интервенционизма». В сложившейся ситуации был выбран вполне прагматический путь: по аналогии с «ТКП» другой мифологической партией стала «Промышленная партия», к «созданию» которой чекисты приступили в сентябре 1930 г.

«Есть такая партия!» Лидер – Л. К. Рамзин

Социальной базой новой «партии» объявлялась т.н. буржуазная научно-техническая интеллигенция, которая уже с 1928 г. была обозначена как среда, рождавшая «вредительство». Ее «верхушка» сохранила свои корпоративные связи и профессиональные организации и в постреволюционный период, имела свое

буржуазное прошлое, достаток. Крупные ученые и инженеры могли выезжать за рубеж в служебные командировки, для участия в международных конференциях. Это давало чекистам основания для «выявления» их «контактов» с эмигрантской экономической организацией – Торгово-промышленным союзом («Торгпром»), центр которой размещался в Париже. Все заработало, как только был произведен арест вернувшегося из зарубежной научной поездки известного ученого-теплотехника Леонида Константиновича Рамзина.

Почему Рамзин оказался в ранге руководителя мифической «Промпартии»? В «ТКП» аналогичная роль отводилась крупным и значимым в сфере аграрной экономики фигурам (Кондратьев, Чайнов). Рамзин, будучи известен в среде научно-технической интеллигенции (директор ведущего отраслевого Теплотехнического института, профессор МВТУ), все же не был столь авторитетной личностью. К тому же он имел неоднозначную репутацию человека авторитарного, амбициозного, карьериста, способного использовать и подчинять своим планам одних и дискредитировать других коллег, умевшего выстраивать связи с партийно-советскими функционерами. Частые поездки за рубеж на различные научные мероприятия и возможность общения с разными людьми позволяли чекистам обосновать «связи» Рамзина с эмигрантскими организациями (получение директив, обмен информацией), правительственными кругами Франции и в конце концов сделать его «руководителем партии». Рамзин был арестован 14 августа 1930 г. вскоре после возвращения из заграничной поездки. Шоковое состояние заключенного, еще недавно гулявшего по улицам европейских столиц, несомненно, способствовало склонению его к сотрудничеству со спецслужбами.

Почти месяц с момента ареста Рамзина на допросы не вызывали. Очевидно, он был подвергнут «внутрикамерной обработке» (использование агентов под видом заключенных для того, чтобы выведать необходимую для допросов информацию, а также склонить арестованных к даче «признательных показаний»). В учебном пособии для спецслужб описывается, видимо, именно этот случай («опыт внутрикамерной агентурной разработки объектов по следственному делу «Промпартии»»), когда и как агент успешно справился со своей задачей. Оказавшись с одной камере с Р. («один из руководителей контрреволюционной организации

«Промпартии»)), агент установил с ним контакт, вел продолжительные беседы, в ходе которых Р. якобы не просто раскрыл агенту всю информацию о «Промпартии», но и решил дать следствию развернутые показания о «ТКП», что послужило «началом раскрытия и ликвидации “ТКП”» [Следствие, 1941. С. 100–102].

Однако приведенный в пособии пример вызывает сомнения, так как по нему выходит, что Р. был реальным руководителем реально существовавшей «Промпартии», а также содействовал раскрытию «ТКП». Впрочем, Н. Д. Кондратьев был арестован 19 июня 1930 г. (Рамзин двумя месяцами позже), а вероятность постановочного процесса над «ТКП» обсуждалась значительно раньше, чем возникла идея «Промпартии», как третьего звена партийного альянса, наряду с «ТКП» и «меньшевиками». Сам Кондратьев летом 1930 г. подвергался активной внутрикамерной обработке, о чем он свидетельствует в своих заявлениях из Суздальского политизолятора в 1932 г. По другим источникам, накануне 1931 г. он говорил с сокамерниками о том, насколько опасно поддаваться подобной обработке, а оценивая поведение Рамзина, «бранил его “слабовольным болтуном”, перешедшим в своих показаниях все границы здравого смысла и здорового чувства самосохранения...»¹.

17 сентября 1930 г. был зафиксирован протоколом первый допрос Рамзина, начинавшийся достаточно стереотипными для такого рода ситуаций словами: «Считаю необходимым заявить о том, что я решил прекратить всякую борьбу с советской властью и стать на путь прямого и искреннего разоружения и раскаяния». Далее он сделал несколько «ключевых» заявлений: о существовании с середины 1920-х гг. антисоветской организации «Союз инженерных организаций» (позже названной «Инженерным Центром»), осуществлявшей «вредительство» в основных сферах промышленности и транспорта. Назвал лиц, входивших в руководство, включая и себя (все они на тот момент были арестованы, а некоторые уже расстреляны). «Организация» якобы имела разветвленную сеть периферийных центров и филиалов; в 1927 г. была установлена связь «Инженерного центра» с «Крестьянской партией» (Чаянов); обсуждался вопрос о необходимости установления связей с эмигрантскими организациями.

¹ Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. Р-42280. Т. 5. Л. 37.

Краткие, двухстраничные показания Рамзина завершались также трафаретной фразой: «В последующем я дам исчерпывающие показания о всей известной мне деятельности нашего Центра и Крестьянской партии»².

Далее, с 21 сентября он начал давать столь «исчерпывающие показания», что они занимали десятки страниц, исписанных убогим почерком. Рукопись от 21 сентября состояла из чернового текста на 34 страницах, написанных им собственноручно с рядом вставок на полях, включавшего в себя более 20 разделов – от истории создания «Центра», который уже именовался «Промышленной партией», и состава отраслевых и периферийных организаций до описания заседаний «руководства», начиная с 1927 г. «Дополнения» к предыдущему тексту на 10 страницах написаны 23 сентября, причем внизу каждой страницы он педантично ставил свою заверительную подпись. Выполненное Рамзиным в камере «домашнее задание», очевидно, способно поразить любого читателя своей детализацией: в рукописи упоминается более 80 фамилий (в большинстве с инициалами) лиц, которым приписывалась роль «руководителей» отраслевых центров с охватом всех отраслей промышленности и транспорта. В текстах приводятся конкретные цифры о состоянии базовых отраслей экономики. Даже с учетом тренированной памяти профессора технического вуза и ученого невозможно представить изложение такого объема информации, сидя в тюремной камере, «без подсказок». Особый интерес для политического руководства страны представляли несколько выделенных Рамзиным рубрик: «Ставка на интервенцию», «Вооруженное восстание», «Состав будущего правительства»; «Связь с белой эмиграцией и иностранными фирмами», «Заграничные директивы», «Отношение к правому уклону ВКП(б), «Связь с военной промышленностью», «Террористические группы»³.

Следующий обширный текст (24 страницы) Рамзин собственноручно «исполнял» в течение трех дней, поскольку сам их датировал периодом с 29 сентября по 1 октября (о связях с «правоуклонистами», о «террористической деятельности», «заграничных контактах» и «поддержке планов интервенции»). Черновики Рамзина были перепечатаны, и В.Р. Менжинский

² ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-42280. Т. 2. Л. 1–1 об.

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9474. Оп. 7. Д. 405. Л. 2–30 об.

имел все основания написать в докладной записке Сталину 2 октября 1930 г. следующее: «Очень прошу Вас прочесть показания известного <проф.> Рамзина. Во втором из них от 29/IX-1/X с.г. Рамзин рассказывает, как промышленная партия (инж[енерный] вредительский центр) проводила свою линию по всем отраслям советской работы через Рыкова, Ломова и др. [...]. Новый момент в деле – террор: у Рамзина была террористическая группа из молодых инженеров. Здесь, как и в вопросе о военной организации, арестованные террористы начали признаваться»⁴. В ответном письме Сталин подчеркнул, что «самое интересное» в показаниях Рамзина – «это вопрос об интервенции вообще и особенно вопрос о сроке инт[ервен]ции». Если же показания Рамзина «получат подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и К^о и т.д.), то это будет серьезным успехом ОГПУ, так как полученный таким образом материал сделаем в той или иной форме достоянием секций К[оммунистического] И[нтернационала] и рабочих всех стран, поведем широчайшую кампанию против интервенционистов и добьемся того, что парализуем, подорвем попытки к интервенции на ближайшие 1–2 года, что для нас немаловажно»⁵.

Из сталинского письма Менжинскому следовали две директивы: центральное место в будущем судебном процессе должен занимать «интервенционизм», и в этом рамзинской «Промпартии» теперь отводилось приоритетное место. Чекистам следовало ускорить следственные действия в отношении «руководства» данной организации, максимально увязывая в один узел все три «контрреволюционные партии». Другая директива отражала своего рода сверхзадачу, в которой ведущая роль принадлежала советской пропаганде – придать будущему процессу международный резонанс, дабы «подорвать попытки к интервенции».

Для постановочного процесса такого рода требовался в качестве центральной фигуры незаурядный человек, амбициозный и одновременно гибкий, способный перешагнуть через границы морали. Примечательно, что уже по завершении процесса возглавлявший судебные заседания А. Я. Вышинский, выступая

⁴ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 353. Л. 102–103.

⁵ Коммунист. 1990. № 11. С. 99–100.

9 декабря перед работниками аппарата Наркомпроса, назвал критерий, по которому Рамзин подходил для подобной роли: «Рамзин – человек в высшей степени крепкий. У нас было колебание: кто здесь главное действующее лицо – Федотов или Рамзин. Надо сказать, что Федотов – бывший член кадетской партии, который имеет все связи с деятелями контрреволюционной эмиграции. [...] В конце концов, у нас не было никакого сомнения, что первую скрипку играет Рамзин. Это человек с колоссальной волей, человек недюжинного ума, прекрасно владеющий тактикой маневрирования. Это передавалось и всем подсудимым, как по беспроволочному телеграфу – то, что скажет Рамзин, скажут и все остальные» [Судебный процесс... Кн. 2, 2017. С. 731].

Практически нет сомнений в том, что Рамзин, «изливая на бумагу» и легализуя чекистские заготовки, чем дальше, тем больше втягивался в предложенное ему мифотворчество, в котором «на кону» стояли реальные человеческие головы. Среди почти сотни человек, перечислением которых были насыщены первые рамзинские тексты, большинство уже сидели. Если предположить, что каким-то чудесным образом Рамзин мог знать об этом помимо «подсказок» чекистов, то здесь он еще не переступал грань между «допустимым» для арестованного соглашением со следователями и откровенным подыгрыванием следствию. Но затем он стал называть фамилии своих коллег по институту, другим организациям, еще находившихся на свободе, дав повод для новой волны арестов. Еще более отягчающим поведение Рамзина на следствии стал тот факт, что он (безусловно, по подсказке чекистов) заявил о наличии в структуре «Промпартии» направления террористической деятельности, по сути подводя перечисленных при этом людей под расстрельные приговоры (одним из троих впоследствии расстрелянных «руководителей террористических групп» стал двоюродный брат Рамзина, С. А. Предтеченский).

Арестованный по «рамзинскому перечню» в конце октября 1930 г. в Ленинграде инженер-технолог С. И. Краузе, которому Рамзин отвел роль одного из крупных вредителей в сфере военной промышленности, в заявлении на имя прокурора ОГПУ так охарактеризовал зловещую деятельность Рамзина: «Мое объяснение оговоров Рамзина. Рамзин, человек весьма талантливый, очевидно, попал в безвыходное положение, как контрреволюционер, и решил пропадать с большой помпой и шумом на весь культурный мир.

Сколько правды, а сколько вымысла в его сочинении, “показаниях”, я не берусь судить, как не берусь утверждать, что все это вымысел, ибо отвечать можно только за самого себя. Вероятно, Правда рамзински-талантливо смешана с Ложью, а цель смеси – замешать как можно больше ценных и талантливых людей, снять их с работы и нанести этим огромный вред стране и ее текущим напряженным работам по индустриализации и подготовке кадров. В области теплотехники он достиг, кажется, этого полностью, ибо все видное и талантливое почти поголовно арестовано и обвиняется по самому ужасному преступлению – терроризму и взрыву заводов»⁶.

Чекистская конкуренция: как определялась «восьмерка» подсудимых

Одним из очевидных различий между процессами Шахтинским и «Промпартии» является «многолюдность» скамьи подсудимых в 1928 г. (53 чел.) и «малолюдность» в 1930 г. (8 чел.). Данное обстоятельство следует отнести к урокам, извлеченным режимом из опыта проведения Шахтинского процесса: почти половина обвиняемых не признала (полностью или частично) себя виновными. Присутствие среди подсудимых трех немецких специалистов серьезно осложнило тогда германо-советские отношения. Наличие и квалифицированная работа значительной группы юристов-защитников (15 чел.) затрудняли Крыленко и Вышинскому ведение процесса в нужном для них русле. Соответственно, процесс «Промпартии» сопровождался более тщательным отбором подсудимых при резком сокращении их числа, наличием двух «вменяемых» защитников (опытных юристов М. А. Оцепа и И. Д. Брауде), знавших границы своих полномочий.

Другим, неочевидным различием, является характерное для процесса «Промпартии» соперничество двух чекистских структур – Экономического управления (ЭКУ), курировавшего деятельность по «вскрытию вредительства», и Секретно-политического Отдела (СПО), занимавшегося разработкой более значительных, государственно-политических «дел».

Арестами и следственными действиями в отношении лиц, обвиненных во «вредительстве» во всех возможных отраслях

⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-42280. Т. 1. Л. 197.

хозяйства, традиционно занимались сотрудники ЭКУ, поэтому первые аресты и допросы будущих фигурантов процесса «Промпартии» весной 1930 г. (проф. А. А. Федотова и других управленцев в сфере текстильной промышленности) проводились этим ведомством. Ситуация изменилась, когда в сентябре 1930 г. у руководства ОГПУ появилась схема «наличия» в стране контрреволюционных сил более высокого порядка – в виде «партий» («ТКП», «Промпартии», «меньшевистского бюро»). К разработке «партийных линий» были подключены структуры уже «политического сыска» во главе с Я. С. Аграновым. Именно им была передана следственная работа с основными «фигурантами» будущего процесса, включая Л. К. Рамзина. В итоге возникшей «конкуренции» каждая из групп следователей стремилась вывести своих подследственных на позиции ведущих деятелей мифической организации. Складывалась ситуация, при которой аресты и следствие начинали сотрудники ЭКУ, затем следствие «перехватывали» сотрудники СПО, а затем арестованных могли вновь возвращать в ведение ЭКУ, когда решался вопрос о послесудебном наказании.

Как обеспечивался постановочный характер процесса

Постановочный характер процесса «Промпартии» был обусловлен несколькими обстоятельствами, исключавшими пуск его на самотек. Прежде всего полным согласием подсудимых с предъявленными им обвинениями. Это достигалось путем целенаправленной и интенсивной работы следствия. Каждый из восьмерых четко осознавал отведенную ему на суде роль. Любой непредвзятый наблюдатель, оказавшийся «зрителем по пропуску» в Колонном зале, не мог не обратить внимание на то, что выступавшие подсудимые произносили речи или отвечали на вопросы почти не отрываясь от бумаг, лежавших перед ними. Вышинский, выступая перед сотрудниками Наркомпроса, так объяснял происходившее: «Перед нами сидели профессора, которые на меня и на других производили такое впечатление, что они, в сущности говоря, не дают объяснений, как подсудимые, а читают свои рефераты или доклады на каком то ученом собрании [...] У них были заметки, конспекты, куда они посматривали, и что давало впечатление, что они как будто читают свои объяснения. Конспекты эти они составляли

в течение всего времени, какое они пробыли под стражей. Это было не так долго. Самый ранний арест был в апреле, самый поздний оказался в октябре, т.е. буквально за месяц до начала процесса. Это производило впечатление, что обвиняемые дают показания, читая заранее подготовленный материал и документы, что они читают, конечно, то, что им написало ГПУ, и вложило в их руки, а им остается только прочитать [...] Я смею удостоверить, что ни один из обвиняемых, несмотря на самую большую длительность речи, не читал того, что было написано, а обращался к написанному, как к документу помогающему развивать свои мысли, как это принято в нашем академическом кругу» [Судебный процесс... Кн. 2, 2017. С. 728].

Вышинский, естественно, говорил то, что и должен был говорить. Однако в действительности из восьми подсудимых четверо (А. А. Федотов, В. А. Ларичев, К. В. Ситнин и С. В. Куприянов) были арестованы во второй половине марта, «числились» за ЭКУ ОГПУ по линии «отраслевого вредительства» и вплоть до октября ни о какой «Промпартии» на их допросах не говорилось. Аресты «главарей» (И. А. Калининкова, Н. Ф. Чарновского, Л. К. Рамзина) прошли в июле – середине августа 1930 г., только В. И. Очкин, ученый секретарь Теплотехнического института, был арестован в октябре.

Безусловно, центральным объектом для чекистской работы был Рамзин. В следственном делопроизводстве зафиксировано 19 протоколов его допросов, среди которых большую часть составили его «собственноручные показания» – первый датирован 17 сентября, последний – 23 ноября, т.е. за два дня до начала судебного процесса. В дни 16 октября и 3 ноября он подвергался допросу дважды. В периоды с 10-го по 16-е и с 25-го по 31 октября допросы Рамзина проходили почти ежедневно. Главными темами были каналы связи с зарубежьем и направления, формы и масштабы «вредительства», планы «диверсий» на случай интервенции и, естественно, ключевой вопрос – о «подготовке интервенции». Другой интенсивно допрашиваемой фигурой стал И. А. Калининков. Зафиксировано 16 протоколов его допросов, включая и «собственноручные показания». Пять протоколов были тиражированы. Как и в случае с Рамзиным, отмечены два пика интенсивности допросов – с 13-го по 18-е и с 27-го по 31 октября. Основными темами допросов были

«вредительство в планировании развития промышленности» и «интервенционизм». Н. Ф. Чарновский допрашивался в период с 9-го октября по 3 ноября восемь раз, при этом четыре протокола тиражировались. С наибольшей интенсивностью допросы осуществлялись с 13-го по 18 октября, тематика – «вредительство в металлургии и машиностроении» в связи с «будущей интервенцией». В. А. Ларичев фигурировал в протоколах допросов также восемь раз с 6-го октября по 3 ноября, четыре протокола тиражировались, пик допросов приходился на период с 12-го по 18 октября. Тематика – «вредительство в планировании топливной промышленности» и «связь с границей». Допросы со стороны Секретно-оперативного управления ОГПУ курировал, нередко присутствуя на них, Я. С. Агранов. Основными следователями были Радзивилловский и Славатинский. Наконец, еще одна «ударная десятидневка» проходила с 13-го по 23 ноября, когда с подсудимыми проводились интенсивные передопросы, завершившись лишь за два дня до начала процесса. (*Подсчеты сделаны нами на основе материалов следствия* [Судебный процесс... Кн. 1, 2016. С. 28–30].)

Хронология допросов «главных» фигур «Промпартии» позволяет установить не только их динамику и «пиковые» значения в течение октября – ноября, но и то, над чем трудились чекистские следователи, стремясь увязать «экономическую контрреволюцию» с «интервенционизмом». Путем интенсивных допросов и передопросов, а также очных ставок арестованных между собой, выстраивался сценарий будущего процесса. Важно было устранить возникавшие на отдельных допросах нестыковки и противоречия. Рамзину, как центральной фигуре, на завершающей стадии следствия разрешалось передавать записки другим обвиняемым, дабы согласовывать показания уже в ходе судебных слушаний. Во время работы над следственными материалами, часть которых размножалась типографским способом для рассылки партийно-хозяйственному руководству, чекисты допускали перекраивание текстов допросов, убирая одни сюжетные линии и усиливая акценты в отношении других.

Весомым подтверждением постановочного характера процесса является четкая синхронность взаимодействий судебной машины с машиной Агитпропа. Содержание подневных заседаний в полном формате печаталось через день в газете «Известия»,

что было бы невозможным без высшей степени готовности того объема информации, которая озвучивалась в Колонном зале. По кадрам кинохроники видно, что каждый из подсудимых был «привязан» к тексту своего выступления, подготовленного заранее. Если после Шахтинского процесса в делопроизводстве Верховного Суда осталось 43 тома подневных стенограмм, так и не вышедших в свет, то стенограмма процесса «Промпартии», объединенная в один том, была отпечатана через три месяца по его завершении в варианте, практически повторявшем газетные подневные публикации «Известий». Сравнение судебной стенограммы с фрагментами выступлений подсудимых, зафиксированных кинохроникой, подтверждает их полную идентичность. То есть все источники говорят о полном перенесении информации судебных заседаний на «бумагу». Под жестким контролем проходила работа кинодокументалистов, выпустивших о процессе один из первых в стране звуковых фильмов («13 дней. Дело “Промпартии”»), режиссер Я. Посельский). Давая заключение на смонтированный фильм, Вышинский отметил, что «монтаж сделан правильно и вполне выдержанно с идеологической и политической стороны»⁷. Через месяц после завершения процесса (5 января 1931 г.) фильм уже демонстрировался в кинотеатрах Москвы, а 13 января он был показан с титрами на английском языке в Нью-Йорке (во Франции и в Германии власти запретили показ фильма).

«Издержки» и просчеты постановочного процесса

К их числу следует отнести форсированные темпы проведения следствия, в ходе которого допускались грубые ошибки. Наибольший резонанс имел тот факт, что в показаниях Рамзина и др. фигурировали встречи за границей после 1927 г. с руководством эмигрантского «Торгпрома», в том числе с известным предпринимателем П. П. Рябушинским, хотя тот скончался еще в 1924 г. «Обстоятельства» встреч и переговоров Рамзина с представителями французских деятелей, включая военных, а также утверждение о том, что посольство Франции в СССР

⁷ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2965. Оп.1. Д. 131. Л. 1.

активно сотрудничало с лидерами «Промпартии», рассматривались в «особом порядке», в закрытом заседании суда перед завершением процесса. Но и там никаких конкретных доказательств представлено не было, чего требовала французская сторона по дипломатическим каналам. Французская сторона категорически отвергала любые обвинения в свой адрес, считая их необоснованными, а советская сторона, напротив, считала эти обвинения доказанными в суде. Полпред СССР во Франции В.С. Довгалевский 24 декабря 1930 г. передал министру иностранных дел Франции А. Бриану решение Верховного Суда СССР с сопроводительным письмом к нему. Днем позднее советский посол был вызван в МИД Франции, где ему предложили забрать документы, так как в них содержались «обвинения, не выдерживающие критики», а потому «неподлежащие принятию ни по форме, ни по содержанию» [Судебный процесс... Кн. 2, 2017. С. 257]. Советская сторона (М.М. Литвинов) вынуждена была констатировать, что «мы считаем протест заявленным, а французское правительство – не заявленным» [Судебный процесс... Кн. 2, 2017. С. 288]. Тем самым процесс «Промпартии» усугубил и без того имевшийся кризис в советско-французских взаимоотношениях, на преодоление которого ушел весь последующий 1931-й год. В итоге ставка советского руководства на «разоблачение французского интервенционизма» не получила ожидавшегося международного резонанса и признания справедливости судебного приговора. Этот сюжет стал лишь широко используемым советской стороной пропагандистским ресурсом.

Зарубежная пропаганда, рассчитанная на поддержку левых кругов интеллигенции и рабочего движения и проходившая прежде всего по линии Коминтерна путем организации (с акцентом на Францию) массовых протестов против угрозы интервенции в отношении СССР, самими организаторами оценивалась весьма критически. Выступая на совещании Агитпропа Коминтерна 21 января 1931 г. его руководитель Серафима Гопнер не удержалась от резких заявлений: «Отсутствие демонстраций во Франции является позором [...] если подвести итог, то надо сказать, что в отношении массовых

акций мы имеем колоссальную диспропорцию между нашими усилиями и результатами»⁸.

В СССР на протяжении всего процесса пропаганда формировала установку «Смерть вредителям!», которая из-за своей очевидности стала достоянием массового сознания, своего рода нормативной реакцией на то, чем должен завершиться судебный процесс. Поэтому постановление Президиума ЦИК СССР, последовавшее после вынесенного Верховным Судом приговора о замене смертной казни в отношении пяти осужденных (Рамзина и др.) 10-летним сроком заключения, вызвало бурю негодования, недоумения, растерянности буквально во всех слоях населения, следивших за ходом судебных заседаний. В секретариат ЦИК СССР и лично М.И. Калинин было направлено значительное число протестных писем и телеграмм, в которых зафиксирована позиция рабочих, крестьян, красноармейцев, учащихся, 25-тысячников, учителей, инженеров и др. Эти документы примечательны не только требованиями или просьбами вернуться к расстрельному приговору для «вредителей», но и попытками найти объяснения смягчению приговора – от разочарований в правильности репрессивной политики до негативных выводов о проникновении «вредительства» на самый «верх». Своим актом о смягчении приговора Рамзину и К^о власть вызвала крайне деструктивную для себя реакцию тех слоев, которые считались ее надежной опорой. Это вынужден был признать Вышинский, выступая перед работниками Наркомпроса 9 декабря: «Конечно, было бы очень хорошо никогда Правительству, руководящему государством, не встречаться в каком-нибудь конфликте с массой своего населения, со своим классом» [Судебный процесс... Кн.2, 2017. С. 735].

Власть не вполне прогнозировала и последствия арестов в 1929–1930 гг. почти двух тысяч представителей научно-технической интеллигенции, обвиненных в принадлежности к «Промпартии», что привело к дезорганизации в работе крупных отраслевых производственных и исследовательских учреждений. Впрочем, во второй половине 1930-го – начале 1931 г. для осужденных во внесудебном порядке Коллегией ОГПУ

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 30. Д. 706. Л. 15, 17.

к различным срокам заключения специалистов была найдена форма принудительного использования их интеллектуального потенциала – создана под эгидой ЭКУ ОГПУ сеть Особых технических бюро (ОТБ), впоследствии окрещенных «шарашками», числом более 20. В одном из них (ОТБ-11) под руководством Рамзина был реализован проект прямооточного котла, благодаря чему он и еще несколько человек в 1936 г. оказались амнистированы. Через «шарашки» в первой половине 1930-х гг. прошли такие выдающиеся ученые, как конструкторы Б.С. Стечкин, Н.А. Доллежал, теплотехник М.В. Кирпичев и др. (восемь академиков и членов-корреспондентов), получившие персональную реабилитацию по данному «делу» только в послесталинский период. Немало крупных специалистов, несмотря на отбытие сроков заключения работами в ОТБ, оказались повторно репрессированными и погибли в годы «Большого Террора».

Выдающийся российский адвокат Николай Константинович Муравьев, известный до революции защитой подсудимых на громких политических процессах, один из защитников лидеров эсеровской партии на суде в 1922 г. (что послужило вскоре причиной его ареста и ссылки на несколько лет), во время своего допроса в ГПУ 25 августа 1922 г. дал четкую оценку такого рода процессам: «Я думаю, что с политическими задачами нельзя ни создавать процессов, ни расширять их рамки. Я думаю, что процесс следовало бы вести в узких рамках нарушения Уголовного кодекса. Единственным основанием для процесса должны были бы быть [...] не требования демонстрантов, а действующий Закон. Суд должен быть судом и только судом...» [Высылка..., 2005. С. 294].

Литература

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ОГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005. 544 с.

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сб. док. М.: Россия молодая, 1995. 303 с.

Следствие. Учебное пособие по чекистской работе. М., 1941. 255 с.

Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 855 с. (Архивы Кремля).

Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 2. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 1055 с. (Архивы Кремля).

Для цитирования: Красильников С.А. Инсценирующая диктатура: судебный процесс «Промпартии» 1930 г.// ЭКО. 2019. № 7. С. 173-192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-173-192

Summary

Krasilnikov, S.A., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Institute of History, SB RAS; Novosibirsk State University, Novosibirsk

Staging Dictatorship: the «Industrial Party» Trial of 1930

Abstract. In 1930, Stalin's leadership was searching for ways to overcome escalating crises in the country and abroad (growth of social tension and protest attitudes in society towards the government, interstate trade and economic conflicts, etc). In this context, it became inevitable to address the previously tested social mobilization technologies in the fight against "internal and external enemies" by using the justice. The mythical Industrial Party Trial was the first fully staged political process in the USSR. In the course of its conduction, for the first time such a massive combination of modern propaganda tools (filming, radio broadcasts from the courtroom, daily coverage of hearings in newspapers is almost identical to the transcript) were used by the authorities for influencing the public consciousness not only of the population of the Soviet Union, but also the left and labor movements of foreign countries. The process of the "Industrial Party" had its downside, concealing the goals and intentions of its organizers, which can be reconstructed by analysis of the official documents and materials of the Party-State and Chekist structures. The article analyzes the problem of opportunities and limitations of the use by Stalin's leadership of this judicial process as a means of controlling the behavior of the masses in the early Soviet society.

Keywords: *open court proceedings; mythological «Industrial Party»; Stalin; Ramzin; France; «interventionism»*

References

Expulsion instead of Execution. Deportation of Intellectuals in the Documents of the Cheka – OGPU. 1921–1923. (2005). Moscow, Russian way. 544 p. (In Russ.).

Letters of I. V. Stalin to V. M. Molotov. 1925–1936. (1995). Collection of Documents. Moscow, Russia is Young. 303 p. (In Russ.).

The Investigation. A Manual on the Work of Chekist. (1941). Moscow, 255 p. (In Russ.).

The Trial of the "Industrial Party" of 1930: Preparation, Conduct, Results: in 2 books. Book 1. (2016). Moscow, Political Encyclopedia. 855 p. (Kremlin archives). (In Russ.).

The Trial of the "Industrial Party" of 1930: Preparation, Conduct, results: in 2 books. Book 2. (2017). Moscow, Political Encyclopedia Publ. 1055 p. (Kremlin archives). (In Russ.).

For citation: Krasilnikov, S. A. (2019). Staging Dictatorship: the «Industrial Party» Trial of 1930. *ECO*. No. 7. Pp. 173-192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-7-173-192

В следующих номерах вы прочтете:

Тема номера:

Проблемы развития энергетики России

- Организационные и технологические трансформации в электроэнергетике
- Централизованное теплоснабжение в России: текущее состояние и проблемы
- Оптимизация энергоснабжения потребителей в условиях нового энергетического реализма
- Вопросы государственной энергетической политики в решениях ГКО СССР (1941-1945 гг.)

А также:

- Проблемы и перспективы функционирования банковской системы в регионах России
- Формирование современной системы регионального и муниципального управления
- ВВП как стоимостной измеритель объема экономики и индикатор экономического роста
- Статистический анализ дифференциации российских регионов по уровню публикационной активности
- Зарубежные программы умной реиндустриализации: варианты для России
- Уровень добычи нефти как фактор роста экономики Арктики (США, Аляска)
- Оценка национального богатства: советская история и постсоветская практика
- Облесение и лесовосстановление как эффективные стратегии смягчения климатических изменений
- Приоритеты формирования экспортно ориентированной стратегии развития отрасли (на примере птицеводства)

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).
2019. № 7. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© Редакция журнала «ЭКО», 2019. Выход в свет 31.07.19
Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08
Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 330. Заказ 126.

ФГУП «Издательство СО РАН»

630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2